

В. Н. Сидорцов   А. А. Приборович

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС ИСТОРИКА:

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Минск
Издательский центр БГУ
2013

УДК 930.2
ББК 63
С34

Рекомендовано
Советом исторического факультета
Белорусского государственного университета
18 сентября 2012 г., протокол № 1

Рецензенты:
заведующий кафедрой славянской истории
и методологии исторической науки Белорусского государственного
педагогического университета имени Максима Танка
доктор исторических наук, профессор *А. П. Житко*;
заведующий кафедрой истории России исторического факультета
Белорусского государственного университета
кандидат исторических наук, профессор *О. А. Яновский*

Сидорцов, В. Н.

С34 Научный дискурс историка: социальная обусловленность
и методология исследования / В. Н. Сидорцов, А. А. Приборо-
вич. — Минск : Изд. центр БГУ, 2013. — 192 с.
ISBN 978-985-553-091-7.

В монографии рассматривается работа историка с основным источником — нарративным. Анализируются состояние дела в этой области, современные подходы и методы работы с нарративом, роль личности как творца, так и исследователя истории. Особое внимание уделено информационному обеспечению нетрадиционных методов познания.

Адресуется специалистам в области исторического знания, аспирантам, магистрантам, всем интересующимся методологией познания прошлого и настоящего.

УДК 930.2
ББК 63

ISBN 978-985-553-091-7

© Сидорцов В. Н., Приборович А. А., 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Апология исторического познания.....	9
Глава 2. Предмет научного дискурса историка.....	29
2.1. Специфика научного дискурса.....	29
2.2. Условия применения научного исторического дискурса.....	36
2.3. Словарная вариативность языка историка.....	40
2.4. Жанровая классификация научного текста.....	47
Глава 3. Белорусская историческая мысль в 1991—2011 гг.	58
3.1. Концептуальная карта исследований белорусских историков.....	58
3.2. Применение нетрадиционных методов исторического исследования в диссертационных работах отечественных историков.....	66
Глава 4. Целесообразность и особенности использования инновационных методов в историческом познании.....	76
4.1. Недостаточность традиционных методов.....	76
4.2. Трудности и возможности применения нетрадиционных методов исторического познания.....	93
4.3. Взаимодействие истории и социологии: контент-анализ.....	114
4.4. Реконструкция психологических черт личности в истории.....	123
4.5. Метод дискурс-анализа в лингвистической интерпретации социальной действительности.....	131
Глава 5. Информационное обеспечение нетрадиционных методов исторического исследования (контент-анализ, психолингвистический, дискурс-анализ).....	141
5.1. Компьютерная реализация контент-анализа.....	141
5.2. Компьютерные системы психолингвистического анализа исторического текста.....	154
5.3. Особенности компьютерного дискурс-анализа в изучении текста.....	161

Глава 6. Новые формы презентации	
научного языка историка	171
6.1. Компьютерная модель профессионально-биографического портрета историка	171
6.2. Разработка среды компьютерного анализа текста нарративного источника «TextHistory»	176
 Заключение	 189

ВВЕДЕНИЕ

Историки работают в основном с нарративными источниками. Современная герменевтика ориентирует их на понимание и интерпретацию текста на уровне выше авторского. На умение читать между строк указывал еще замечательный российский историк второй половины XIX — начала XX в. В. О. Ключевский, предвосхитивший в некотором отношении французскую школу «Анналов» и фактически создавший свою школу.

Во всех случаях на первом месте стоит человек, личность, творящая историю и описывающая историю. Большевизм в свое время отрицал ценность человеческой личности. В недавнем прошлом «маленький» человек шельмовался, превращался в лагерную пыль, уничтожался, если он не соглашался с партийной «линией», которую формировала элита. «Эту особенность большевизма с поразительной прозорливостью вскрыл Ф. М. Достоевский в романе „Бесы“, — заметил известный комментатор «АиФ» В. Костиков. — И не случайно Ленин так не любил Достоевского, а его романы называл „морализирующей блевотиной“ [1]. Только ныне роман «Бесы» стал доступен широкому кругу читателей [2].

Роман «Бесы» писался не сразу. Вначале это был политический памфлет, который постепенно превращался в философскую исповедь, доказывавшую правомерность слов датского богослова Кверкегора: «Коммунизм будет выдавать себя за движение политическое, но окажется в конце концов движением религиозным» — конечно, только по структуре своего сознания, по страстности своего исповедничества, но не по содержанию своей веры [3].

Подобное продолжает иметь место и в нашем обществе. Недавно это проявилось, например, в связи с реформой высшей школы в республике. Доктор исторических наук, профессор Е. К. Новик выступил в печати против ее перевода на 4-летний срок обучения путем сокращения учебного времени дисциплин социально-гуманитарного цикла в негуманитарных высших учебных заведениях. Выступление профессора в принципе было поддержано нами. Однако его аргументация сводится к тому, что дисциплины этого цикла, в частности история, выполняют большую и необходимую работу по идеологическому воспитанию студенческой молодежи [4]. Ныне хорошо известно, что сами по себе социально-гуманитарные науки не могут обеспечивать необходимого в любом государстве идеологического воздей-

ствия. Требуется проведение специальных мероприятий. Для этого создаются и функционируют соответствующие государственные и общественные структуры, организующие и осуществляющие определенные мероприятия. Партийность в науке осуждена; история как наука выполняет несколько иные функции.

Если в этой статье наше внимание сконцентрировалось на содержательной стороне обучения истории, то в последующей статье Е. К. Новика — на организации учебного процесса в свете опыта советской системы высшего образования и его постановке в рамках стран Европейского союза — Болонского процесса [5]. И в этом случае автор занял ту же, сугубо просоветскую, позицию. Она «подкреплялась», как и в первом случае, соответствующим (неприемлемым ныне) стилем подачи изложения. Его аргументация проистекает из приверженности автора к советскому толкованию роли исторической науки и образования, ограниченности представления о современных теоретико-методологических основах научного, и в частности исторического, познания.

Желание сделать больше, умножить армию высококвалифицированных историков-профессионалов Беларуси упирается в компетентность специалистов высшего звена. О ее недостаточности можно судить хотя бы по следующим признакам:

- требования к выполнению научных работ, в частности диссертаций (см. Программы кандидатского минимума по историческим специальностям, представленные на сайте ВАК РБ), заметно устарели;

- переход на 4-летний срок обучения в высших учебных заведениях республики осуществляется за счет дисциплин социогуманитарного цикла, а не на основе пропорционального сокращения учебных часов и их реализации посредством обращения к междисциплинарности и полидисциплинарности (практико-ориентированный подход сам по себе не снимает проблемы);

- явно ограниченное владение научно-понятийным аппаратом исторического познания, в том числе терминологией собственного объекта (предмета) фактографического исследования, доминирующего в современной научной жизни, и др.

Наша аргументация исходит из происходящей ныне интеграции наук, междисциплинарности, которая приходит на смену былому идеологическому единству. Переход на 4-летний срок обучения, как нам представляется, должен происходить на основе пропорционального сокращения учебных часов по всем дисциплинам. А что же каса-

ется Болонского процесса, то, прежде чем критиковать его с «советских» позиций, требуется глубоко проникнуть в суть проблем Европейского союза, связанных с определением стандартов высшей школы, которые учитывали бы интересы всех стран. Такой в целом подход требует широкой компетентности и нового мышления. На это обстоятельство мы уже указывали в ряде работ. Возникла потребность в том, чтобы свести наши рассуждения по затронутым вопросам воедино и более подробно подать их читателям отдельным выпуском.

Несомненно, обучение истории, как и другим дисциплинам, должно носить практико-ориентированный характер, который предполагает усиление теоретико-методологической компоненты в программах кандидатского минимума и других программах. Требуется расширение подходов к изучаемым темам, что возможно через реализацию междисциплинарности, творческое осмысление и использование новых концепций и нетрадиционных методов, советского опыта и достижений мировой науки. Все это ставит в центр нашего внимания имеющиеся дискурсивные практики.

В данной монографии ставится целью показать, что текст источника, связанный с критериями, характеризующими явления, означенные в нем (тексте), дает реальное представление исторической действительности. Достигается такой результат посредством решения ряда задач, в том числе:

- раскрытие предмета научного дискурса (специфика текста, параметры повествования, лингвистика текста);
- понимание и применение дискурсов в белорусской исторической науке;
- необходимость и своеобразие использования нетрадиционных методов в историческом исследовании, в частности контент-анализа, психоанализа, дискурс-анализа;
- представление видов и особенностей компьютерного дискурс-анализа;
- разработка среды компьютерного анализа текста нарративного источника;
- включение в исследование вспомогательных материалов (словарей дискурсивного анализа, фанрайзинга средств познания, новых программных сред изучения текста) и др.

Авторы убеждены в том, что методологически организуемая работа с текстом, в котором представлены массовые исторические источники, – ключ к повышению профессионализма историков, путь к об-

ретению современного облика отечественной исторической науки. Вместе с тем авторы монографии не претендуют на достаточно выверенное и полное представление темы. Это лишь набросок изложения злободневной проблемы, рассчитанный на мобилизацию мыслительной деятельности заинтересованного читателя.

Монография написана совместно двумя авторами, 4-я и 5-я главы принадлежат А. А. Приборовичу.

Литература

1. Костиков, В. Котлованы счастья. «Бесовщина» в нашей судьбе / В. Костиков // Аргументы и факты в Беларуси. — 2012. — № 45. — С. 4.
2. Достоевский, Ф. М. Бесы: роман: в 3 ч. / Ф. М. Достоевский. — Минск: Нар. асвета, 1990. — 682 с.
3. Степун, Ф. А. «Бесы» и большевистская революция / Ф. А. Степун // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. — М., 1991. — С. 365.
4. Новик, Е. К. Проблемы совершенствования качества социально-гуманитарного образования в негуманитарных высших учебных заведениях (по поводу статьи М. И. Вишневого) / Е. К. Новик // Социология. — 2012. — № 2. — С. 92–98.
5. Новик, Е. К. Реформы в образовании не гарантируют повышения его качества / Е. К. Новик // Беларус. думка. — 2012. — № 10. — С. 45–52.

Глава 1

АПОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Апология (гр. *apologia*) — защита кого-либо или чего-либо, часто предвзятая, т. е. восхваление. В нашем случае речь пойдет не о восхвалении, а о сохранении чистоты отечественной историографии, которая (особенно в последнее время) подверглась «засорению» в методологическом смысле со стороны и ортодоксов истории, и молодых кадров, входящих в большую науку. Историкам старшего поколения, внесшим немалый вклад в развитие отечественной исторической науки [1], нелегко принять новые научные идеи и подходы, синтезировать свои богатые знания с новыми взглядами на теоретико-методологические основания исторического познания. Молодые кадры, перед которыми открылись широкие просторы для научного творчества, не понимают преемственности в развитии науки, торопятся с выводами в своих исследованиях, не уделяя должного внимания их доказательности, проведению верификации. Мы имеем, с одной стороны, единство, построенное на идеологии марксизма-ленинизма, а с другой, отрицание этой идеологии и вслед за ней какого бы то ни было единства, полный хаос в методологии собственных исследований. Если первые в свое время шли в глубину познания, будучи ограничены узостью охвата своего объекта исследования, то вторые, не заботясь о тщательном отборе необходимой информации, склонны к ее поверхностному представлению.

Во введении к данной монографии мы уже оценили взгляды Е. К. Новика на проблему реформы высшего образования в республике и высказали собственное мнение, касаясь главным образом организации перехода на 4-летний срок обучения и не рассматривая его содержательного наполнения. Проблема, на наш взгляд, заключается не столько в сокращении срока обучения, сколько в переходе его на качественно новый уровень преподавания. Он не может не соответствовать происходящей интеграции наук, информатизации общества и глобализации политико-экономической жизни стран.

Продолжая рассуждение по заданной теме, прежде всего заметим, что разграничение негуманитарных и гуманитарных вузов, разделение исследовательской деятельности и образовательного процесса, когда и то и другое должно происходить исключительно на научной основе, несостоятельны. Информатизация общества нивелирует

роль ученого и преподавателя, математика и историка, учителя и учащегося. Интеграция наук — эта закономерность научной эволюции — ставит проблему междисциплинарности, а неизмеримо возросший поток информации — задачу поиска интегрированных средств обучения во всех сферах образования.

Возникшую в этих условиях, казалось бы, узкую проблему экономии средств нельзя решать, во-первых, игнорируя запросы переходного периода нашего развития, во-вторых, не привлекая к их удовлетворению широкой общественности. Для этого у нас имеются необходимые резервы, уже представленные в собственно научных и образовательных разработках. Каким же видится содержательное наполнение социально-гуманитарного образования? Рассмотрим этот вопрос на примере избранного нами исторического образования в любом вузе страны, имея в виду его последующее «скатывание» до уровня среднего образования.

Заслуживает решительной поддержки профессор Е. К. Новик в его неприятии взглядов М. И. Вишневого на предмет оптимизации социально-гуманитарного образования в «негуманитарных» вузах. Однако в вопросе о пути и средствах решения означенной проблемы в ее содержательном наполнении мы, не исключая иных подходов, стоим на позициях, противоположных Е. К. Новичу, статья которого была расценена некоторыми как смелый, открытый вызов автору сторонникам М. И. Вишневого.

Под предлогом использования положительного опыта советской образовательной системы и практики обучения, с чем нельзя не согласиться (преемственность необходима, поскольку закономерна), Е. К. Новик фактически в целом реанимирует эту систему, базирующуюся на марксистско-ленинской основе.

Все это нетрудно усмотреть в следующем его пассаже: «...отсутствие этих дисциплин (имеются в виду дисциплины социально-гуманитарного цикла. — *Авт.*) на 3–5 курсах... (обязывает. — *Авт.*) вернуться к советскому опыту, когда общественные науки изучались студентами на протяжении всех лет учебы. Тем самым обеспечивалась возможность идеологического воздействия на души и сердца молодых людей. Подобная государственная практика существует в любой стране, когда идеологические органы и учреждения проводят политико-воспитательную работу с целью укрепления господствующей в обществе идеологии. Исторический опыт последних десятилетий показывает, что „лозунг деидеологизации“ на рубеже

1980—1990-х гг. был ничем иным, как методом дискредитации социалистической идеологии и замены ее идеологией буржуазной, средством ликвидации существовавшего государственного и общественного строя» [1]. Еще раз подчеркнем, что сами по себе науки не могут произвести соответствующего идеологического воздействия: необходимо проведение специальных мероприятий, о чем, собственно, и говорится во второй части приведенной цитаты. У социально-гуманитарных наук несколько другие функции.

У исторической науки, например, это функции социальной памяти, научно-познавательная, воспитательная и идейно-политическая, которая понимается как выполнение социального заказа. Так, провозглашение Республики Беларусь мы, историки, воспринимаем не иначе как обязанность вскрыть корни такого референдума — углубиться в изучение Великого княжества Литовского, Полоцкого княжества и вообще всего белорусского в прошлом, заполняя пробелы в наших знаниях истории.

Историография руководствуется принципами объективности, историзма, системности и ценности в истории. Об этих принципах можно было бы не говорить, если бы они не нарушались соискателями ученых степеней. А нарушаются они из-за недооценки методов проведения их в научных работах. Хотя ВАК и требует характеристики методологии собственных исследований, однако на деле ее нет, так как соискатели ученых степеней фактически не владеют механизмом познания (исследования и обучения). У руководителей соискателей и членов советов по защите диссертаций логика проста: поскольку ВАК пропускает такие работы, голосуем «за».

Особенно «достается» принципу ценности в истории (науке и культуры), который вообще игнорируется будущими «остепененными» преподавателями вузов. А между тем он обусловлен как логикой развития науки, так и потребностями текущего времени.

Этим обстоятельством и объясняется наличие многочисленных диссертаций с низким теоретико-методологическим уровнем. В их «массе» возможно не заметить (такие случаи имеют место) тех работ, которые тем не менее написаны с учетом принципа ценности.

Анализ статьи Е. К. Новика показывает, что в содержательной части авторской концепции проводятся «вчерашние», отвергнутые в передовой историографии идеи исключительно формационного подхода в познании истории, политизации исторического знания, идеализации воспитательной роли исторической науки и др. Тем

самым он, наоборот, укрепляет позиции сторонников свертывания социально-гуманитарного цикла не только в «негуманитарных» вузах. Ограничивается сфера распределения выпускников исторических факультетов и более того — их возможности в деле оптимизации преподавания социально-гуманитарного блока в «негуманитарных» вузах, но не по Вишневному.

Поднять «вес» истории в негуманитарных вузах, конечно, необходимо и возможно, как нам представляется, посредством обращения к практико-ориентированной составляющей исследования, к нетрадиционным методам (о них автор, к сожалению, умалчивает), расширяющим поле их применения в условиях междисциплинарности и полидисциплинарности, например, к социальной синергетике, математике и статистике, количественным методам и информационным технологиям. В этом отношении к услугам исследователей представлена самая разнообразная современная литература, отечественная и зарубежная [2].

В республике плодотворно работают научные центры, возникшие, кроме БГУ, в ГрГУ им. Я. Купалы, Институте истории НАНБ, БГПУ. Успешно проходят международные научные конференции в БГУ и Институте истории. Последняя из них состоялась в Институте истории 9 октября 2012 г. на тему «Метадалогія даследаванняў гісторыі Беларусі: праблемы, дасягненні, перспектывы». В нашем аспекте обращает внимание пленарный доклад доктора исторических наук, профессора Н. И. Миницкого «Теория и практика когнитивного подхода в историческом исследовании и образовании» [3].

Разработанная Н. И. Миницким полидисциплинарная модель исторического знания обладает достаточно емким когнитивным потенциалом, чтобы стать эффективным средством связи фундаментального и прикладного аспектов научного образовательного знания. Автор сделал аргументированный вывод о том, что задачи повышения качества гуманитарного образования и сокращения сроков обучения нельзя решать только путем количественного подхода. Качественное решение проблемы — это осуществление взаимодействия теоретических, практических и организационных аспектов развития гуманитарных наук и образования. При этом автор предполагает дальнейшую разработку проблемы укрепления межпредметных связей гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Нельзя не согласиться и с высказанным в докладе мнением о том, что поиск общих теоретико-методологических оснований образовательного знания помогает

и в решении общей задачи интеллектуального обеспечения технологических процессов и гуманитаризации знания. Эти проблемы весьма актуальны для современного гуманитарного образования и охватывают широкий спектр вопросов, относящихся к конструированию гуманитарного знания и формированию научной картины мира.

Полезными не только для гуманитариев могут оказаться рассуждения о пользе понятийного аппарата в научном и учебном исследовании. Как показывает практика, «ахиллесовой пятой» не только начинающих специалистов является «царящий в исследованиях произвол» в использовании понятий, терминов и словосочетаний. Особенно нетерпимыми являются ошибки в использовании таких понятий, как «цель», «концепция», «периодизация», «резюме», и многих других. А ведь наука — это точность.

Принятая на заключительном заседании конференции резолюция содержит ценные предложения по совершенствованию подготовки высококвалифицированных кадров для работы в академических и образовательных структурах. В ней указывается на необходимость раскрытия роли личности в истории, что обусловлено антропологическим (лингвистическим) поворотом, совершившимся в мировой историографии в середине XX в. Обращается внимание на всю важность проведения принципа ценности в истории, выделяющего ее среди других научных дисциплин и предполагающего такие рекомендации по использованию результатов научных исследований, которые носили бы конкретный и адресный характер. Было решено очередную конференцию по методологии истории посвятить проблемам идентичности в белорусской историографии. Все это может представлять интерес не только для историков.

О ценности исторического знания для «негуманитарных» вузов можно судить по многим работам. Назовем те из них, которые, на наш взгляд, наиболее характерны в плане междисциплинарности и полидисциплинарности:

1. Учебно-методический комплекс по использованию количественных (математико-статистических) методов в изучении ряда тем по всеобщей и отечественной истории.

Пособие состоит из трех модулей («Электронный учебный курс в системе УМК», «Количественные методы в историческом познании», «Информационные технологии в историческом познании»). В каждом модуле представлены тексты лекций, основные понятия, тесты и литература. Во втором модуле, например, содержатся лекции

по таким вопросам, как общая характеристика количественных методов, рассчитанных на все специальности, измерение количественных и качественных признаков исторических явлений и событий, моделирование объектов истории, многомерный статистический анализ. Тесты организуются на основе так называемой «мягкой» методики, когда от обучаемых требуется ранжировать предлагаемые ответы на поставленные вопросы. Материал комплекса оформлен таблицами, графиками, рисунками, в том числе красочными, зарисовками, стихами, преследующими цель оказания помощи пользователям в уяснении содержания пособия.

Учебно-методический комплекс представляет определенный интерес для гуманитариев и естественников в познании таких явлений, как перепись населения, инвентари средневекового хозяйства, процесс отмены крепостного права. Определяется ценность тех или иных избирательных кампаний, организация архивного дела и т. д. Пособие вооружает будущих специалистов различного профиля приемами измерения качественных признаков социальных явлений и событий прошлого и настоящего времени.

2. Написанная с позиции социальной (исторической) синергетики и логики (математической логики) коллективная монография по истории Беларуси с конца XIX до конца первого десятилетия XXI в. включительно.

Социальная история оказалась весьма восприимчивой к синергетической парадигме, преподнесенной нам физикой. Определилась историческая синергетика, отцом которой по праву является доктор исторических наук, кандидат технических наук, профессор, заведующий кафедрой исторической информатики МГУ Л. И. Бородкин. Он и увлек нас, историков, в синергетическую сферу деятельности. Адаптируя эту парадигму к нуждам исторического познания, мы стали рассматривать социум как открытую, нелинейную, самоорганизующуюся систему, опираясь на соответствующие понятия (хаос, порядок, точки бифуркации, аттракторы и др.). При этом сконцентрировали внимание на синергетическом положении о роли личности как центра мироздания. Исходя из этих начал, построили историю Беларуси XX в. не в привычном представлении — политика, экономика, социум, культура, а наоборот. На первое место в ряду компонентов схемы нами поставлен социум с его культурным уровнем, а затем определены экономика и политика, которая в известном смысле может способствовать развитию личности.

Такая архитектура вызвала потребность в изменении основополагающих принципов периодизации исторического процесса. В качестве единого принципа деления событийного ряда, соответствующего наиболее значимой тенденции развития социума, принята демография — динамика численности населения Беларуси за время более 100 лет. Критерием выделения периодов определено логистическое распределение (правомерность его использования показана в приложении к монографии [4]).

Созданная таким образом история Беларуси была подвергнута анализу посредством аттракторов, показывающих состояние системы, притягивающей к себе возможные траектории ее развития. Изучены действия 1) простого аттрактора, когда наблюдается четкая структуризация системы, ее жесткая иерархизация и, как правило, минимум открытости по отношению к другим системам; 2) странного аттрактора с его размыванием иерархических и прочих связей; 3) суператтрактора, преодолевающего противоречия системы, синтезирующего свойства простого и странного аттракторов.

Исходя из проведенного анализа, можно предположить, что до 1994 г. социальная система развивалась более открыто, а после, когда реализовывался простой аттрактор, она обратилась к замкнутому развитию. В условиях стремительно разрушающегося порядка и усиливавшегося хаоса белорусы стали искать новые «точки опоры», новые ценности, способные быть структурообразующими. Так, возрос интерес к истории в целом (проявилось стремление найти опору для новых представлений социальных отношений в исторических перипетиях) и истории семьи в частности. Возникли различные общественные объединения. Формировалась многопартийная система и т. д.

Анализ социальных отношений во второй половине 1990-х гг. — начале XXI в. показывает, что индивид (сильная личность), для которого были открыты широкие горизонты в предшествующий период, стал затушевываться крепнущей за его счет системой. Личность начала растворяться в обезличивающих ее «надличностных» элементах системы. В связи с этим отмечается имплицитный (скрытый) принцип социальной неоднородности. На момент 2008 г. «несоветский» аттрактор еще не реализовался окончательно, изменения в системе еще не стали необратимыми, компенсационные действия странного аттрактора все еще вызывают колебания системы. Сохранялась вероятность изменения курса и возможность в спектре аттракторов «нащупать», наконец, желаемый суператтрактор. И тогда должно последовать

гармоничное развитие общества, и Беларусь станет образцом коэволюции (взаимообусловленной эволюции) в мировом процессе глобализации.

3. Созданная для изучения личности модель комплексного использования трех методов, заимствованных из социологии, психологии и лингвистики, и разработанное на ее основе программное обеспечение, которое облегчает работу исследователя и проведение верификации ее результатов.

Модель представлена в монографии «Изучение личности в истории: ориентация на контент-анализ, психоанализ, дискурс-анализ». В ней раскрыты предпосылки и факторы появления новых (нетрадиционных) методов, дано подробное описание каждого из них, показана их значимость в решении проблемы идентификации личности. Примечательно, что в работе над программным обеспечением участвовали историк-архивист (аспирант БГУ А. А. Приборович), программист (студент 5 курса БГУИР Н. В. Толкачев) и методолог — руководитель проекта (профессор БГУ В. Н. Сидорцов). Авторский коллектив оказался оптимальным и плодотворным. Выступление исполнителей проекта на международной научной конференции по исторической информатике в Москве оказалось сенсационным. Достижением считалось освоение купленного за границей программного обеспечения одного из названных методов, а в данном случае («под занавес» работы секции) было представлено обеспечение целого комплекса нетрадиционных методов. К данному в монографии приложению «Обзор существующих средств для анализа текстов», в котором значится 80 наименований, мы добавили еще одно, причем комплексного характера.

При завершении работы над проектом к коллективу присоединилась Е. Н. Балыкина (ст. преподаватель БГУ), согласившаяся на основе своей кандидатской диссертации, подготовленной по специальности 13.00.02 — теория и методика обучения и воспитания (история) [7], дать методические рекомендации к разработанной программе. Не это ли показательный пример оптимизации обучения на основе междисциплинарности и без каких бы то ни было грантов?

В предложенном направлении — междисциплинарности и полидисциплинарности — лежит путь к решению злободневных проблем всех высших учебных заведений страны:

— сокращение учебных часов не за счет социально-гуманитарного цикла дисциплин, а пропорционально по всем дисциплинам;

— повышение авторитета истории и других социально-гуманитарных наук как поле приложения изысканий естественников, с одной стороны, и развитие их личностных качеств, с другой;

— расширение теоретико-методологических основ *современного* исторического познания.

Такой вывод имеет наибольшую значимость для докторских диссертаций, именуемых в ВАКе «штучным товаром». Они попадают в зону пристального внимания. Не случайно, поскольку отныне идут в Администрацию Президента, и он сам вручает дипломы о присуждении соответствующей ученой степени. А повышать их качество крайне необходимо.

В ноябре 2012 г. в совете БГУ защищалась докторская диссертация по такой актуальной теме, как «Формирование и функционирование системы административно-территориального деления БССР (1919—1991 гг.)» [9]. Соискателям были заданы следующие вопросы:

1. Почему автор выделяет этот компонент из административно-территориального устройства или административно-территориального управления как отдельную часть?

2. В чем заключается его самостоятельность? Назовите ее основную черту. С этим вопросом связан и другой немаловажный вопрос — о принципах научной периодизации.

3. Назовите основной принцип периодизации рассматриваемого вами процесса.

Ясного ответа не последовало.

В выступлении по диссертации нами было подчеркнуто, что достоинством работы соискателя является отличное раскрытие того факта, что административно-территориальное деление является организующим началом в работе местных органов власти и управления. Отсюда и ответ на поставленные вопросы. Формирование этого «деления» показано в диссертации достаточно полно и убедительно. Однако этого нельзя сказать о процессе его функционирования. В этой части предстоит еще немалая работа.

Соискатель справедливо указывает на общенаучный метод восхождения от абстрактного к конкретному как необходимый элемент в принятой им методологии исследования. Как известно, этот метод предполагает выход на новые понятия, некие теоретические положения, в конце концов теорию, что является делом довольно трудным. У автора получается не «восхождение», а «нисхождение» к той конкретике,

которая необходима для восполнения недостающего материала в освещении процесса функционирования территориальных единиц. Тем не менее докторская диссертация, как отвечающая требованиям ВАК, на сегодняшний день была признана состоявшейся всеми членами совета.

Научно-понятийный аппарат является «ахиллесовой пятой» всех защищаемых диссертаций. Имеются в виду как общие понятия исторического исследования, так и понятия, формируемые по объекту собственного исследования. Приходится уже на студенческом уровне, к сожалению, только в учебном курсе методологии истории обращать внимание на это обстоятельство, прибегая к тестированию на мягкой методической основе — ранжированию (по нисходящей тренду и абстрактно). В качестве примеров остановимся на таких основных понятиях, как «цель», «концепция», «период», «резюме» и др.

— **Цель научного исследования:**

- а) выявление особенности изучаемого объекта;
- б) основная идея, предвосхищающая результат исследования;
- в) раскрытие характера исследуемых событий и явлений;
- г) представление изучаемого явления или процесса во всех их проявлениях и взаимосвязях.

Ответ однозначен: п. б).

— **Что такое «научная концепция»?**

- а) система взглядов на изученное явление или процесс;
- б) то или иное понимание рассмотренного объекта;
- в) единый определяющий замысел исследования;
- г) ведущая мысль научного труда.

Ранжированию подлежат лишь два ответа и в следующей последовательности: п. б), г).

— **Смысл понятия «период»?**

- а) промежуток времени, охватывающий какой-либо законченный процесс;
- б) этап исторического процесса, отражающий качественно обособленное своеобразие определенного отрезка исторического времени;
- в) стадия исторического развития общества, отражающая наиболее выраженное качественное своеобразие определенного временного отрезка;
- г) основная структурная единица общественного развития, отражающая качественное своеобразие определенного отрезка исторического времени.

Правильный ответ содержится в п. г).

— **Дайте определение слова «резюме»:**

- а) обобщение определенной информации;
- б) заключительный итог чего-либо;
- в) краткое изложение сути написанного, сказанного, прочитанного;
- г) сжатая авторская характеристика сделанной работы.

Правильный ответ содержится в п. в).

Внимание к понятию «резюме» не случайно, поскольку в диссертациях оно искажается в большей мере, чем другие понятия.

Резюме (фр. *resume*) — краткое изложение, краткая сводка, подведение итогов, краткий вывод доклада, выступления и т. п.

Вызывает критическое отношение в данном случае рекомендация по составлению соискателями резюме к диссертационным работам, предложенная Президиумом ВАК Беларуси [11].

«4.3.1. Резюме предназначено для распространения и использования информации о выполненной диссертации, оно дается на белорусском, русском и английском языках. Объем резюме на каждом языке не должен превышать двух тысяч печатных знаков.

4.3.2. Резюме состоит из заголовка, перечня ключевых слов и текста.

4.3.3. В заголовке приводится слово «РЕЗЮМЕ», фамилия, имя, отчество автора, название диссертации.

4.3.4. Ключевые слова (до 15) даются в именительном падеже, печатаются в строку, через запятые.

4.3.5. Текст резюме должен отражать объект и предмет исследования, цель работы, метод исследования и аппаратуру, полученные результаты и их новизну, степень использования или рекомендации по использованию, область применения. Если диссертация не содержит сведений по какой-либо структурной части резюме, то в резюме отражают только оставшиеся части, сохраняя последовательность изложения.

4.3.6. Изложение материала в резюме должно быть кратким и точным. Следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных документов, избегать сложных грамматических оборотов. Необходимо использовать стандартизованную терминологию, избегать непривычных терминов и символов...»

К сожалению, предложенная формулировка основных компонентов резюме, согласно рекомендации ВАК, не соответствует семантике самого значения слова «резюме». Составленное резюме сводится

лишь к формальному составлению соискателем справки-отчета о проделанной им работе. Если рассматривать смысловую структуру резюме, то в первом случае (по словарю) оно строится на основе акцентуации внимания соискателя на тему (что утверждается), а во втором случае (рекомендация ВАК) больше на тему (о чем работа).

В действительности возникает интересное, «бартерное» состояние, когда резюме используется не для актуализации внимания участников дискурса, а является лишь более сжатым вариантом выводов диссертации, известных при изучении автореферата.

Примером на уровне исследуемого объекта (предмета) может быть приведенная выше оценка понимания такого явления, как административно-территориальное деление БССР за все время ее функционирования. Данное автором определение («это целостная структурированная и иерархически построенная система типовых административно-территориальных единиц, на которые делится территория уникального государства или субъекта федеративного государства») явно недостаточно. Это определение охватывает лишь внешнюю сторону явления, а не сущность. Ее мы усматриваем в данной затем автором характеристике административно-территориального устройства, в рамках которого дифференцируются функции, специфические для административно-территориального деления: «В-третьих, оно представляло собой организационную основу разграничения структуры и объема полномочий, прав и обязанностей местных территориальных органов...» [9; с. 4, 12]. Еще раз подчеркнем, что эту организационную основу следует понимать шире и в смысле функционирования местных органов власти и управления.

Внимание к научному аппарату должно следовать во всех трех видах исторического исследования (напомним: фактографическом или фактологическом, аналитическом, теоретическом) и на всех трех стадиях или этапах исследования, каждому из которых присущи и свои методы анализа. Этапы:

1. Сбор источников и выборка из них (опубликованных и неопубликованных, нарративных и образных, официальных и мемуарных);

2. Создание источников базы исследования, ее систематизация в соответствии с заданным планом;

3. Анализ источниковой информации посредством применения адекватных методов (традиционных и нетрадиционных, в том числе

инновационных, обусловленных как междисциплинарным, так и полидисциплинарным подходами, вытекающими из ситуации происходящей интеграции наук).

Весьма ответственным, хотя и недостаточно оцениваемым со стороны молодых исследователей, является первый этап, на который, при серьезном отношении к нему, приходится не менее 70 % всего времени, затрачиваемого на исследование. На это обстоятельство справедливо указывает российский историк-методолог Л. Н. Мазур, подробно рассмотревший первый этап в своем учебном пособии, признанном в Российской Федерации лучшим среди пособий по гуманитарным дисциплинам за 2010 г. [8]. Именно на этом этапе определяется понятийный аппарат с его категориями и понятиями (общими и непосредственно относящимися к предмету исследования), концепциями и методами анализа.

Основными способами определения понятий являются обобщение и абстрагирование. На пути к достижению этой цели обращаются к следующим методам:

- На первом этапе имеются в виду главным образом приемы библиографического, а затем и архивного поиска (осуществляется посредством тех или иных путеводителей); способы аналитико-синтетической переработки информации и проведения выборки; методы анализа исторических источников (унифицированное анкетирование, информационно-целевой анализ); использование социологического инструментария (приемы устной истории, социологический опрос и наблюдение и др.).

- На втором этапе проводится моделирование. Конструируются различного рода модели. Это:

- 1) текстовые модели, в частности описательные, в том числе формализованные (хроники) и неформализованные (биографии, монографии, словари);

- 2) числовые модели, в том числе статистические (сводки, группировки, таблицы, графики), вариационные и динамические ряды;

- 3) схемы и 4) карты.

- На третьем этапе, решающем, применяются хорошо известные традиционные специальные исторические методы, унаследованные из области естествознания и адаптированные к нуждам социальной истории. Они определились при выходе исторической науки из состояния кризиса, постигшего историю почти 100 лет назад (некоторые белорусские историки продолжают довольствоваться ими,

манипулируя своей приверженностью к классике). Однако их перечень на этом только начинается. Современность уже давно продиктовала потребность в значительном расширении методов исторического познания.

Вторая мировая война, принеся человечеству невиданные жертвы, показала ничтожную ценность личности. Возник большой вопрос: неужели человек рождается для того, чтобы умереть, а не для того, чтобы созидать, делать жизнь краше? В поисках ответа на этот вопрос историки пришли к выводу о необходимости расширения поля исторического исследования, с тем, чтобы ввести в него самого человека с его внутренним миром, а не ограничиваться структурами, отображающими результаты деятельности личности, человеческих сообществ и всего социума в целом.

К сожалению, отечественные историки, даже в докторских диссертациях, проходят мимо этого, не замечают тех поворотов (антропологического, лингвистического, постколониального и других), которые произошли во второй половине XX в. в мировой историографии. Примером такого 50-летнего теоретико-методологического «отставания» является защищенная в июне 2012 г. в совете БГУ на соискание ученой степени доктора исторических наук диссертация «Политика социального реформизма в британских доминионах в последней трети XIX — начале XX в.» [4].

Совет БГУ проголосовал «за», поскольку работа выполнена в полном соответствии с методологическими рекомендациями, заявленными экспертным советом ВАК по истории. Тем более что защита диссертации, хотя и написанной с позиции «вчерашнего дня», произвела весьма благоприятное впечатление на членов совета. Естественно, дезориентированный соискатель не смогла ответить на оказавшиеся неожиданными для нее вопросы, непосредственно связанные с современным научно-понятийным обеспечением исторического исследования.

Одной из причин, объясняющих отставание примерно на 50 лет наших научных исследований в области истории от современных требований теоретико-методологического характера, является действие устаревших программ кандидатского минимума по основным историческим специальностям. По согласованию с председателем ВАК РБ А. А. Афанасьевым нами проведена работа по обновлению этих программ в их теоретико-методологической составляющей и представлена в ВАК.

По специальности 07.00.02 — отечественная история, значительно усилена теоретико-методологическая направленность ее программы. Включены следующие вопросы:

Ведаць:

- Віды і этапы навуковых даследаванняў, іх месца і ролю ў працэсе навуковай дзейнасці.
- Сучасныя тэарэтыка-метадалагічныя асновы, якія датычацца Беларусі са старажытнага часу да нашых дзён.
- Месца і ролю асобы ў гістарычным развіцці, заканамернасць узростання яе ролі.

Валодаць:

- Метадамі самастойнай працы з крыніцамі па гісторыі Беларусі, апрацоўкі інфармацыі і выкарыстання яе ў вырашэнні прафесійных задач.
- Сучаснай метадалогіяй і метадыкай навуковых даследаванняў у галіне айчынай гісторыі (выбіраць тэму, фармуляваць мэту, праблему і канцэпцыю, рабіць перыядызацыю, паказваць і афармляць атрыманыя вынікі).
- Міждысцыплінарным і шматдысцыплінарным падыходам да вырашэння пастаўленых задач.
- Традыцыйнымі і нетрадыцыйнымі гістарычнымі метадамі.

По специальности 07.00.03 — всеобщая история дополнительно знать и владеть следующими вопросами:

- Расширение тематической направленности и методологии исследований.
- Ценность в истории.
- Принцип объективности.
- Синергетические методы.
- Историко-системный метод.
- Историческая синергетика.

По специальности 07.00.09 — историография, источниковедение и методы исторического исследования дополнительно включены следующие вопросы:

- Квантитативная история (клиометрия).
  - Научно-понятийный аппарат исторического исследования.
- Общие понятия: тема, проблема, цель, концепция, резюме. Поня-

тия объекта и предмета исследования. Основные понятия методологии истории: функции, принципы, структура исследования, методы. Методология истории как звено, связывающее практику и теорию.

- Виды и этапы исторического исследования. Фактографическое (фактологическое), аналитическое, теоретическое исследование. Сбор источников и выборка. Создание источниковой базы. Анализ источниковой информации.

- Принцип объективности как смысл исследования.

- Характер исторических знаний. Мироззренческая черта историзма.

- Роль ценностного подхода в выборе предмета исследования, в отборе исторических фактов и их анализе, в определении значимости исследования.

- Классовый подход. Историко-типологический метод.

- Нетрадиционные методы исторического исследования.

- Общая характеристика. Качественное и количественное измерение исторических явлений (клиометрия). Моделирование исторических явлений и процессов. Многомерный, факторный, кластерный анализ в исторических исследованиях. Информационные технологии в исторических исследованиях. Герменевтика и лингвистика. Методы семиотики и искусствоведческий анализ в социальной истории.

- Инновации в историческом познании. Историческое исследование и обучение (преподавание) истории. Трансформация методов исторического исследования в обучении истории. Методы социологии, политологии, экономической науки в историческом исследовании. Историческая синергетика (понятие, эффекты, методы). Изучение личности в истории. Контент-анализ, психоанализ, дискурс-анализ.

По специальности 07.00.15 — история международных отношений и внешней политики изменить редакцию «Пояснительной записки» к программе:

- «Целью является всесторонняя и компетентная оценка уровня их профессиональной подготовки за время обучения.

- Исходя из этого, задачи экзамена состоят в выявлении:

- уровня владения аспирантами знаниями и навыками, необходимыми для успешной творческой научной работы;

- умения обобщать и систематизировать исторические и историографические материалы, давать объективную оценку важнейшим событиям и процессам в истории международных отношений;
- способности обосновывать выбор методологии исследования и реализации на конкретном материале.

Требования к уровню знаний. Аспирант должен:

- дать развернутый ответ на вопросы программы (осуществить систематизацию и комплексный анализ исторических событий и фактов, определить наиболее значимые из них, выявить закономерности и характерные особенности исторических процессов);
- рассмотреть различные подходы к анализу проблемы, определить наиболее оптимальные из них, обосновать такой выбор;
- представить общую характеристику диссертационного исследования (обосновать его актуальность, научную и практическую значимость, определить цель и задачи анализа, изложить предварительные результаты исследования, его концепцию).

Вместе с тем аспирант должен ориентироваться в современной международной обстановке, иметь представление об основных направлениях внешней политики Республики Беларусь, особенностях взаимодействия с важнейшими внешнеполитическими партнерами, приоритетах внешней политики ведущих стран мира и проблемах функционирования международных организаций.

В содержательной части обратить внимание на следующие вопросы:

- Предмет и методологические основы истории международных отношений и внешней политики Республики Беларусь. Место истории международных отношений и внешней политики в системе социально-гуманитарных наук. Значение изучения истории международных отношений и внешней политики для формирования научного мировоззрения, выявления тенденций и перспектив развития международных отношений.

- Методы исследования. Проблема системного изучения международных отношений и внешней политики. Характеристика историографии и источниковой базы».

Общие замечания по программам можно свести к следующему:

1. В программах нецелесообразно вводить рубрику «Понятия, определения и ключевые слова», поскольку это программы, а не текст некоторого исследования; в их разделах называется атрибутика не в кратком, а в полном объеме, обязательном для высококвалифицированных специалистов в области исторического знания.

2. В программах речь должна идти не о сдаче кандидатского экзамена, а о кандидатском минимуме как руководящем начале для будущих высококвалифицированных специалистов в их творческой деятельности.

3. Несомненно, что усиление теоретико-методологических составляющих программ кандидатского минимума необходимо, по всей вероятности, и по другим специальностям, не входящим в сферу деятельности данного экспертного совета ВАК, т. е. по архивоведению и документоведению, археологии, этнологии, музееведению, истории искусств.

4. Предлагается расширить список литературы за счет изданий последних лет, в том числе:

Учебники и учебные пособия:

Лаптева, М. П. Теория и методология истории: курс лекций / М. П. Лаптева; Перм. гос. ун-т. — Пермь, 2006. — 254 с.

Мазур, Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособие / Л. Н. Мазур. — 2-е изд. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. — 608 с.

Сидорцов, В. Н. Методология истории: курс лекций для студентов, магистрантов, аспирантов исторических специальностей / В. Н. Сидорцов. — Минск: БГУ, 2010.

Смоленский, Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособие / Н. И. Смоленский. — М.: Изд. центр «Академия», 2008. — 272 с.

Исследования:

Белоусов, К. И. Синергетика текста: от структуры к форме / К. И. Белоусов. — М.: Книж. дом «Либком», 2013. — 248 с.

Лепешко, Б. М. Логические основы исторического исследования / Б. М. Лепешко. — Брест, 2004.

Лепешко, Б. М. Методология истории: краткая энциклопедия / Б. М. Лепешко. — Брест: Альтернатива, 2008. — 160 с.

Миницкий, Н. И. Методы построения научного и образовательного исторического знания / Н. И. Миницкий. — Минск: БГПУ, 2006. — 201 с.

Миницкий, Н. И. Методы построения научного и образовательного исторического знания: монография / Н. И. Миницкий. — Минск: БГПУ, 2006. — 201 с.

Сидорцов, В. Н. Изучение личности в истории: ориентация на контент-анализ, психоанализ, дискурс-анализ / В. Н. Сидорцов, А. А. Приборович. — Минск: Изд. центр БГУ, 2011. — 199 с.

Сидорцов, В. Н. Научный дискурс историка: социальная обусловленность и методология исследования / В. Н. Сидорцов, А. А. Приборович. — Минск: Изд. центр БГУ, 2012. — 200 с.

Сидорцов В. Н. Беларусь в XX веке: нетрадиционное представление истории: монография / В. Н. Сидорцов, И. А. Кандыба, М. М. Равченко; под ред. В. Н. Сидорцова. — М. : МАКС Пресс, 2010. — 272 с.

Итак, приведенные суждения и названные факты далеко не исчерпывают того «размывания» отечественной историографии, которое приходится наблюдать в нашей научной жизни. Иные могут сказать или подумать: пусть молодые дерзают, потом сами разберутся. Не напоминает ли это заигрывание с молодежью? Такое уже было в истории, и все знают, к чему привело. Авторы монографии ориентируются на тех, кто идет в науку по призванию и готов блюсти ее чистоту. А мы поможем им найти себя в ней, развернув далее дискурс-анализ основного исторического источника — нарративного.

Литература к главе 1 «Апология исторического познания»

1. Новик, Е. К. Проблемы совершенствования качества социально-гуманитарного образования в негуманитарных высших учебных заведениях (по поводу статьи М. И. Вишневого) / Е. К. Новик // Социология. — 2012. — № 2. — С. 92–98.
2. Сидорцов, В. Н. Методология истории: курс лекций / В. Н. Сидорцов. — Минск: БГУ, 2010. — 207 с.
3. Милицкий, Н. И. Методы построения научного и образовательного исторического знания / Н. И. Милицкий. — Минск: БГПУ, 2006. — 201 с.
4. Сидорцов, В. Н. Беларусь в XX веке: нетрадиционное представление истории: монография / В. Н. Сидорцов, И. А. Кандыба, М. М. Равченко; под ред. В. Н. Сидорцова. — М.: МАКС Пресс, 2010. — 272 с.
5. Сидорцов, В. Н. Опыт периодизации отечественной истории // Крыніцазнаўства і спец. гіст. дысцыпліны. — Мінск: БДУ, 2012. — Вып. 7. — С. 165–169.
6. Сидорцов, В. Н. Изучение личности в истории: ориентация на контент-анализ, психоанализ, дискурс-анализ / В. Н. Сидорцов, А. А. Приборевич. — Минск: БГУ, 2011. — 199 с.
7. Балькина, Е. Н. Формирование профессиональных компетенций у студентов исторических специальностей средствами электронных учебных изданий (в процессе управления самостоятельной деятельностью): дис. ... канд. пед. наук. Е. Н. Балькина. — Минск: БГУ, 2012.
8. Мазур, Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособие / Л. Н. Мазур. — 2-е изд. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. — 608 с.

9. Елизаров, С. А. Формирование и функционирование системы административно-территориального деления БССР (1919—1991 гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / С. А. Елизаров. — Минск: БГУ, 2012. — 289 л.

10. Семенова, Л. Н. Политика социального реформизма в британских доминионах в последней трети XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / Л. Н. Семенова. — Минск: БГУ, 2012.

11. Инструкция по оформлению диссертации и автореферата и публикаций по теме диссертации: постановление Президиума Государственного высшего аттестационного комитета Республики Беларусь, 24.12.1997 г. № 178 (в ред. постановления Высшей аттестационной комиссии Респ. Беларусь от 15.08.2007 г. № 4) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2006. 7/607.

Глава 2 ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ДИСКУРСА ИСТОРИКА

2.1. СПЕЦИФИКА НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Со второй половины XX в. в развитии гуманитарных наук начался новый этап понимания текста. Его основа перестает рассматриваться как независимое творение в системе научного познания. Его стали представлять компонентом языковой системы, репрезентирующей определенную область социальной жизни. Появляется понятие научного дискурса. Что оно означает?

Прежде всего дадим трактовку самого термина «дискурс». Осмысливая более 50 определений дискурса, мы предлагаем собственную дефиницию данного понятия: *дискурс — это совокупность высказываний, организующих тот или иной вид деятельности, при соблюдении принципа диалогичности или интертекстуальности, а также актуализации элементов текста к его контексту*. С учетом данного определения и распространенной системы классификации дискурсов, разделяющих их на персональные и институциональные [2], отметим, что дискурс ученых можно обозначить как научный дискурс.

Что же можно отнести к научному дискурсу, какими элементами охарактеризовать его?

Согласно определению известного российского лингвиста В. И. Карасика, под научным дискурсом понимается разновидность институционального стиля ведения общения между представителями научной сферы деятельности, а также лиц, транслирующих научные знания посредством интертекстуальности научной информации [9, 230–233].

Институциональный, в нашем случае научный, стиль языковой коммуникации определяется нормами научного познания, где деятельность коммуникантов направлена на выявление объективной природы предмета изучения вне чувственно-эмоциональных факторов его верификации. По утверждению С. В. Троянской, «научный стиль имеет своей целью выражение определенных мыслей и суждений по различным научным проблемам в возможно более сжатой и краткой, в большинстве случаев эмоционально нейтральной форме при стремлении избежать категоричности утверждения, однако достаточно объективно, обстоятельно и логично» [16].

Признаком научного стиля дискурсивного изложения являются стандартизация, унифицированность, а также шаблонность как логики презентации результатов научного познания, так и логики научной рефлексии. При этом к числу основных логических качеств научного дискурса относятся такие, как абстрактность, достоверность, объективность, непротиворечивость, обоснованность, определенность, последовательность, аргументированность и др. [4].

Под абстрактностью в научном дискурсе подразумевается использование при изложении информации родовых понятий вместо ближайших видовых и конкретных примеров.

Достоверность понимается как наиболее точное отображение свойств, качеств объекта (предмета) познания, проверенного практикой знания.

Объективность в дискурсе (по Р. Барту) — отсутствие знаков субъекта высказывания — предстает как особая форма воображаемого, продукт так называемой референциальной иллюзии (воображение докладчика) [15].

Непротиворечивость отражает отсутствие логически противоречащих друг другу мыслей об одном и том же предмете, взятом в анализ исследования при одинаковых условиях.

Обоснованность предполагает, что все идеи опираются на другие идеи, истинность которых уже была доказана. Обоснованность определяется законом достаточного основания.

Последовательность понимается как строгая упорядоченность высказываний по принципу когезии (связности) и когерентности (системности) смысловых частей дискурса.

Основными определяющими параметрами (категориями), составляющими понятие «научный дискурс», являются участники (адресант и аудитория), цели (решение проблемы), хронотоп, ценности, стратегии, тематика, жанры, дискурсивные формулы (паттерны). Рассмотрим их более подробно.

В качестве участников научного дискурса выступают ученые, исследователи, чья деятельность в достижении поставленной научной цели объединяет их в научный коллектив (кафедра, отдел, лаборатория, исследовательская школа и др.). В сформировавшемся научном сообществе между его участниками устанавливается определенное информационное пространство, ими же защищаемое по достижении истинности либо опровергаемое из-за несостоятельности. Это же информационное поле, транслируемое в рамках научной и учебной

коммуникации, способствует проведению ментальных и логических операций среди участников дискурса, заключающихся в трансформации (синтезе и анализе) полученных знаний в более новую для себя форму (понимание и интерпретация).

Целью научного дискурса является познание ученым объективной природы окружающего нас мира независимо от него самого. Исходя из цели формируется проблематика научного дискурса — решение самой проблемы, которая подразделяется по уровню абстракции на теоретическую и прикладную. Важность цели дискурса заключается в том, что она отражает особую познавательную ситуацию, в которой отдельные ментальные и когнитивные установки участников научной коммуникации направлены на получение нового знания. И в данном случае важную роль играют определенные парадигмальные модели — системы научных суждений (когниций) ученых и их установки, определяющие векторы развертывания научных исследований.

Создавая свою модель научной коммуникации, адресант обязан вступать в диалоговые отношения с другими участниками группы, которые являются носителями иных дискурсов, представленных в форме теорий, исследовательских установок, концепций, идей, стереотипов. Диалоговость, равенство в изложении идей между участниками дискурса — это условия, при которых научный язык является уникальным средством коммуникации, в отличие от инструктивно-методического (чиновнического) стиля.

Хронотоп (пространственно-временная характеристика). В. И. Карасик, характеризуя данный параметр дискурса, отмечает: «Хронотопом научного дискурса является обстановка, типичная для научного диалога. Диалог этот может быть устным и письменным, поэтому для устного дискурса подходят: зал заседаний, лаборатория, кафедра, кабинет ученого, а для письменного прототипным местом является библиотека» [8, с. 230].

Отличительной особенностью хронотопа при устном и письменном дискурсе является то, что письменная форма научной коммуникации протекает как скрытый диалог адресанта (автора) с адресатом (читателем). Именно данное условие считается основным для научного дискурса гуманитарной сферы. Другим не менее важным условием письменного научного дискурса является **интертекстуальность**, т. е. обязательное наличие в тексте открытых связей в виде прямых и косвенных цитат, комментариев, ссылок.

Согласно Н. А. Мишанкиной, устная форма научного дискурса, с одной стороны, определена непосредственным совпадением хронотопов коммуникантов либо заменена диалогом между участниками, осуществленным в заочной форме в виде отсылок к некоторому общему предположению, сложившимся знаниям в специальной области. Компонент высказывания должен быть истинным.

За счет хронотопа научная коммуникация абсолютно независима от времени ее появления и развития. Значимостью той или иной концепции является ее адекватность в системе знаний. Участвуя в научном диалоге, ученый имеет базу фоновых знаний, включенных в дискурс в виде целого контекста, позволяющего ему создавать новые конструкции своих идей (знаний).

Ценностью научного дискурса принято считать стремление участников к истинности своих утверждений. Под научной истиной понимают множество эмпирических и теоретических утверждений науки, соответствие содержания которых своему предмету удостоверяется научным сообществом. Двумя основными формами такого удостоверения являются: 1) соответствие результатам систематических, статистически правильно обработанных данных наблюдения и эксперимента (для эмпирических высказываний); 2) конвенциональное (условное) доверие наличию такого тождества у исходных (как правило, весьма простых по содержанию) утверждений (аксиом) и выведение из них всех логических следствий (теорем), истинность которых гарантируется корректным применением соответствующих правил логики. Последняя форма удостоверения истинности научного знания применяется в основном для теоретических высказываний [11].

Интересна в данном случае точка зрения известного советского философа Э. М. Чудинова, который научную истину охарактеризовал следующим образом: «Выражение „научная истина“ может показаться тавтологичным. Оно действительно было бы тавтологией, если бы понятия „истинное знание“ и „научное знание“ совпадали. Однако эти понятия не тождественны. Во-первых, наука не сводится к совокупности истин. В ней могут существовать и, как показывает история науки, практически всегда существовали ошибочные гипотезы и теории. Во-вторых, далеко не все знания, которые соответствуют действительности и поэтому являются истинными, носят научный характер. Наряду с научными истинами существуют истины, принадлежащие обыденному знанию».

И далее: «Различие между этими двумя видами знания — обыденным и научным — является существенным. Обыденное знание сводится к констатации явлений и корреляций между ними. В отличие от него, научное знание ориентировано на исследование закономерностей. Научные истины так или иначе связаны с теоретической формой отображения мира. Это относится не только к теоретическим истинам в узком смысле этого слова, но и к эмпирическим истинам. Последние приобретают статус научных только при условии их теоретической интерпретации» [17].

Получается, что истина научного дискурса представляет собой объективные знания об устройстве мира, она же в силу нескольких причин изменяема (динамична). Это связано с тем, что научная истина не является абсолютной данностью, она требует постоянных эмпирических доказательств с четкой логической аргументацией, и в этом случае антонимом истины является «ложь», но только с «недостаточной аргументированностью».

Складывается удивительный парадокс научного дискурса, как, впрочем, и самой науки, заключающийся в том, что целью науки является поиск нового как опровержение ложного знания. Вспомним известный афоризм Альбера Камю: «Человек мыслящий занимается обычно тем, что старается сообразовать свое представление о вещах с новыми фактами, которые его опровергают. В этом-то сдвиге, в этой-то изменчивости мыслей, в этой сознательной поправке и заключается истина, то есть урок, преподаваемый жизнью» [7].

Также к числу ценностей дискурса относят такие компоненты, как системность, критичность, методичность, верифицируемость. Под системностью дискурса, как правило, понимают логическую организацию текста, где каждый смысловой компонент взаимосвязан с другими при решении поставленной исследовательской задачи. В отличие от системности как принципа исследования, системность дискурса относится к логике изложения материала, при котором конструкт текста определяется тематическим расположением ключевых слов.

Критичность дискурса является одним из его основных ценностных свойств, под которым подразумевается исследовательская рефлексия самого исследователя, а также оценочный анализ участников коммуникации. Научная критика отличается от социальной критики, ориентированной на обличение и порицание. Научная критика, согласно специфике рассматриваемого вида коммуникации, — это дискурсная ситуация аргументированного высказывания одного

участника относительно высказывания другого, происходящая посредством логического указания одной из сторон на неверность структурного, содержательного, а также контекстного наполнения речи (текста) другой стороны. При этом сам процесс дискурсивной критики происходит в условиях полного отсутствия экспрессивных единиц высказывания, а также предложений, исключаящих слова, раскрывающие эмоционально-волевое состояние их адресанта.

Верифицируемость дискурсивной коммуникации связана со способностью самого адресанта и аудитории неоднократно применять сложившиеся конструкты дискурса в своей языковой практике. Примером может служить такой жанр дискурса, как научная лекция, где помимо идеи трансляции знаний, т. е. переноса информации от одного участника к другому, происходит процедура моделирования решения исследовательской задачи с ее многовариативным, но в конечном итоге верным исходом.

Немаловажной категорией описания научного дискурса является **стратегия**. Согласно мнению российского филолога Н. А. Мишанкиной, под стратегией понимается порядок формирования дискурса, который связан с достижением адресантом научной цели в рамках производимых коммуникативных действий [13].

В. И. Карасик также связывает стратегию научного дискурса с целью научной коммуникации. Все стратегии реализуются посредством следующих коммуникативных действий: 1) определение проблемной ситуации и выделение предмета изучения; 2) изучение истории вопроса; 3) формулирование гипотезы и цели исследования; 4) обоснование выбора методов и материала исследования; 5) построение теоретической модели предмета изучения; 6) изложение результатов наблюдения и эксперимента; 7) комментирование и обсуждение результатов исследования; 8) экспертная оценка проведенного исследования; 9) определение области практического принятия полученных результатов; 10) изложение полученных результатов в форме, приемлемой и для неспециалистов (студентов и широкой публики) [9].

Известный интерес представляет описание дискурсивных формул (паттернов). Согласно тому же В. И. Карасику, «дискурсивными формулами являются своеобразные обороты речи, свойственные общению в соответствующем социальном институте» [8, с. 233].

Совокупность оборотов научной речи составляет научный стиль коммуникации, формирующийся вследствие особой эпистемической

ситуации общения ученого. Научным дискурсом в такой ситуации считается не само описание процесса познания, а, согласно лингвистам М. Н. Кожину, С. О. Глушакову, процесс констатации результатов исследования, требующий использования ученым дополнительных языковых выражений, выполняющих коммуникативные функции. Эти функции следует считать специфическими чертами научного текста, отличающими его от других текстов, в частности абстрактность, однозначность и др.

Ответ на вопрос, что следует понимать под абстрактностью научного текста нужно искать в понятийной структуре текста. Осуществляя исследование, ученый способен изучить объект своего познания, только предварительно выделив в нем предмет. Эта особенность характерна для любой области науки. Предметная спецификация научного познания требует от автора дискурса некоторой обобщенности выводов относительно своей коммуникационной цели, т. е. необходимости информирования окружающей его социальной группы о результате проделанной им работы. Это требует от адресанта преимущественного использования в своей лексике единиц с абстрактным значением, позволяющих ему нивелировать абсолютность своих утверждений.

Однозначность дискурса обусловлена стремлением адресанта терминологически сжать научный текст под общую структуру своего изложения, что помогает участникам коммуникации фиксировать многозначные языковые выражения. В тексте данная черта реализована терминологическим постоянством в описании тех или иных значений констатирующей информации, разделяющих содержание на смысловые части.

Рассмотренные категории не являются абсолютно постоянными при изучении научного дискурса. Среди исследователей отсутствует согласованность в выборе той или иной терминологии к обозначению дискурса в научной деятельности, тем более при выделении его категорий. Однако из числа исследователей научного дискурса отметим ряд имен, с которыми связаны попытки кодификации понятия «дискурса» на уровне как теоретического, так и практического объяснения необходимости его изучения. К числу этих исследователей относим В. А. Богданова [3], Л. Г. Васильева [5], А. В. Белых [1], Г. Ю. Гришечкина [6], Е. В. Михайлова [12], Н. В. Королеву, Н. Л. Моргуна [14], Л. В. Красильникова [10], В. А. Яцко [18] и др.

Материал, предложенный в параграфе, можно представить в виде следующей схемы (см. рис. 1).

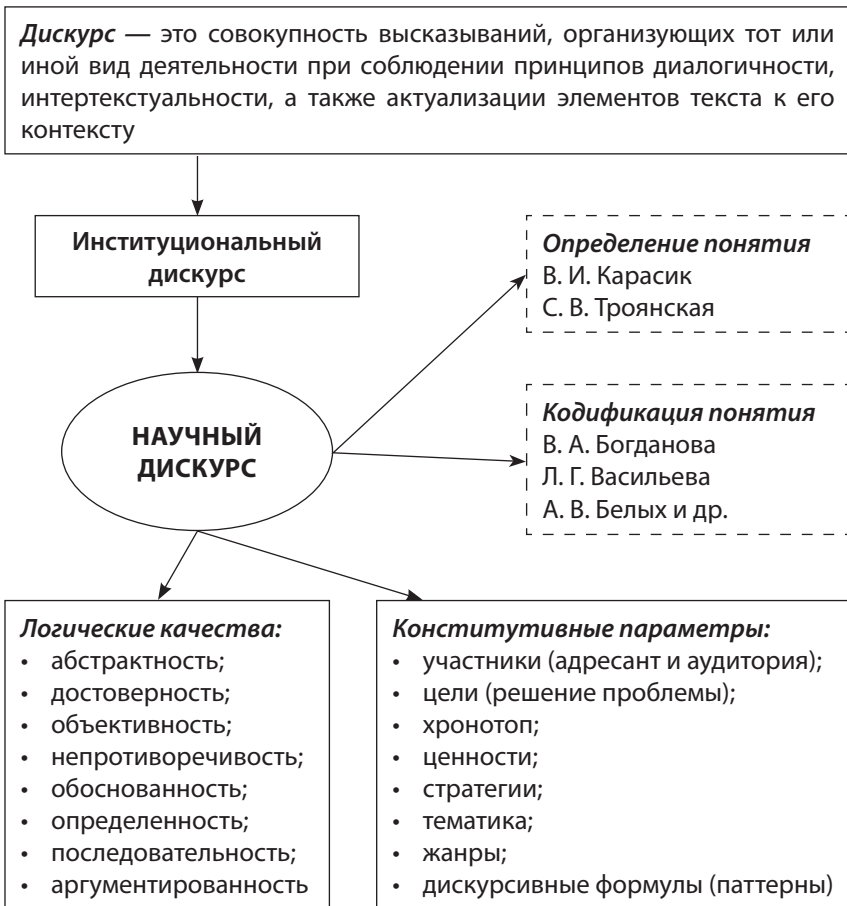

Рис.1. Специфика научного дискурса

2.2. УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ НАУЧНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Изучение исторического дискурса невозможно без выявления специфики языка исторической науки, т. е. языка историка, а также особенностей построения научного текста.

Язык науки, в том числе истории, характеризуется двумя основными свойствами, а именно: он определен, с одной стороны, предметом самой науки и является инструментом получения новых знаний; с другой — способом логического изложения уже полученных результатов научного исследования (исторического описания).

Какова же структура научного языка историка?

Составными компонентами языка историка следует считать: 1) современный язык (имеется в виду язык повседневной коммуникации историка); 2) язык исторических источников, включающий нарратив; 3) научные понятия, используемые историком в рамках своей профессиональной деятельности; 4) терминологический базис, заимствованный из других наук; 5) индивидуальные лингвистические особенности ученого.

Работа историка как ученого связана с необходимостью предоставления читателю (обществу) информативного материала о прошлом, запечатленного в исторических источниках, а также структурированного в виде историко-литературного издания (статья, монография, литературный рассказ и др.). Выполняя запросы общества на получение доступной информации о прошедших событиях, историк создает лингвистическую среду исторического описания, позволяющую читающей аудитории выбрать значимые для нее социокультурные знания. Историк, являясь частью самого общества, обладает способностью достоверного (одинаково ментального) отображения результатов своего исследования с учетом особенностей *восприятия* обществом тех или иных сюжетов истории.

Анализируя исторические источники, исследователь вводит их содержание в состав своего научного текста, который, как правило, конструируется в виде историко-повествовательного изложения событий прошлого. Это обстоятельство приводит исследователя к необходимости использования терминологического аппарата той эпохи, в которую был создан источник. Возникает потребность в приведении научного текста в соответствие с достаточно выверенным источником знания.

В процессе познания прошлого историк сталкивается с необходимостью сжатого описания тех или иных значений исторической реальности, воссоздание которой обусловлено предметом исследования, поскольку он является также предметом рассмотрения и в других науках. Возникает взаимосвязь истории с другими областями знания, и это вынуждает исследователя истории заимство-

вать те или иные понятия и методы других научных направлений без нарушения логики их построения.

При рассмотрении такого компонента научного языка, как научная (профессиональная) терминология, в качестве примера приведем значения слов «понятие» и «термин». Под термином понимается название определенного понятия какой-либо специальной области науки, техники, искусства, а под понятием — мысль, в которой обобщаются и выделяются предметы некоторого класса по определенным общим и в совокупности специфическим для них признакам.

Определенный интерес представляет характеристика термина «историческое понятие» с точки зрения его логико-семантического значения. Согласно утверждению белорусского методолога истории Б. М. Лепешко, понятие любой предметной области обладает своей спецификой. «Логические особенности исторических понятий обусловлены тем *статусом*, который придается им в рамках историографии, *характерным логическим содержанием* и *демонстрацией* функционирования механизма взаимосвязи исторических понятий. Те понятия, которые отличаются от остальных по указанным трем параметрам, и будут собственно историческими, то есть такими, которые определяют логическую специфику исторического знания» [1]. Значит, при формировании профессиональной терминологии историк в первую очередь обязан провести логическую унификацию контекста употребления понятия. Он же утверждает, что структуру исторических понятий невозможно уловить, не проникнув в структуру признаков, составляющих их содержание [1, с. 24]. Имеется в виду тот факт, что состав исторического понятия трудно обозначить, так как это требует анализа всех признаков, его составляющих.

Под содержанием исторических понятий, согласно Б. М. Лепешко, а также российскому историографу Н. И. Смоленскому, следует понимать всю совокупность отличительных признаков. В различных исторических контекстах то или иное однопорядковое понятие может иметь различное терминологическое значение, тем самым иное по смыслу значение как в пространственных, так и во временных условиях репрезентации прошлого современным языком (проблема терминологического переноса схожих по описанию исторических событий).

Скрупулезная точность исторического понятия, в отличие от естественнонаучной области знания, невозможна, так как сам предмет исторического познания постоянно изменяется. Различные исторические условия формирования социального события исключают

возможность тождества однопорядковых явлений. Тем самым имеющееся обозначение явлений (событий) историческими понятиями является абстрактным, обобщенным изложением информантов описания (в нашем случае нарративного) совершившегося действия в прошлом.

Как же тогда работать историку, если историческое понятие не является строго фиксированным обозначением объекта описания? Выход из этой ситуации, по мнению Б. М. Лепешко, возможен с соблюдением ряда положений, в полной мере характеризующих логическую «статусность» исторических понятий. К таковым можно отнести:

- требование терминологической определенности;
- единство применяемой терминологии по всему корпусу исторической литературы;
- содержание понятия, как правило, должно быть выражено в прямом и первичном значении используемых слов и выражений;
- преобладание динамической стороны в понятии над статической стороной [1, с. 24].

При изучении научного языка историка важно иметь в виду, что сам процесс исторического познания представляет собой не просто изучение некоторого явления, но и одновременно является его конструированием, внесением смысла и ценности. Это происходит из-за конструирования мыслительно-коммуникационного пространства дискурса, при котором текстовая область авторского смысла научного труда продолжает достраиваться благодаря мыслительной деятельности адресатов, т. е. читателей.

Такая особенность свойственна, по мнению В. М. Розина, всем гуманитарным наукам. Он пишет: «...В гуманитарных науках исследователь имеет дело прежде всего с проявлениями изучаемого явления, которое он рассматривает как тексты. Например, для мышления — это тексты рассуждений, решения задач, доказательства, теоретические построения, обоснования разного рода и т. д. Приступая к изучению мышления, исследователь прежде всего формирует способы описания и истолкования этих текстов. Далее в контекстах этих истолкований, в частности как их необходимое условие, он создает идеальные объекты, приписываемые уже самому мышлению» [2]. Отсюда делаем вывод, что продуктом мыслительной деятельности личности является текст, актуализируемый посредством дискурса, являющегося «катализатором» порождения нового текста.

Историк, проводя историческое исследование и, что особенно важно, информируя научное сообщество о его результате, создает коммуникативную ситуацию, при которой текст актуализируется относительно социального заказа (контекста). Это состояние принято называть дискурсом, когда в процессе авторского самоопределения (ученый представляет на «суд» свой труд), происходит мыслительная деятельность адресата и адресанта коммуникации и создается своеобразное социальное поле по изучению истории.

Историк не просто публично высказывает свою точку зрения, а организует условия коммуникативного действия по представлению реальности своего повествования (нарративного описания) о прошедших событиях. Историк не способен открыть нам прошлое, это невозможно для любой науки. Особенность исторического дискурса в данной ситуации можно связать с включением в мыслительный мир исследователя истории читателя, который активно действует (критикует, поддерживает, осмысливает научный текст) *в познании прошлого*.

В данном случае исторический дискурс является конструкцией мыслительной деятельности ученого и читателя по воплощению прошлого (его признаков) в момент ее репрезентации. Научность дискурса при этом определяется формированием умения и навыков логико-критического анализа имеющейся терминологии текста участниками дискурса, а также их способности выделения исторического контекста, соответствующей научной актуальности и новизны.

Таким образом, научный исторический дискурс историка представляет собой прежде всего идеологическую конструкцию, в которой переплетены текст исторического источника с понятийным аппаратом историка. И самое важное — в нарративных трудах исследователь истории приводит социальное обоснование выбранного им предмета познания, где раскрывается получатель (читатель) с его отношением к прошлому, точнее, с его необходимостью изучения истории прошедших событий (явлений).

2.3. СЛОВАРНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЯЗЫКА ИСТОРИКА

Основным элементом научного языка является его понятийный базис, исчисляемый словарем терминов и их дефиниций. Важным предположением данного раздела, по мнению авторов, следует считать наличие прямой взаимосвязи языка историка и сложившегося

образа исторического мышления общества. Их развитие обуславливает одно другое.

Изучение словарного состава научного языка получило свое начало с формированием в 1950-х гг. целого направления в лингвистике, задействованного для решения глобальных проблем языка науки, — научной лингвистики. В истории ее развития можно выделить три этапа: 1-й относится к 1950—1960-м гг.; 2-й охватывает период с начала 1970-х до конца 1980-х гг. включительно; 3-й начался в 1990-е гг. и продолжается по настоящее время [6].

Первый этап связан с деятельностью таких исследователей, как О. С. Ахманова, Р. А. Будагова, В. В. Виноградов, И. Р. Гальпер, чьи работы были направлены на решение глобальных вопросов, определяющих сущность научного стиля, его функциональные разновидности. Ими изучались лингвистические и экстралингвистические факторы формирования речи ученого, сформированы основы изучения научного стиля, определены общие особенности языка науки [2].

Второй этап характеризуется определением неоднородности лексического состава научного языка, что привело к изучению верификации терминологии. В отличие от первого этапа исследователями уделялось больше внимания отдельным аспектам научного языка, нежели его глобальным вопросам. В это время началась работа по изучению лексико-фонетических, лексико-семантических, стилистических и других особенностей научных работ.

Третий этап ознаменовал начало нового витка междисциплинарного сотрудничества лингвистов со специалистами отдельных отраслей научного знания, а также автоматизации процесса анализа текстов технических, естественных и гуманитарных наук.

Что же касается языка историка, то к началу третьего этапа он изучался в узком кругу исследователей и только для решения этимологических задач. Из исследователей, чьи работы действительно раскрывают проблему научного языка историка как инструмента мыслительной деятельности, отметим О. Н. Трубачева [10] и Ф. П. Сороколетова [9].

По мнению известного российского филолога А. П. Миньяр-Белоручевой, изучение специфики исторического языка необходимо начинать с исследования его лексического состава, а затем уже обращаться к его грамматическим и стилистическим особенностям.

Лексика языка историка состоит из трех слоев: общеупотребительного, терминологического и общенаучного. Из общего корпуса

научного текста число слов общеупотребительной лексики составляет в пределах 53 %, на терминологическую лексику приходится 23 %, а на общенаучную — 24 % [3]. Как видно, терминологическая лексика составляет значительную часть языка ученого.

Под терминологической лексикой имеются в виду те категории, понятия и термины, которыми пользуются специалисты одной сферы деятельности. Для истории категория — это общее понятие, отражающее наиболее характерные свойства и связи прошлого с реальной действительностью — той, в которой положено начало познания. Что же касается понятия «термин», то в настоящее время существует более 50 дефиниций для его обозначения. Термин как сложное явление языковой природы деятельности ученого определяется с различных точек зрения в зависимости от выделяемого аспекта. Не останавливаясь на их перечислении, отметим лишь сборное значение понятия «термин». Термин — это функциональная единица языка, обозначающая специальное понятие конкретной области знания или профессиональной деятельности, образующая совместно с другими единицами определенную систему. Подтверждением этого мнения служит утверждение О. С. Ахмановой, что термин — это «слова или словосочетания, применяемые для точного выражения специальных понятий...» [1].

Особенностью исторического термина является его абстрактность. Так как история имеет дело с изучением прошлого, то, как правило, все ее понятия абстрактны. При конкретизации абстрактного понятия образуется термин. Исторические понятия в отличие от естественнонаучных понятий выполняют лишь индивидуализирующую функцию [7]. Они позволяют раскрыть логическую структуру развитого объекта и являются одним из эффективных инструментов познания и виртуального воспроизведения исторической действительности.

Исторические термины являются «проводниками» основных категорий и понятий исторической науки. На их основе исследователям удастся передать историю прошлого человечества за счет тех уникальных обстоятельств, благодаря которым термины стали выражать события прошлого.

Существует несколько путей создания исторической терминологии. Из них отметим: специальное создание терминов для обозначения тех или иных явлений исторической действительности за счет трансформации слов греческого и латинского языков; морфологическое

видоизменение слов современной лексики, а также изменение значения общеупотребительных слов; использование лексики исторического источника; импортирование отдельных слов и выражений из смежных областей знания.

Все исторические термины можно подразделить на термины методологии истории и термины событийной истории. Центральными и мало изменяемыми терминами в исторической науке являются термины методологии истории. Так как поле исторической науки постоянно меняется в пространстве, термины событийной истории подвергаются постоянной смене контекста своего употребления. К числу терминов методологии истории относят общенаучные и общеисторические термины, а к микроисторическим — термины политические, юридические, социально-экономические, религиозные, военные, бытовые.

Из-за наличия большого количества исторических терминов историку важно иметь доступ к достоверной и полной информации об их значении. Поэтому одним из основных направлений научной работы исследователей истории является составление исторических словарей, где в краткой форме излагается значение тех или иных терминов.

Словарь по методологии истории, составленный Б. М. Лепешко из 128 единиц описания, представляет собой краткую энциклопедию, в которой собрана информация о персоналиях, ключевых категориях, идеях, концепциях, раскрывающих содержание методологии истории. Книга предназначена для учителей истории, студентов исторических факультетов вузов, всех тех, кто интересуется теоретическими проблемами истории [5]. Возникает вопрос, насколько точны описания предлагаемых в ней единиц. Для определения точности мы сравним единицы описания с их же трактовкой в таких справочных изданиях, как «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: ў 6 т.» и «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный словарь Т. Ф. Ефремовой» [4]. В качестве примеров остановимся на терминах «метод» и «методология истории» в каждом обозначенном нами издании.

По словарю Т. Ф. Ефремовой, метод — «1) способ познания, подход к изучению явлений природы и общественной жизни; 2) прием, система приемов в какой-либо области деятельности». Методология — «1) учение о методе научного познания; 2) совокупность приемов исследования в какой-либо науке, области знаний».

По мнению Б. М. Лепешко, метод — «...путь исследования, познания, способ построения и обоснования системы знаний. Метод

складывается в ходе рефлексии над объективной (предметной) теорией и закрепляется в принципах, нормах и методиках исследования, реализуется через навыки, умения и т. д. конкретных исследователей и обеспечивается соответствующим эвристическим инструментарием...» [5, с. 78]. Методология истории — «научная дисциплина, раскрывающая специфику исторического познания, ориентирующая исследователей на понимание природы, принципов и методов исторического знания» [5, с. 83].

В Энциклопедии истории Беларуси методология истории — «да-следаванне практычных праблем пазнання гісторыі, яго прыроды, прынцыпаў і метадаў...» [11].

Представленные примеры толкования значения понятий «метод» и «методология истории» демонстрируют нам отсутствие преобладающей связи между изданиями. В словаре Т. Ф. Ефремовой представлены достаточно краткие и не совсем удачные обозначения понятий «метод» и «методология». Однако нельзя утверждать о логическом соответствии информативного поля описания и в исторических словарях. Так, если в Краткой энциклопедии Б. М. Лепешко структура статей построена по следующей форме: краткое определение термина, историографический обзор, перечисление свойств обозначаемого понятия, то в исторической энциклопедии она имеет форму описания значения каждого смыслового концепта, находящегося в предисловии словарной статьи. Это значительное различие, так как на основе имеющегося контекста изложения авторских идей о значении термина, в том числе об обозначаемом им понятии, у читателя складывается свое представление. Чем больше таких отличий, тем больше неясности возникает у пользователей словарем, и, естественно, это ведет к ошибочности приводимых им в дальнейшем суждений об историческом событии, явлении, процессе.

Несмотря на заявленный принцип комплектования словаря по методологии истории Б. М. Лепешко, имея в виду его краткость в количестве словарных статей, в работе трудно определить критерии включения в словарь имеющихся терминов, персоналий, ключевых категорий и т. д. Так, в словаре отсутствует описание научных идей одного из выдающихся методологов истории XX в. И. Д. Ковальченко, а также описание большинства современных направлений и подходов в исторической науке, в том числе методологии истории. Однако эти недостатки не уменьшают значимости

первого в современной белорусской историографии словаря терминов по методологии истории, именно тех терминов, которые имеют основополагающее значение в понимании истории как научной области знания.

Если обратиться к опыту составления исторических словарей у наших зарубежных коллег, особый интерес представляет научное издание «Словарь историка», составленное французским исследователем истории Николя Оффенштадтом. Так, помимо объяснения основных понятий, которые используют историки-профессионалы, автор знакомит читателя с происхождением этих понятий. Кроме этого он вводит его в контекст французской историографии, поскольку словарь создан для французских историков. В отличие от других авторов исторических словарей, французский историк в свой словарь включает понятия, заимствованные из областей знаний, имеющих с историей общий объект познания, в частности социологии, политологии, психологии, а также философии. Словарь знакомит не только с историческими терминами, но и с некоторыми направлениями новейшей французской историографии, такими как социоистория или эгоистория, психоистория. Для удобства пользования словарем авторы снабдили его системой перекрестных отсылок. Это позволяет в описаниях исторических терминов по отметкам выйти на названия других статей, в которых можно получить дополнительную информацию об интересующем нас понятии.

В качестве примера выберем из рассматриваемого нами словаря описание значения термина «научная парадигма» (при чтении будем обращать внимание на структуру словарной статьи).

«... Понятие „научная парадигма“ обозначает образ мыслей, свойственный данной эпохе и преобладающий внутри научного сообщества. Оно было введено в 1960-е гг. философом и историком науки *Томасом Кьюном* в работе „*Структура научных революций*“, чтобы описать кризисные моменты, переживаемые наукой в ходе ее эволюции. По его словам, „парадигма представляет собой совокупность верований, признанных ценностей и технических приемов, свойственных членам данной группы“.

Научная революция происходит, когда долгое время оставшаяся общепризнанной научная теория отвергается научным сообществом в пользу другой теории. Этот переход свидетельствует о смене парадигмы: о смещении интересующей исследователей проблематики, появлении иных критериев легитимации научных проблем и выводов, обновлении научного воображения и изменении условий, в которых проводится исследование. Хотя

это понятие оставалось неопределенным и не раз становилось предметом споров, некоторые историки, в частности *Марсель Гоше* и *Франсуа Досс*, нашли ему эвристическое применение для осмысления тех перемен, которые происходят в настоящее время в общественных науках. В книге *„Империя смысла. Гуманизация гуманитарных наук“* (L, *Empire du sens. L'humanisation des sciences humaines. P., 1995*) *Франсуа Досс* показал, что конец великих объединяющих парадигм, каковыми в области гуманитарных наук на протяжении двух десятилетий являлись марксизм и структурализм, не оставил после себя пустого места в идейном смысле и не привел к полной научной дезориентации. Напротив, в интенсивной, сложной и многообразной активности современных общественных наук он усматривает признаки эпистемологической конвергенции дисциплин и даже появления новой интеллектуальной конфигурации, прагматической и герменевтической одновременно. За этой сменой парадигмы в общественных науках стоит общая для них философия: возвращение субъекта, или актора, в противовес структуре, реабилитация эксплицитной и осмысленной стороны человеческого поведения в противовес „философии подозрения“, поощрявшей поиски бессознательных мотивов.

В то же время *Франсуа Досс* пользуется данным понятием осторожно, не пытаясь заключить в его строгие рамки столь разные по своему происхождению и по декларируемым целям исследования, хотя и признает за ними „семейное сходство“ и интригующие совпадения, позволяющие ему говорить о „гуманизации гуманитарных наук“.

* Структурализм...» [8].

Как видно из примера, структура статьи «Французского словаря историка» состоит из следующих частей: этимология слова, научное использование, концепции (идеи), связь с другими единицами описания. В данном случае интересен тот факт, что авторы словаря приводят только одно понятие в дополнение к имеющейся статье. Им является термин «структурализм». Однако в самом словаре термин «парадигма научная» согласуется с несколькими статьями, такими как «Актор», «Эвристика». Не ясен и тот факт, что при достаточно частом упоминании в тексте понятия «метод» автор так и не приводит статьи по трактовке его значения. К этому следует добавить также игнорирование таких понятий, как «дискурс» (это удивительно, так как термин упоминается в словарных статьях «Историография», «Лингвистический поворот», «М. Фуко» и др.), «историческая информатика» (во французской историографии в отличие от английской, американской и скандинавской имеет место недостаточное внимание к этому понятию, в условиях

массовой информатизации французской архивной отрасли и системы образования явно необходимо толкование значения этого термина в словаре).

Таким образом, различие в структуре составления словарных статей, а также отсутствие общих номинативных единиц построения определений терминов еще раз доказывают важность создания справочных изданий для историков. Отметим также, что принципиально важно включать в исторические словари не только термины событийной истории, но и специально-исторические термины, термины-реалии (извлекаемые из первоисточников), а также термины методологии истории.

Знание исторической терминологии является необходимым условием саморазвития любых исследователей истории, в том числе и преподавателей. В качестве одного из средств такого повышения профессионализма историков могут выступать научные издания словарно-энциклопедического жанра.

2.4. ЖАНРОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НАУЧНОГО ТЕКСТА

К важным составляющим изучения научного дискурса относится определение жанра его текста, являющегося результатом процесса научной коммуникации.

Согласно толковому переводоведческому словарю, жанр текста — это класс вербальных текстов, выделяемых на основе общности структуры, пределов вариативности и использования в однотипных коммуникативных контекстах. Конкретные признаки дифференциации жанров связаны с тремя семиотическими измерениями — семантикой, прагматикой и синтактикой [6].

К общим принципам создания дискурсного жанра относят: целостность жанровых разновидностей, образующих тот или иной функциональный стиль; объединение устойчивых элементов разновидности в жанровые группы; наличие жанров промежуточного характера; степень их размежевания и т. д. [3].

Однако в качестве критерия построения жанров научного дискурса нами используется функциональный признак, по которому научный дискурс можно подразделить на такие жанровые группы, как основные (диссертация, монография, статья, доклад), вторичные

(тезисы, реферат, аннотация, справочники, научная биография, резюме), пограничные (учебное пособие, научная лекция).

Диссертация (лат. *dissertatio* — рассуждение, исследование) — квалификационная научная работа, имеющая внутреннее единство, содержащая совокупность результатов исследования, научных положений, выдвигаемых соискателем ученой степени для *публичной защиты* и свидетельствующих о его личном вкладе в науку в качестве ученого [2]. В Большом энциклопедическом словаре дается такое определение: «Диссертация — научно-исследовательская работа, подготовленная для публичной защиты на соискание ученой степени» [1].

Диссертация представляет собой развернутый научный текст, в котором диссертант выполняет ряд следующих коммуникативных требований:

1) дискурсивный текст должен содержать совокупность новых научных результатов и положений;

2) все прецедентные элементы диссертации составляют внутреннее единство со смысловой структурой текста;

3) обязательное использование приемов интертекстуальности;

4) свидетельство о личном вкладе соискателя в разработку научной проблемы;

5) новые решения, предложенные автором, должны быть четко изложены (обозначены), аргументированы (согласованы) и критически соотнесены с ранее известными научными разработками (определение их недостатков);

6) указание на наличие основных материалов авторского дискурса в других научных текстах, относящихся к основной жанровой группе;

7) результаты диссертационного исследования выносятся соискателем на публичную защиту (процесс актуализации).

Монография — научный дискурс, изданный в виде книги, где содержится полное, всестороннее изложение результатов глубокого теоретического и (или) экспериментального исследования одной научной проблемы [2]. В отличие от диссертационной работы монография не пишется для очной защиты. Ее основной целью является написание исследователем профессионального самоотчета о проделанной им работе. При этом перлокуция (эффект) научного дискурса монографии характеризуется отсрочкой во времени: воздействие информации на читателя, его ответная реакция

происходит после прочтения монографии и ее анализа (отзыв, рецензия).

Научная статья как жанр научного дискурса, с одной стороны, характеризуется такими определенными специфическими признаками, как постановка и решение одной научной проблемы, средний объем (менее 120 тыс. знаков), принятая система ссылок и выходные данные, а с другой стороны, она характеризуется и общими признаками представления научного дискурса (цель — решение научной проблемы, диалогическая форма существования, статусное равенство участников), а также соотношением как с первичными, так и со вторичными жанрами научного дискурса (отзыв, доклад, конспект и др.) [4].

Основными экстралингвистическими требованиями к научной статье является точность, ясность и краткость. Точность предполагает использование автором статьи такой лексики, которая будет общедоступной для всех участников дискурса (ее читателей). Ясность предполагает, что текст будет содержать хорошо построенные фразы, каждый параграф текста должен логично развивать тему исследования. Под краткостью статьи подразумевается смысловая завершенность научного текста, достигаемая в условиях ограниченности объема изложения информации. Это происходит за счет акцентуации внимания читателя к наиболее ключевым аспектам исследовательской работы автора статьи.

Структурными компонентами научной статьи считаются: описание проблемы и ее актуальности для теории и практики; краткие данные о методике исследования; анализ собственных научных результатов и их обобщение; выводы и предложения по проведению исследовательской деятельности в дальнейшем; ссылки на цитируемую литературу.

Важным критерием выделения жанров научного дискурса является определение типа структурирования текста. Структурирование дискурса — это процесс языковой очередности: логического, когнитивного, ментального поведения адресанта в рамках коммуникативной деятельности. Для каждого дискурсного жанра характерна своя особенность структурирования исследователем содержания текста.

Для диссертаций Б. А. Райзенберг выделяет пять типов структурирования основного содержания текста: системно-проблемное структурирование, теоретико-прикладной подход, теоретико-методическое построение, программная структура, историческая периодизация.

Суть системно-проблемного структурирования содержания заключается в том, что текст строится по схеме: сущность решаемой проблемы и ее постановка — предлагаемые способы решения проблемы — подтверждение и практическое значение результатов решения проблемы.

В основу теоретико-прикладного подхода положен принцип смыслового разделения текста на составные части: теоретическую и прикладную. В теоретической части адресант обосновывает выбранную тему исследования (что исследуется), а в прикладной дает практические рекомендации по решению научной проблемы (как нужно исследовать).

Теоретико-методическое построение текста в отличие от предыдущих типов строится по следующей схеме: теория — методология — методика — технология. В основном тексты, имеющие подобную структуру, относятся к методической направленности. Они ориентированы на демонстрацию возможностей исследовательских методов с конкретным приведением примеров их реализации.

Программная структура, как правило, используется в обосновании проектных работ, где от исследователя требуются указания к решению конкретных научных проблем. Текст работы структурируется таким образом: в начале дается научное обоснование цели проекта, потом определяются пути и приемы ее достижения, затем составляется конкретный план по выполнению задач.

Такой тип структурирования содержания текста, как историческая хронология (научная периодизация), характерен для дискурса, построение которого привязано к стадильности изложения результатов работы исследователя или же зависит от степени продвижения (поддержания) авторского мнения среди остальных участников дискурса. Примером данной структуры является работа оппонентов на защите соискателя научной степени, когда участники вступают в дискурс строго по регламенту.

Что же касается научной монографии, то в данном жанре дискурса выделяют два типа научных текстов: информативный и проблемный. В информативной монографии, как правило, приводится описательное объяснение научной проблемы, концепций. Обычно это сопровождается приведением автором текста цитат, отсылок на предыдущие работы, хрестоматийностью подачи материала, обобщенностью фактов. В проблемных монографиях дискурс формируется на основе ранее неизвестных фактов, осознание которых не

может быть достигнуто лишь в результате информационных исследований.

Структурное построение научных монографий представлено следующими частями: аннотационно-ориентировочной, установочно-методологической, проблемной, констатирующей и поисковой.

В аннотационно-ориентировочной части адресату дается пояснение об актуальности, новизне, объекте и предмете научного исследования, проделанного адресантом. В установочно-методологической части дается теоретический анализ предмета изучения, презентуется материал исследования, рассматриваются методологические позиции исследователя. В проблемной части обозначается проблема исследования, формулируется гипотеза ее решения, определяются методы ее проверки, а также условия их выполнения. В констатирующей части дается, как правило, историографический анализ рассматриваемой темы исследования, приводится связь рабочей концепции адресанта с научной парадигмой той или иной научной школы, к которой относится автор текста, или тех школ, чьи идеи, приемы выполнения исследовательской работы использованы при составлении дискурса. В поисковой части приводится описание самого исследования, в котором проверяется ранее сформированная гипотеза, анализируется полученный материал, проводится обобщение проделанной работы.

Каковы же особенности структурирования этих текстов? Они получаются в результате сжатия и стандартизации первоисточников (основных жанров). Напомним, что к вторичным текстам научного дискурса, как отмечалось выше, относят тезисы, аннотации, рефераты (авторефераты), резюме.

Наиболее интересными среди них представляются рефераты, которые являются необходимым элементом диссертационной работы, особенно во время ее защиты.

Реферат (от лат. *refero* — сообщаю) — краткое изложение в письменном виде или в форме публичного доклада содержания научного труда (трудов), литературы по теме.

По Г. Х. Валееву, реферат — это своеобразная информационная модель основного текста дискурса, применяемая для последовательной передачи исходного текста в заданном объеме слов, печатных знаков, бумажной площади и др. Основной функцией реферата является быстрое и систематизированное представление актуальной научной информации в свернутом виде. Реферат отвечает на вопрос,

какая основная информация заключена в реферируемом документе или что сказано, что излагается в первичном документе [2, с. 94].

Первичным документом реферата является диссертация. Как правило, работа над нею сводится в конечном итоге к написанию автореферата. Принципиальным в данном случае является именно составление реферата создателем основного дискурса, т. е. диссертации. Реферат является смысловой проекцией диссертации, и поэтому при его составлении соискатель должен следовать определенной последовательности в работе: детальный анализ содержания текста диссертации, выделение ключевых фрагментов текста, составление логического плана автореферата, библиографический анализ и редактирование.

Типичными ошибками при составлении реферата являются злоупотребление соискателями отглагольными существительными, неточность формулировок, тавтология, синонимия, отсутствие стандартизированной и унифицированной терминологии, использование малораспространенных терминов в профессиональной области работы оппонентов, чрезмерная метафоричность и др.

Рассмотрение жанров дискурса будет неполным без выявления жанровой особенности текста исторического источника, являющейся также и свойством научного исторического дискурса. Основной особенностью исторического документа является его нарративность. Под нарративностью подразумевается свойство текстового источника, содержание которого построено в виде повествования. К числу нарративных источников относятся газетные и журнальные статьи, письма, дневники, мемуары, материалы интервью, листовки, записи речей, воспоминания, публицистика, художественные произведения (историко-популярные, но не исторический роман) и др. Повествование — это тип текста, основанный на рассказе о событиях, действиях. Оно характерно для художественной, разговорной, публицистической речи. В художественной речи повествование направлено на воплощение художественного образа, в публицистической — на передачу фактов, в разговорной — на эмоционально-оценочную информативность высказывания. Инвариантная схема повествования как типа текста включает ряд компонентов. Во-первых, это характеристика ситуации общения, в которой определяется отношение автора к получателю информации, формулируются задачи общения посредством создаваемого текста, называются функции общения. Во-вторых, дается перечень структурно-

композиционных частей, в который, как правило, входят начало события (завязка), развитие события (действия, кульминация), конец события (развязка). В-третьих, характеризуется набор языковых средств, свойственных повествовательному типу письма. Это ряды глаголов-сказуемых со значением последовательности действий, формы слов или словосочетаний, выражающие значения времени, места и др. В повествовательный текст могут вводиться элементы описания или рассуждения [5].

Представленное определение содержит ряд важных жанровых особенностей исторического дискурса. Так, экстралингвистической основой повествования является последовательность исторических событий, которые включаются в текст посредством составления сюжета. Поэтому изучение исторического нарратива должно происходить путем выделения элементов повествования (семантических категорий), а также установления их различных отношений. Это положение соответствует идеям представителей структурно-лингвистического подхода в анализе естественного текста (В. Я. Пропп, А. Ж. Греймас, К. Бремон, Ван Дейк и др.).

Выбор повествовательной формы написания текста позволяет историку воссоздавать реальность событий прошлого. Это связано с использованием приемов темпоральности (перечисления событий, отсылки читателя к условным элементам действительности, т. е. уточнения по времени и по месту) при создании временной линии описания истории (рассказа о чем-то). В каждой истории присутствуют свое начало (завязка), процесс действия (изменения), кульминация (центральная часть повествования) и развязка. Благодаря этому читатель включается в условную (построенную автором) историю, становясь участником концептуального достраивания исторических образов. Таким образом, новый текст порождается актуализацией старого текста.

При изучении научного дискурса первоначально необходимо определить степень соответствия избранного жанра дискурса его содержанию, так как жанр является экстралингвистической формой построения дискурса. На его основе адресант строит свою логику изложения материала, а адресат составляет алгоритм анализа выдвигаемых идей. Тем самым выявляется степень истинности описываемого в дискурсе события.

Материал, изложенный в параграфе, наглядно представлен в виде следующей схемы (см. рис. 2).

Рис. 2. Жанры научного дискурса

Литература к главе 2 «Предмет научного дискурса историка»

К разделу 2.1 «Специфика научного дискурса»

1. Белых, А. В. Реализация прагматических установок монографического предисловия (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — Л., 1991.

2. Бобырева, Е. В. Диалогичность научного текста: внутренняя природа и языковые механизмы реализации / Е. В. Бобырева // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. — Волгоград: Перемена, 2000. — С. 126—131.
3. Богданова, В. А. Письменная и устная формы научного стиля (на материале лексики) / В. А. Богданова // Вопр. стилистики. — Вып. 23: Устная и письменная формы речи. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. — С. 33—39.
4. Валеев, Г. Х. Методология научной деятельности в сфере социогуманитарного знания / Г. Х. Валеев. — М.: Наука, 2005. — С. 79.
5. Васильев, Л. Г. Понимание гуманитарного научного текста: основы аргументативного подхода / Л. Г. Васильев // Семантика слова и текста: психолингвист. исслед. — Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1998. — С. 146—149.
6. Гришечкина, Г. Ю. Соотношение факторов жанровой специфики и предметной области текста научной рецензии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Г. Ю. Гришечкина. — Орел, 2002. — 148 л.
7. Камю, А. Человек мыслящий / А. Камю // Афоризмы и цитаты [Электронный ресурс]. — 2009—2010. — Режим доступа: <http://wisdomstore.ru/22902>. — Дата доступа: 12.06.2012.
8. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — М.: ГНОЗИС, 2004. — С. 230.
9. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — С. 230—233.
10. Красильникова, Л. В. Жанр научной рецензии: семантика и прагматика / Л. В. Красильникова. — М.: Диалог-МГУ, 1999. — 139 с.
11. Лебедев, С. А. Философия науки: Словарь основных терминов / С. А. Лебедев. — М.: Академ. проект, 2004. — 148 с.
12. Михайлова, Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. В. Михайлова. — Волгоград, 1999. — 205 л.
13. Мишанкина, Н. А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Н. А. Мишанкина. — Томск, 2010. — 111 л.
14. Моргун, Н. Л. Научный сетевой дискурс как тип текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. Л. Моргун. — Тюмень, 2002. — 289 л.
15. Барт, Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт. — М., 2003. — 512 с.
16. Троянская, Е. С. Особенности грамматической синонимии стиля научной речи / Е. С. Троянская // НДВШ. Филол. науки. — 1969. — №2. — С. 58.
17. Чудинов, Э. М. Природа научной истины / Э. М. Чудинов. — М.: Изд-во полит. лит., 1977. — С. 50—51.
18. Яцко, В. А. Рассуждение как тип научной речи / В. А. Яцко. — Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 1998. — 182 с.

К разделу 2.2

«Условие применения научного исторического дискурса»

1. Лепешко, Б. М. Логические основы исторического исследования / Б. М. Лепешко. — Брест, 2004. — С. 19.
2. Розин, В. М. Типы и дискурсы научного мышления / В. М. Розин. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — С. 82.

К разделу 2.3

«Словарная вариативность языка историка»

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М.: Сов. энцикл., 1966. — С. 474.
2. Виноградов, В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. — М.: Учпедгиз, 1947. — 784 с.
3. Глушко, М. М. Лингвистические особенности современного общенаучного языка: дис. ... канд. филол. наук / М. М. Глушко. — М., 1970. — 279 с.
4. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Рус. яз., 2000. — 1222 с.
5. Лепешко, Б. М. Методология истории: краткая энциклопедия / Б. М. Лепешко. — Брест: Альтернатива, 2008. — 160 с.
6. Миньяр-Белоручева, А. П. Теоретические основы изучения языка исторической науки: на материале современного английского языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / А. П. Миньяр-Белоручева. — М., 2001. — 6 л.
7. Риккерт, Г. Границы естественнонаучного образования понятий / Г. Риккерт. — СПб.: Наука, 1997. — С. 529.
8. Словарь историка / под ред. Н. Оффенштадта при участии Г. Дюфо, Э. Мазюреля; пер. с фр. Л. А. Пименовой. — М.: Рос. полит. энцикл., 2011. — С. 124.
9. Сороколетов, Ф. П. История военной лексики в русском языке / Ф. П. Сороколетов. — Л.: Наука, 1970. — 381 с.
10. Трубачев, О. Н. Ремесленная терминология пробирного дела и аффинажа в русском языке XVII в. / О. Н. Трубачев // Процессы формирования лексики русского литературного языка: От Кантемира до Карамзина. — М.: Наука, 1966. — 416 с.
11. Сідарцоў, У. Н. Метадалогія гісторыі / У. Н. Сідарцоў // Энцыклапедыя Гісторыі Беларусі. — Мінск: Беларус. энцикл. ім. П. Броўкі. — 1999. — Т. 5. — С. 119–120.

К разделу 2.4

«Жанровая классификация научного текста (дискурса)»

1. Большой энциклопедический словарь. — М.: Сов. энцикл., 1991. — Т. 1. — С. 395.

2. Валеев, Г. Х. Методология научной деятельности в сфере социогуманитарного знания / Г. Х. Валеев. — М.: Наука, 2005. — С. 83.

3. Михайлова, Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе: на материале статей: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. В. Михайлова. — Волгоград, 1999. — С. 73.

4. Попова, Т. Г. Параметры научно-технической статьи (на материале испанского языка) / Т. Г. Попова // Вестн. ОГУ. — 2004. — № 11. — С. 149.

5. Словарь лингвистических терминов. — Изд. 5-е, испр. и доп. — Назрань: Пилигрим, 2010.

6. Толковый переводоведческий словарь. — 3-е изд., перераб. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 320 с.

Глава 3

БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В 1991—2011 гг.

3.1. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТА ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЛОРУССКИХ ИСТОРИКОВ

Весомым показателем развития исторической науки в любой стране является количество и качество защищенных диссертационных работ, представляющих результаты исследовательской практики специалистов в области исторического познания. Несмотря на то что диссертации не являются опубликованными работами, но фактически относятся к источникам первичной формы информационно-научного представления, они наряду с другими историографическими источниками позволяют составить реальную картину уровня исторических исследований как отечественной, так и зарубежной истории.

В рамках настоящей работы мы рассматриваем диссертацию как модель научного дискурса, которая имеет определенную структуру и отражает решение исторической проблемы на основе предлагаемой соискателем структуры. Анализ содержания диссертационных работ как первичной формы (сами работы), так и вторичной (автореферат, резюме) позволяет выявить, какие проблемы находились в поле зрения исследователей, защитившихся по той или иной специальности в тот или иной период времени.

Интерес представляет прежде всего вопрос, в какой мере заголовки авторефератов диссертаций отражают профессиональный, т. е. научный, дискурс белорусских историков, получивших степени кандидатов и докторов исторических наук с 1991 по 2011 г.

Заметим, аналогичной проблемой в свое время занимались В. Н. Михнюк, Г. В. Корзенко, Ю. В. Зенькович. Ими составлен перечень (карта) диссертаций, защищенных в Республике Беларусь с 1991 по 2005 г., а также осуществлен их анализ.

В библиографическом указателе докторских и кандидатских диссертаций, составленном В. Н. Михнюком [2], обращает внимание идея о том, что начало новейшего этапа в развитии белорусской исторической науки связано не столько с политическими изменениями, происходившими в 1990—1991 гг. в нашей стране, сколько с изменениями методологии исследовательской работы. Они касаются

обновления тематики исследований и появления новых приемов (методов) исторического познания, связанных с зарождением исторической информатики (В. Л. Носевич, В. Н. Сидорцов, Е. Н. Балыкина), психоистории (О. М. Шутова, Д. С. Самохвалов), гендерной истории (И. Р. Чикалова) и др.

В работе В. Н. Михнюка приведена также статистика защищенных историками диссертаций с 1991 по 2003 г., дополненная Г. В. Корзенко и Ю. В. Зеньковичем данными до 2005 г. [1]. Положительно оценивая проведенное исследование, мы представляем читателю и наш взгляд по данному вопросу.

Одним из составных компонентов публичной защиты диссертаций как разновидности научного дискурса историка является соотнесение тематики работ к имеющимся научным специальностям по истории. Напомним, что согласно номенклатуре специальностей научных работников Республики Беларусь за 2009 г. в Беларуси имеется шесть специальностей, которые являются формой дискурса. Специальность определяется темой диссертации и языковой номинацией исследовательской практики, отраженной как в тексте научной работы, так и в его речи на публичной защите [3]. Это следующие специальности:

07.00.02 — отечественная история — область исторического знания, исследующая развитие исторического процесса на территории Беларуси с древнейших времен до наших дней в контексте европейской и всемирной истории, становление ее государственности, развитие экономики и культуры, социальные и политические процессы. Области исследований являются:

- Социально-экономическое развитие общества на территории Беларуси: общественный строй, сельское хозяйство, промышленность, пути сообщения и транспорт, торговля, средства связи, урбанизация, формирование и положение сословий и классов.
- Государственные образования на территории Беларуси, их внутренняя и внешняя политика, местное управление, классовая борьба, политические и иные партии, организации, государственная, классовая и сословная идеология.
- Религия и церковь, положение и роль отдельных конфессий в государственной и общественной жизни, культурном развитии, конфессиональные взаимоотношения.
- Материальная и духовная культура, просвещение и наука.
- Этнические процессы на территории Беларуси, национальная ментальность, межэтнические взаимоотношения, национальная культура и национальные движения.

- Экономические, общественно-политические и культурные связи Беларуси с другими странами.

07.00.03 — всеобщая история — область науки, изучающая проблемы всемирно-исторического процесса и истории зарубежных стран, генезиса и развития социальных структур и институтов, наций, этносов и других групп населения на основе современных методологических принципов и подходов, документальных и материальных памятников с древнейших времен до наших дней.

Социально-культурное значение решения проблем специальности: создание целостной научной картины всемирно-исторического процесса и истории зарубежных стран, совершенствование изучения и преподавания истории в высших и средних учебных заведениях, расширение научных и культурных связей с другими странами. Области исследования являются:

- Методологические и типологические проблемы исследования истории зарубежных стран, связей и взаимодействия между отдельными цивилизациями и регионами.
- Общие закономерности экономического, политического и социокультурного развития народов мира во взаимосвязи с другими сферами человеческой деятельности, влияние окружающей среды на общественную жизнь и воздействие человечества на окружающую среду.
- История развития государств, политических и общественных институтов на локальном, региональном и глобальном уровнях; историко-демографические процессы.
- Внешняя политика и международные отношения, проблемы войны и мира, военно-политические союзы, глобализация мировых процессов и геополитические проблемы.
- Развитие материальной и духовной культуры, науки, техники и образования в различных странах и регионах мира.
- История гендерных отношений, ментальности в контексте общественных отношений в различные исторические эпохи.
- Историческое место и роль церквей и религиозных организаций в истории отдельных стран и регионов, религий и религиозных институтов, материалистических учений, этноконфессиональных отношений в мировой истории.

07.00.06 — археология — область исторической науки, изучающая проблемы истории по материальным и письменным источникам со времени первоначального заселения до XIX века в контексте всемирно-исторического процесса и на основе современного уровня исторических интерпретаций материалов археологических исследований. Области исследования:

- Археологические памятники и материалы (по письменным источникам и археологическим исследованиям).

- Исторические процессы социально-экономического развития, виды хозяйственной деятельности, проблемы политической истории (по письменным и археологическим материалам), проблемы исторической периодизации и классификации памятников.
- Процессы формирования археологических культур и этнических общностей, их взаимодействие и влияние.
- Развитие древней техники и усовершенствование технологии, освоение новых материалов, применение новых технических средств и методик в изучении археологических материалов.
- Развитие духовной культуры и идеологических представлений, погребальные объекты.
- Методика полевых и камеральных исследований, историческая интерпретация археологических материалов.
- История археологии.
- Археология в музейной и туристической сферах.
- Проблемы сохранения археологических памятников.

07.00.07 — этнография, этнология и антропология — область науки, занимающаяся изучением народов-этносов, процессов их формирования и эволюции, способов жизнедеятельности и образа жизни, их этнокультурных традиций, межэтнических (межнациональных) взаимоотношений на всех исторических этапах. Области исследования:

- Общетеоретические проблемы этнографии, этнологии и антропологии. Историография науки, направления и школы.
- Этногенез и этническая история, современные этносоциальные процессы.
- История материальной культуры (народное зодчество и организация жилой среды, традиционный костюм, традиции народной кулинарии).
- Традиционное земледелие, животноводство, промыслы и ремесла.
- История духовной и социальной культуры (народные знания, верования, обычаи и обряды, мировоззрение и этническое самосознание, социальные организации).
- Ареальная этнология (этнография) и историко-этнографические атласы.
- Традиционные и современные формы семьи и семейных отношений.
- Проблемы этнокультурного развития белорусской диаспоры.
- История и культура этнических групп Беларуси, межэтнические отношения и контакты.
- Этноконфессиональная история и современные межконфессиональные отношения.
- Этническая антропология в контексте этногенеза белорусов.
- Методы, методики и техника этнологических исследований.

07.00.09 — историография, источниковедение и методы исторического исследования — область науки, занимающаяся исследованием процесса накопления исторических знаний и совершенствования организационной структуры исторической науки, ее развития в связи с общественной эволюцией, разработкой теории, методики и практики изучения и использования исторических источников, а также совокупности принципов и методов, направленных на достижение целей и решение задач исторического познания. Области исследований:

- История исторической науки. Развитие исторической мысли, направления и школы, организация и социальные функции науки в определенные исторические периоды. Концепции всемирной и отечественной истории.
- Источниковедение. Теоретическое источниковедение, компаративное источниковедение, классификация и систематизация источников, история источниковедения, источники по истории Беларуси и зарубежных стран. Новая информационная среда и новые типы исторических источников. Нарратология.
- Природа исторического познания. История и современность. Социальные функции исторической науки. Специфика исторического познания. Предмет и структура исторического исследования. Категории исторической науки.
- Принципы и методы исторического исследования. Принципы исторического исследования. Способы построения и обоснование исторического знания. Вербально-логические и знаково-символьные формы представления знания. Общенаучные и специальные исторические методы. Инновационные направления и методы исторической науки, информационные технологии.
- Междисциплинарный синтез методов исторического исследования и других наук (социологии, психологии, лингвистики, философии, экономики, политологии, математики, информатики).

07.00.15 (до 2000 г. — 07.00.05) — история международных отношений и внешней политики — область исторической науки, которая исследует развитие политических, экономических, идеологических, правовых, культурных, военных и научных связей и взаимоотношений между народами, государствами, системами государств, другими субъектами международных отношений; деятельность международных организаций. Области исследования:

- Возникновение, формирование и развитие системы международных отношений.
- Исторические аспекты теории и концепций развития и функционирования международных отношений. История международных отношений как наука.
- Развитие глобальных общечеловеческих проблем международных отношений.

- Международная деятельность, внешняя политика, дипломатия, национальная безопасность, геополитические приоритеты Республики Беларусь.
- Внешняя политика и дипломатия зарубежных стран в разные исторические периоды.
- Межгосударственные отношения в историческом аспекте; способы решения международных (межгосударственных) противоречий; создание и взаимодействие экономических и военно-политических блоков государств; возникновение, эволюция и распад систем международных отношений; международные аспекты возникновения и распада государств, смена государственных границ.
- История межгосударственных отношений на двусторонней и многосторонней основах. Характер взаимоотношений между промышленно развитыми и развивающимися странами.
- Военно-стратегические аспекты международных отношений. Стратегия великих держав и сверхдержав на международной арене. Исторические направления развития военных доктрин и концепций национальной безопасности.
- История и современная деятельность всемирных международных организаций; системы региональных межгосударственных объединений, военно-политических и экономических коалиций и союзов, интеграционных объединений, международных неправительственных организаций.
- Дипломатия и другие средства осуществления внешней политики, методы и приемы деятельности государств и других политических сил на международной арене в разные исторические периоды. Особенности и специфика дипломатии стран мира в разные исторические периоды. Дипломатическая история крупнейших событий прошлого.
- Возникновение, развитие и урегулирование международных конфликтов военно-политического, экономического, национального, церковного характера.
- Важнейшие процессы истории международных отношений XX — начала XXI века: колонизация и национально-освободительное движение; невоенные аспекты Первой и Второй мировых войн; борьба тенденций в международной политике (явления конфронтации, международного идеологического противостояния); взаимозависимость и взаимосвязь государств и народов современного мира; функционирование биполярного мира и тенденции установления многополярности; геополитические результаты распада биполярного мира; смена геополитических приоритетов; укрепление «европейской идеи неделимости», «холодная война», ядерное противостояние и возникновение новых мировых параметров безопасности: ядерное разоружение и коллективный отказ от силового решения конфликтов; борьба за влияние на информационном пространстве.
- Механизмы, закономерности, проблемы формирования и развития международных отношений на современном этапе.

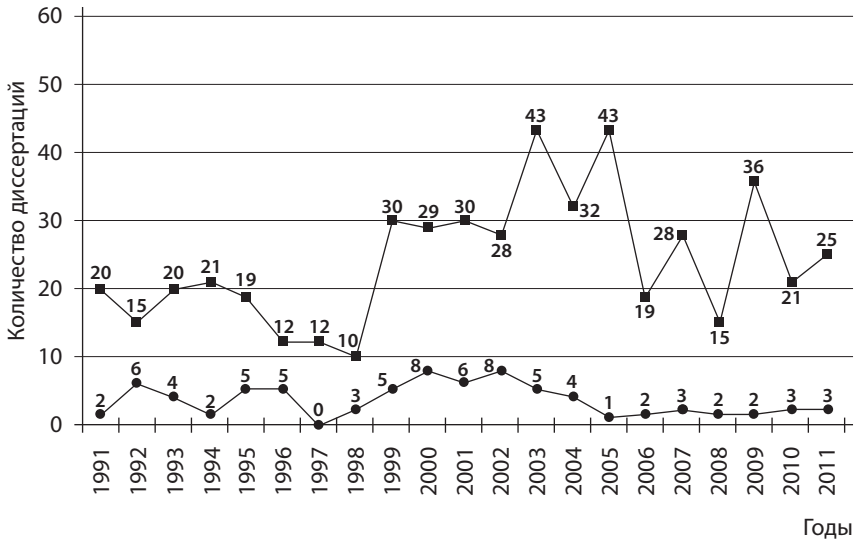

Рис. 3. Число успешно защищенных диссертаций по истории с 1991 по 2011 г. в Беларуси:

■ — кандидатские работы; ● — докторские работы

Таковы принятые и действующие стандарты по специальностям исторической науки. Отталкиваясь от них, рассмотрим количественные и качественные показатели их реализации в практике защиты диссертаций в Республике Беларусь.

За период с 1991 по 2011 г. в республике было защищено 508 кандидатских и 79 докторских диссертаций. Динамика их защит представлена на рис. 3.

На графике видно, что наиболее успешными в динамике защиты диссертаций по историческим наукам в Беларуси были 2001 и 2005 гг. В эти годы на кандидатские работы приходится 34,6 % (176) защищенных диссертаций, а на докторские — 30 % (24).

Если сравнивать динамику защит докторских и кандидатских диссертаций, то очевидно, что доля докторских работ постоянно снижается в отличие от кандидатских. Представленная на рис. 3 динамика демонстрирует нарастающий кризис исторической науки Беларуси. Если рассматривать средний показатель численности защищенных кандидатских работ (24) и средний показатель докторских (4), то разность в их соотношении равна 6:1 (в начале XXI в. этот по-

казатель был равен 5:1). Если следовать высказыванию В. Н. Михнюка о том, что «кандидатской работой входят в науку, а докторской — выходят», то сегодняшняя ситуация в белорусской исторической науке достаточно критична. Подтверждает ли такой вывод статистика защищенных диссертаций по специальностям?

Кандидатские

По специальности 07.00.02 было защищено 48,62 % из числа всех работ; 07.00.03 — 15,94 %; 07.00.06 — 6,30 %; 07.00.07 — 5,51 %; 07.00.09 — 9,06 %; 07.00.15 — 6,89 % и 07.00.01 — 3,54 %; по остальным специальностям — 4 %. Как видно из представленного списка, тройкой самых «популярных» специальностей являются отечественная история, всеобщая история и историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Докторские

По специальности 07.00.02 было защищено 48,1 % из числа всех работ; 07.00.03 — 16,5 %; 07.00.06 — 5,1 %; 07.00.07 — 6,3 %; 07.00.09 — 8,9 %; 07.00.15 — 5,1 %; 07.00.01 — 3,3 %; 07.00.01 — 2,53 %; по остальным — 7,6 %. Тройкой самых «популярных» специальностей среди докторантов являются те же специальности, что и среди кандидатских. Причину такого явления можно усматривать в тематическом предпочтении соискателей докторской степени к ранее выбранной области исследования.

Итак, с учетом имеющихся статистических показателей, а также расшифровки тематики научных специальностей определим, насколько темы диссертационных исследований белорусских историков соответствуют номенклатуре научной специализации, выбранной ими при защите за период 2005—2011 гг. (выбранный промежуток был взят в качестве примера, так как с 2005 г. характерно уменьшение числа защищенных диссертационных работ). В качестве примера взяты три «популярные» специальности.

Ключевыми категориями диссертационных работ по специальности 07.00.02 за последние шесть лет являются темы: Западная Беларусь (1921—1939 гг.), деятельность общественных объединений, государственная политика (XIX—XX вв.), борьба белорусского народа в годы Великой Отечественной войны, а также ВКЛ с XIV по XVI в.

Категории по специальности 07.00.03: страны Балканского полуострова, российская эмиграция, общественно-политическая деятельность, Франция (XX в.), Россия (XX в.).

Категории по специальности 07.00.09: англо-американская и российская историография, белорусские архивы, методы познания.

Общую тематику всех диссертационных работ, защищенных с 1991 по 2011 г., можно представить в виде перечня доминант: история Беларуси (нач. XX в. — 1991 г.); социально-экономическое развитие; формирование политической системы; история ВКЛ; Российское государство.

Обращает внимание расширение тематики диссертаций в последние 20 лет за счет изучения истории белорусской государственности в период Великого княжества Литовского и истории белорусских земель в составе Российской империи, а также государственного устройства России романовского периода. Безусловно, изучение этих тем привело к активному обращению к белорусским архивным фондам в Республике Беларусь и за ее пределами, а также к историографическому обоснованию избранных тем.

Популярнейшей темой белорусской исторической науки уже на протяжении около 70 лет является тема «Беларусь в годы Великой Отечественной войны». Это было бы не удивительно, если бы не факты, связанные с «мизерным» интересом белорусских диссертантов к таким знаменательным событиям белорусской истории, как война 1812 г., Первая мировая война, афганская война (1979—1989 гг.), сталинские репрессии и др.

3.2. ПРИМЕНЕНИЕ НЕТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ДИССЕРТАЦИОННЫХ РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ

За 1991—2010 гг. на белорусском научном пространстве по историческим наукам были защищены 71 докторская и 441 кандидатская диссертация [1; 2]. Каждая работа внесла определенный вклад в развитие отечественной исторической науки. Однако насколько они приблизили нас к исторической истине, менялась ли методология исторического исследования? Какие новые методы использовались и разрабатывались учеными в целях раскрытия тайн прошлого? Для ответа на эти вопросы был проведен анализ диссертационных работ, авторы которых говорили о новых методах и их применении в научном историческом познании. Обратимся прежде всего к теории вопроса.

Согласно мнению известного российского исследователя И. Д. Ковальченко, важнейшим показателем уровня развития той или иной науки выступают методы исследования — их разнообразие и познавательная эффективность [17]. Очевидно, выяснение «прикладного» значения методов требует их классификации. Существующие схемы классификации исходят из генетической природы методов, их принадлежности к отдельным наукам или группе наук. Проанализировав ряд наиболее известных работ по методологии истории таких специалистов, как И. Д. Ковальченко, В. В. Иванов, А. И. Зевелев, Н. М. Дорошенко, Б. М. Лепешко, Л. Н. Мазур и авторы данной монографии, выделим наиболее часто встречающиеся в исследованиях методы. Среди них историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный и метод ретроспекции.

Это довольно скромный перечень традиционных методов, если иметь в виду их сочетание и адаптирование к различным источникам, поставленным целям и задачам, породившим новые методы, и особенно нетрадиционные методы, явившиеся следствием развернувшейся интеграции наук. Нами насчитано более 80 методов, апробированных и признанных в исторической науке.

Из нетрадиционных методов, широко применяемых в изучении истории, но не в белорусской исторической науке, можно выделить следующие группы: количественные (математико-статистические), психоисторические, методы герменевтики и лингвистики, семиотические, синергетики, искусствоведческого анализа [3], реализация которых предполагает использование определенного инструментария, в том числе информационных средств.

Применение количественных (математико-статистических) методов актуально в связи с интенсивным процессом математизации и компьютеризации современной науки, что обусловлено как успехами в развитии прикладной математики и вычислительной техники (компьютерной революцией), приведшими к радикальному расширению возможностей интеллектуальной деятельности, так и состоянием самой науки, перед которой актуализировались проблемы систематизации, хранения и использования все увеличивающегося объема накапливаемой количественной и качественной информации и совершенствования процесса ее организации и хранения, обработки и анализа различных исторических источников, от массовых до единичных.

Математизация знания способствует осуществлению интегрального, целостного, системного подхода к изучению явлений и процессов действительности. Суть такого подхода состоит в том, что исследуемый объект рассматривается как некая системная структура, изучение которой требует раскрытия элементов строения и их взаимосвязей, характеризующих эту структуру, и выявления ее качественного своеобразия в системном мире [4].

Внедрение количественных методов в историческое исследование призвано расширить механизм обработки исторической информации. Это позволяет максимально приблизиться к исторической истине, способствуя тем самым получению более точного и полноценного результата.

Среди белорусских историков «применение» количественных методов в большинстве случаев сводится к простейшим арифметическим вычислениям. Из имеющихся исследований, где использовались методы со сложными математическими расчетами, следует выделить работы таких историков, как С. П. Витязь, применивший корреляционный анализ; М. М. Атрушкевич, А. А. Кондратович, В. Г. Корнелюк, обратившиеся к методам дескриптивной (описательной) статистики [5]. Однако интерес в этом отношении представляет диссертация белорусского историка В. Л. Носевича «Популяционно-демографические процессы в эпоху нижнего и среднего палеолита» (защищена в МГУ им. М. В. Ломоносова) [6]. В ситуации компьютеризации науки она открывает новый вид исследования в отечественной истории. В работе переплетается историческое научное исследование, отвечающее требованиям мировой историографии, с новым исследовательским подходом — компьютерным (имитационным) моделированием. Практическая ценность работы отражена в созданной компьютерной модели и результатах ее применения, воспроизводящих некоторые стороны жизни древнего общества.

Особую роль в развитии методологического аппарата историка играет сотрудничество истории с лингвистикой.

В этом отношении представляет интерес работа историка, связанная с обработкой нарративных источников, где многое остается невидимым из-за поверхностных методик изучения содержимого документов. Применение методов лингвистики позволяет раскрыть смысловое устройство текста как особой формы человеческой деятельности по отражению повседневной жизни. Лингвистический поворот

в мировой историографии нацелил историков на семантический анализ речи (устной и письменной), в которой, собственно, и представлена человеческая история.

Примером междисциплинарного сотрудничества историков и лингвистов является работа Т. Н. Микулич «Этноязыковые процессы и система национального самосознания (на материале Беларуси)» [8]. Диссертация выполнена на стыке трех научных дисциплин (истории, лингвистики и психологии) и свидетельствует об укреплении теоретико-методологических основ изучения языка как формы этнического самосознания. Примененный метод этнографической коммуникации позволил Т. Н. Микулич обозначить язык в качестве символа чувственно-образного представления национального самосознания людей. Исследователь определила причину позднего формирования национального самосознания белорусов, усматривая ее в неблагоприятных факторах эволюции этноязыковых процессов, возникших в исторической судьбе белорусского края (полонизация, русификация и т. п.).

Историки не остались в стороне от внедрения в практику исследования методологического инструментария, поставляемого таким уже немолодым направлением, как историческая информатика. Основным полем ее развития в Беларуси остается пока адаптация стандартного программного обеспечения к нуждам исторического познания. Это обработка источников посредством электронных таблиц и систем управления базами данных (СУБД), интеллектуальный поиск информации в сети Интернет, создание электронно-образовательных ресурсов и др.

Примером использования инструментария исторической информатики может служить работа И. В. Николаевой «Женщины Беларуси в период германской оккупации (1941–1944 гг.)» [18]. Автору удалось осуществить количественный анализ, посредством которого была дана качественная характеристика женского состава партизан в годы Великой Отечественной войны. Созданная И. В. Николаевой на основе именных списков женского состава база данных обрабатывалась с использованием пакетов электронных таблиц Excel и СУБД Access. Осуществляя компьютерную обработку источников, исследователь смогла подтвердить достоверность выдвигаемых ею положений.

Другим также интересным исследованием, в котором осуществлен информационный анализ, является работа Е. Я. Павловой [9].

Автор показала функциональную состоятельность созданной ею базы личного состава партизанских формирований Беларуси в годы Великой Отечественной войны.

К инновациям в отечественных исследованиях следует также отнести работы, в которых использовались методы, входящие в группу знаковых систем (социально-психологические, лингвистические, семиотические). В отличие от количественных методов и информационных технологий, в определенной мере уже применяемых в белорусской исторической науке, указанные методы только начинают привлекать внимание исследователей и получать практическое применение.

Примером использования методов семиотики в историческом исследовании служит работа С. В. Костюкевич «Семантика и функции традиционных игрушек белорусов в XIX—XX вв.» [10]. Воспользовавшись приемами семантического анализа, историк определила связь белорусских игрушек (их образа) с имеющимися формами мифологического представления людей. Работа С. В. Костюкевич показывает синкретизм народного мировоззрения белорусов при создании и использовании игрушек в зависимости от их внешнего образа (антропоморфного или зооморфного), а также в правилах игры с ними. Практическая значимость работы С. В. Костюкевич состоит в эффективном исполнении анализа предметов духовно-материальной культуры, где лейтмотивом изучения стал внутренний мир человека.

Начало внедрения методов психоистории в практику исторического исследования белорусских ученых было положено диссертационными работами О. М. Шутовой [11] и Д. С. Самохвалова. В кандидатской диссертации «Американская психоистория (1960—1990-е гг.)» О. М. Шутова раскрыла концептуальные основы популярного, но мало известного белорусским историкам такого научного направления, как психоистория. На примере психоисторических исследований, проведенных американскими учеными, она осветила теоретические основы психоисторического анализа и осуществила интерпретацию его возможных результатов, охарактеризовала поля исследований американцев, обозначила достижения и проблемы в использовании психоанализа в историческом познании.

Работа Д. С. Самохвалова «Исследование групповых процессов в психоистории» [12] представляет собой первую предпринятую в Беларуси попытку рассмотреть психоисторические концепции

и исследовательские приемы анализа групповых фантазий как специального метода в историческом познании. Автор подчеркнул необходимость применения психоисторического контент-анализа в изучении структурных и функциональных особенностей групповых процессов. Особое значение исследователь придает изучению социальных посланий, представляющих собой широкий комплекс артефактов человеческой культуры и тесно связанных с процессом творчества, являясь частью особого методологического подхода к критике источников, где особое значение придается внутреннему миру человека.

Опыт психоисторических интерпретаций, изучение циклов групповых фантазий и попытки прогнозирования будущего представляют большой практический интерес для историографии в целом. Применение психоисторических приемов исследования вкупе с количественным анализом может содействовать разрешению многих актуальных проблем белорусской истории, в частности таких, как борьба с субъективизмом, фрагментарностью, «замыливанием» основных результатов исследования.

Из более поздних работ особый интерес представляет исследование В. Н. Сергеева «Теория коммуникации Н. Лумана как метод исторического анализа» [13]. В диссертации реализовано требование инновационного подхода в научной, а в данном случае в научно-исторической сфере деятельности, в которой первостепенное значение приобретает исследование теоретико-методологического основания социального анализа. Теория Н. Лумана концентрирует внимание на таком поле взаимодействия, как субъект — объект, где действуют свои правила, свободные от влияния обеих сторон. Предпринятый В. Н. Сергеевым анализ теории Н. Лумана может служить важным контраргументом таким явлениям в историческом сообществе, как явное непризнание исторической синергетики, слепое преклонение перед источником, сплошное отождествление события и факта и др.

Не ограничиваясь теоретизированием, автор диссертации разработал модель, задающую способ изучения прошлого (по ключевым словам исторического исследования) и определяющую границы и степень участия исследователя в реконструкции прошедших событий и явлений. При этом им была предпринята попытка применения созданной модели для раскрытия характера внутривнутрипартийной борьбы в партийной организации Беларуси в 20-е гг. XX в.

Фактически это первое в своем роде заслуживающее внимания теоретико-историческое исследование в отечественной историографии, хотя и не доведенное до практического применения созданной модели. Тем не менее, сама идея вывести из теории познавательную модель продуктивна, актуальна и весьма перспективна. Правда, в этом труде таится и некоторая опасность для исторической эпистемологии: в соответствии с конструктивизмом взаимодействие человека и мира представляется в виде единой цельной системы, и попытка резко сузить границы этой системы является деструкцией в познании. Так, выделяемые В. Н. Сергеевым мифологемы «заиграли» бы в случае включения коллективного подсознательного в качестве социальной подсистемы в предложенную автором модель. Накладывая эту модель на ситуацию внутривластных дискуссий 20-х гг. XX в. в БССР, следовало бы иметь в виду не абстрактного, а живого человека.

Широкую известность приобрела докторская монография Н. И. Миницкого «Методы конструирования научного и образовательного исторического знания» [14]. В ней впервые в отечественной методологии науки разработана концепция построения исторического научного знания. Автор представил наиболее отвечающую исследовательской практике системную связь предметной и процессуальной сторон исторического знания. Этот аспект исследования является в большой степени оригинальным и масштабным. А в качестве частных открытий автору удалось выделить категориальное начало современных методологических построений в истории и других гуманитарных науках — концепт «структура и процессы» — и разработать общие методологические основы исторического знания. Одновременно Н. И. Миницким предложены новые методы психолингвистической обработки исторических текстов, раскрыто взаимодействие вербально-логической и знаково-символической форм представления знания.

Из числа работ, защищенных по специальностям 07.00.02 — отечественная история, 07.00.03 — всеобщая история, 07.00.06 — археология, 07.00.07 — этнография, этнология и антропология, 07.00.09 — историография, источниковедение и методы исторического исследования, 07.00.15 — история международных отношений и внешней политики — применение новых методов, как правило, отмечено в работах по специальностям 07.00.02 и 07.00.09. Число историков, применявших в своих исследованиях новые (инновационные) методы

исследования, невелико. Хотя возможность повышения методологического уровня диссертационных исследований вполне достаточна. К услугам будущих специалистов в области истории имеются доступные учебно-методические пособия и научные издания, представленные в главе 1.

Поверхностное отношение к работам по методологии истории или вообще игнорирование этих работ, признанных в познании истории, может привести к тому, что мы окажемся в круговороте постоянного идеологического повторения и засорения истории. В белорусской исторической науке очевиден методологический кризис, выход из которого возможен только в междисциплинарном и полидисциплинарном подходах. Если в XVI в. Жану Бодену было достаточно раскрыть премудрости постижения человеческого прошлого в одной книге «Метод легкого познания истории», то сейчас историку нужно не только стремиться овладеть традиционными методами, расширяя поле их применения, но и постоянно находить, апробировать и внедрять новые методы научного познания применительно к собственным объектам изучения.

Литература к главе 3

«Белорусская историческая мысль в 1991—2011 гг.»

К разделу 3.1 «Концептуальная карта исследований белорусских историков»

1. Аннотированный указатель диссертаций по историческим наукам, защищенных в Республике Беларусь (1991—2005 гг.) / Г. В. Корзенко, Ю. В. Зенькович. — Минск: Белорус. наука, 2006. — 391 с.

2. Доктарскія і кандыдацкія дысертацыі па гістарычных навуках у Рэспубліцы Беларусь (1991—2003 гг.): бібліяграфічны паказальнік / У. М. Міхнюк. — Мінск: Нац. архіў Рэсп. Беларусь, 2006. — 66 с.

3. Краткие паспорта программ исторических специальностей // Сайт ВАК Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — 2004—2007. — Режим доступа: <http://vak.org.by/index.php?go=Box&in=view&id=167>. — Дата доступа: 05.05.2012.

К разделу 3.2 «Применение нетрадиционных методов исторического исследования в диссертационных работах отечественных историков»

1. Сайт Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — 2004—2007. — Режим доступа: <http://vak.org.by>. — Дата доступа: 12.07.2011.

2. Аннотированный указатель диссертаций по историческим наукам, защищенных в Республике Беларусь (1991–2005 гг.) / Г. В. Корзенко, Ю. В. Зенькович. — Минск: Белорус. наука, 2006. — 391 с.

3. Сидорцов, В. Н. Методология истории: курс лекций для студентов, магистрантов, аспирантов исторических специальностей / В. Н. Сидорцов. — Минск: БГУ, 2010. — С. 105.

4. Шендерюк, М. Г. Количественные методы в источниковедении: учеб. пособие / М. Г. Шендерюк. — Калининград, 1996. — С. 6–7.

5. Атрушкевич, М. М. Законодательные акты о городах второй половины XVIII — первой половины XIX в. и особенности их реализации в Беларуси: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М. М. Атрушкевич. — Минск, 2000; Віцязь, С. П. Фарміраванне каляндарнай традыцыі Беларусі: гістарыяграфічна-крыніцазнаўчае даслед.: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.09 / С. П. Віцязь. — Мінск, 2001. — 120 с.; Кандратовіч, А. А. Развіццё гандлю ў Беларусі ў другой палове XVIII ст.: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / А. А. Кандратовіч. — Мінск, 2004. — 138 с.; Карнялюк, В. Г. Фактары гісторыка-дэмаграфічных змен у складзе насельніцтва Беларусі ў 1913–1918 гг.: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / В. Г. Карнялюк. — Гродна, 2001. — 129 с.

6. Носевич, В. Л. Популяционно-демографические процессы в эпоху нижнего и среднего палеолита (Опыт компьютерного моделирования): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / В. Л. Носевич. — М., 1991. — 21 с.

7. Сидорцов, В. Н. Беларусь в XX веке: нетрадиционное представление истории: монография / В. Н. Сидорцов, И. А. Кандыба, М. М. Равченко; под ред. В. Н. Сидорцова. — М.: МАКС Пресс, 2010. — 272 с.

8. Микулич, Т. Н. Этноязыковые процессы и система национального самосознания (на материале Беларуси): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Т. Н. Микулич. — Минск, 1991. — 214 с.

9. Павлова, Е. Я. Личный состав партизанских формирований Беларуси в годы Великой Отечественной войны: источники и методы анализа: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Е. Я. Павлова. — Минск, 2003.

10. Касцюкевіч, С. У. Семантыка і функцыі традыцыйных цацак беларусаў у XIX — XX стст.: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.07 / С. У. Касцюкевіч. — Мінск, 2004. — 199 с.

11. Шутова О. М. Американская психоистория (1960–1990-е гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / О. М. Шутова. — Минск, 1997.

12. Самохвалов, Д. С. Исследование групповых процессов в психоистории: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Д. С. Самохвалов. — Минск, 2000.

13. Сергеев, В. Н. Теория коммуникации Н. Лумана как метод исторического анализа: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / В. Н. Сергеев; НАРБ, гос. науч. учреждение «Институт истории». — Минск, 2008. — 22 с.

14. Миницкий, Н. И. Методы конструирования научного и образовательного исторического знания / Н. И. Миницкий. — Минск: БГПУ, 2006.

15. Сидорцов, В. Н. Методология истории: количественные методы и информационные технологии: учеб.-метод. пособие / В. Н. Сидорцов. — Минск: БГУ, 2003. — 143 с.

16. Сидорцов, В. Н. Методология истории: курс лекций для студентов, магистрантов, аспирантов исторических специальностей. — Минск: БГУ, 2010. — С. 27–31.

17. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. — М.: Наука, 1987. — 438 с.

18. Николаева, И. В. Женщины Беларуси в период германской оккупации (1941–1944): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. В. Николаева. — Минск, 2006. — 22 л.

Глава 4

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ МЕТОДОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

4.1. НЕДОСТАТОЧНОСТЬ ТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ

Метод как основной элемент исследовательской работы историка

Любой научно-познавательный процесс, в том числе исторический, включает объект, предмет и методы познания. Объектом исторического познания является совокупность проявлений жизни социума с древнейших времен. Однако на каждом отдельном этапе развития исторической науки изучению подвергаются лишь некоторые стороны или явления общественной жизни, которые составляют предмет научного познания.

Что же касается конкретного исторического исследования, то его объектом будет явление или процесс, с которым непосредственно связана заданная тема — предмет изучения. При изучении конкретных исторических явлений и процессов историк ставит определенные исследовательские задачи, т. е. стремится раскрыть те или иные черты и свойства, присущие этим явлениям и процессам, выявить закономерности и особенности их функционирования, показать их связь с другими явлениями и процессами, их место и роль в общественном развитии [1].

Для проведения исторического исследования историку необходимо следовать избранной им теории научного познания (совокупности посылок, идей), а также методам познания. Методология научного познания представляет собой арсенал тех принципов и средств, посредством которых ученый получает необходимую информацию об изучаемом предмете, обрабатывает и анализирует ее [2, с. 15]. По мнению известного российского исследователя И. Д. Ковальченко, важнейшим показателем уровня развития той или иной науки выступают используемые методы исследования, их разнообразие и познавательная эффективность [2].

Очевидно, чтобы установить «прикладное» значение методов в научном познании, необходимо обратиться к их классификации. Суще-

ствующие схемы классификации методов в основном исходят из их генетической принадлежности к отдельным наукам или группе наук.

В своей исследовательской практике историки прибегают к общелогическим, составляющим основу методологии, для широкого обобщения, общенаучным и специально-историческим методам, подразделяемым на две группы:

а) традиционные методы (основные, по И. Д. Ковальченко), определившиеся в XIX в., когда историю относили к области естествознания и она пользовалась его методами, адаптируя их к нуждам исторического познания (с появлением социальной истории в начале XX в. генетический метод стал историко-генетическим, метод сравнения — историко-сравнительным, типологический — историко-типологическим, системный — историко-системным и т. д.);

б) нетрадиционные методы (инновационные), появившиеся в середине XX в. в связи с зарождением отдельных (функционально узких) исторических дисциплин — от исторической информатики до психоистории [3].

Однако, следуя утверждению И. Д. Ковальченко об основных элементах структуры научного метода (проблема, теория, методика, техника), мы можем предположить наличие множества различных определений такого понятия, как традиционные методы исторического познания.

С целью сведения их к общей классификации нами был проведен анализ имеющихся подходов среди отечественных и зарубежных исследователей.

Согласно российскому историку В. В. Иванову, исторический метод реализуется посредством ряда традиционных методов исследования, событий и явлений прошлого и настоящего. Сюда относятся историко-сравнительный, историко-генетический, историко-реконструктивный (ретроспекция), историко-типологический способы научного познания.

Познавательная роль историко-сравнительного метода у В. В. Иванова обусловлена тем, что он предполагает рассмотрение явлений в развитии и раскрытии их многообразных сторон, свойств в процессе этого развития. Сильная сторона этого метода состоит в широте охвата исследуемых явлений. Ввиду того, что в данном случае предполагается параллельное изучение по меньшей мере двух рядов явлений или процессов, исследователь имеет возможность проследить характер связи отдельных явлений на фоне других, аналогичных им.

Следовательно, исключается истолкование явлений как изолированных, абсолютно единичных, «неповторимых сторон» действительности. Эта специфика находит отражение в познавательных функциях рассматриваемого метода: а) выделение в явлениях различного порядка признаков, их сравнение, сопоставление; б) выяснение исторической последовательности, генетической связи явлений, установление их родовидовых связей и отношений в процессе развития, установление различий в явлениях; в) обобщение, построение типологии социальных процессов и явлений [4].

Историко-генетический метод В. В. Иванов рекомендует использовать для уяснения генетических связей, возникших между историческими явлениями. В этом отношении метод позволяет понять не только последовательность событий во времени, но и общую динамику социального процесса.

Характеризуя ретроспективный метод, историк выделяет отличительную черту этого метода, заключающуюся в направленности научного исследования от настоящего к прошлому, от следствия к причине. В своем содержании ретроспективный метод выступает прежде всего как прием реконструкции, позволяющей синтезировать, корректировать знания об общем характере развития явлений.

По мнению того же В. В. Иванова, сравнительно-историческое, генетическое и ретроспективное изучение социальных явлений — не самоцель. Пользуясь совокупностью приемов исторического анализа, ученый стремится к представлению закономерности развития исследуемого предмета, выяснению общего и особенного, особенного и индивидуального, необходимого и случайного в явлениях, установлению их типов [4, с. 108]. Поэтому более высоким (методологически) уровнем познания истории служит применение в исследовании историко-типологического метода.

Историко-типологический метод, равно как и любой другой метод исторического исследования, должен базироваться на адекватном теоретическом, мировоззренческом осмыслении объекта исследования. Можно утверждать, что применение историко-типологического метода приносит наибольший научный эффект при исследовании однородных явлений и процессов. В исследовании как однородных, так и разнородных типов одинаково важно, чтобы изучаемые объекты были соизмеримы по основному для данной типизации факту, по наиболее характерным признакам, лежащим в основе исторической типологии [4, с. 110].

Критерием выделения основных методов исторического исследования у В. В. Иванова следует считать специфику предмета исторического познания, требующего конкретного анализа событий и фактов, раскрытия сложности и противоречивости каждого феномена и социального процесса в целом.

Русский историк А. И. Зевелев к специально-историческим методам исторического познания относит сравнительно-исторический метод, логический анализ, хронологический (проблемно-хронологический) метод, метод периодизации, ретроспективный, метод актуализации и перспективности. Сравнительный метод, по мнению историка, объединяет универсальные истины, заложенные в историзме, и способствует прогнозированию будущего исторической науки, в том числе в изучаемых темах.

Не менее интересным утверждением А. И. Зевелева является отношение к методам исторического исследования логического приема научного познания. В нем, дескать, внутренне заложены большие возможности историографического анализа, в частности он позволяет раскрыть своеобразие, специфические особенности историографического факта, его многослойную структуру, соотношение с другими историографическими явлениями, движущие силы его дальнейшего развития.

В историческом познании не исключен и хронологический метод. Он способствует изучению историографических фактов с позиций их взаимосвязанного процесса, в котором отдельные этапы и периоды сравниваются с целью вскрытия объективных закономерностей накопления и углубления историографических знаний [5]. Однако хронологический метод изложения порой оказывается неприемлемым для аналитического изучения научной проблемы. Поэтому А. И. Зевелев вводит в научную практику более определенный метод — проблемно-хронологический, позволяющий разложить исследуемую тему на ряд узких вопросов (решений). Следующим методом историка является метод периодизации, обязывающий исследователей критически относиться к любым хронологическим границам рассматриваемых событий и явлений прошлого.

Определенное значение российский исследователь придает ретроспективному (возвратному) анализу. Суть этого метода он усматривает в изучении движения мысли ученого от современности к прошлому: т. е. изучение элементов старого, сохранившегося в наши дни, и реконструкция на их основе событий и явлений, имевших место в истории [5, с. 48].

Наиболее спорным методом специально-исторического познания, предложенным А. И. Зевелевым, следует считать метод актуализации и перспективности, в котором он видит историка как идеолога, причем вектор исторической науки определяет будущее народа и его партии. Критерием выделения специально-исторических методов исторического исследования по А. И. Зевелеву следует считать отнесение истории лишь к описательной области знания с корректирующим вектором развития согласно идеологическим установкам и правилам.

Нельзя исключить мнения о специально-исторических методах советского исследователя Н. М. Дорошенко, чьи идеи долгое время цитировались в ряде учебных пособий по методологии истории, изданных уже после 1991 г. В числе специально-исторических методов историк называет три метода: историческое описание, объяснение и оценку.

Историческое описание автор рассматривает как метод, направленный на адекватное отражение исторического явления в его пространственно-временной связи, как способ изложения событий и явлений в конкретной, эмпирической форме. По его мнению, метод исторического описания строится на основе знания общих законов исследования, вытекающих из общих правил формальной и диалектической логики. Описание выражается в понятиях: факт, явление, единичное, конкретное, индивидуальное и др. Каждое из этих понятий неизменно оказывается связанным с полярно противоположными категориями: в факте проявляется действие законов, в явлении «светится» сущность, за случайностью скрывается необходимость, в конкретной ситуации отражается общий ход событий [6, с. 75].

Более весомым методом исторического исследования по сравнению с методом исторического описания Н. М. Дорошенко обозначает метод исторического объяснения, под которым понимает способ, направленный на определение сущности исторических явлений в системе логических категорий, на понимание их закономерности и исторической необходимости [6, с. 77].

Подытоживающий метод исторической оценки понимается ученым как один из способов исторического исследования, направленный на выяснение объективного значения исторических фактов и ценностного отношения познающего субъекта к изучаемому объекту. Основными элементами оценки он считает следствие или последствие, значение, роль, функцию, ценность и др. Основой исторической оценки, по мнению Н. М. Дорошенко, является развитие

предмета исследования, благодаря чему каждый его элемент может быть оценен, т. е. каждое историческое явление может рассматриваться как «ступень»:

а) период, прогрессивный по сравнению с предыдущими и отстающий, ограниченный по сравнению с последующими, более поздними в развитии;

б) период, прогрессивный в одних исторических условиях и консервативный, даже реакционный в других;

в) период, сыгравший определенную историческую роль, выполнивший определенную историческую миссию, имеющий определенное историческое значение. Общими оценками являются «критерий развития», «критерий движения», «критерий прогресса» [6, с. 81].

Предложенные подходы в определении основных методов исторического исследования можно отнести в большей степени к советской, а также к постсоветской историографии, имея в виду тех ученых, которые еще не избавились от идеологического «груза» прошлого. Каковы же утверждения современных исследователей по рассматриваемой проблеме?

Белорусский историк-методолог Б. М. Лепешко отмечает, что «метод во многом определяет концепцию исследовательской работы. И в данном случае безразлично, что лежит в основе: концепция или метод. Потому что одно без другого понять невозможно...» [7]. Если исходить из этого утверждения, получается, что у каждого теоретика (методолога) исторической науки свои методы и свои концепции. Однако из всего многообразия применяемых методов в исторических исследованиях историк выделяет пять специально-исторических (основных) методов: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный, ретроспективный.

С перечнем специально-исторических методов Б. М. Лепешко согласен белорусский историк-методолог В. Н. Сидорцов, однако не в такой последовательности и с добавлением диахронического анализа как специального метода познания истории.

В ряду предлагаемых В. Н. Сидорцовым методов значатся: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный, диахронический и метод ретроспекции. Принципом такого размещения является усложнение каждого последующего метода по сравнению с предыдущим.

Историко-генетический метод заключается в изучении исторических явлений и процессов от их зарождения до гибели или совре-

менного состояния. Посредством этого метода учитываются изменения в объектах и не улавливается их постоянство. При использовании историко-генетического метода большое внимание уделяется описанию конкретных исторических событий и явлений. Этим особенно увлекались историки-романтики Ф. Карлейль, И. Лелевель, Т. Нарбут. Страницы их произведений иногда напоминают исторические романы. Однако этого нельзя сказать об ученых-неокантианцах. Так, Г. Риккерт, В. Виндельбанд, А. С. Лаппо-Данилевский придавали особое значение раскрытию единичных и неповторимых явлений в истории.

Историко-сравнительный (компаративный) метод — сопоставление исторических объектов в пространстве и во времени, выявление их сходства и различия. В рамках этого метода предполагается использование различных приемов. Относительно широко применяется сравнительное сопоставление, т. е. сходство и различие в происхождении объектов (отрабочная система и барщинное хозяйство). Другим видом является историко-типологическое сравнение, т. е. установление сходства или различия объектов с одинаковыми условиями генезиса и развития.

При применении метода основное внимание концентрируется на статическом положении объекта как в пространстве, так и во времени, что затрудняет изучение динамики процессов. Отсюда вытекает необходимость сочетать историко-сравнительный и историко-генетический методы.

Историко-типологический метод направлен на выявление общих черт в пространственных группах исторических событий и явлений, выделение однородных стадий в их непрерывно-временном развитии. Направленность на выявление сущностно однородных в пространственном или временном аспектах совокупностей объектов отличает типологизацию от классификации, при которой может и не ставиться задача выявления принадлежности объекта как целостности к той или иной качественной определенности. Типологизация представляет собой сложный познавательный процесс, требующий соблюдения таких правил, как определение основ, исходя из которых выделяются типы, качество определенных объектов, выделение типов исходя из учета существенных свойств изучаемой реальности.

Историко-системный метод — синтез системных элементов, которые содержатся в индивидуальных и неповторимых исторических событиях, ситуациях и процессах. Его этапами являются:

1) декомпозиция, т. е. вычленение интересующей нас системы из иерархии исторической реальности; 2) осуществление структурного анализа, дающего знание о самой исторической системе; 3) функциональный анализ, раскрывающий место системы в иерархии реальностей.

Диахронический метод — выявление особенностей построения во времени разнообразных по природе явлений и процессов. Его специфика выявляется через сопоставление с синхронистическим подходом в состоянии исторических явлений в определенный момент времени. Различают: 1) элементарный структурно-диахронический анализ (изучение продолжительности процессов, частоты разных явлений, длительности пауз между ними); 2) углубленный структурно-диахронический анализ (раскрытие внутреннего временного строения процесса, выделение его стадий, фаз и событий); 3) расширенный, сочетающий первый и второй.

Образцом расширенного структурно-диахронического анализа в области познания социальных явлений является «Капитал» К. Маркса, в котором на основе исследования капиталистического способа производства определяются экономические законы развития общества. Другими примерами построения картины глобальных исторических процессов на основе такого анализа могут быть работы Дж. Вико, О. Конта, О. Шпенглера, А. Тойнби, однако их основной недостаток состоит в умозрительности построения систем. Наибольшее обоснование с фактологической точки зрения получили исследования в социологическом структурализме (К. Леви-Стросс, Л. Н. Гумилев и др.).

Ретроспекция — последовательное проникновение в прошлое с целью выявления причины данного события. При этом обращается внимание на то обстоятельство, что первопричиной возникновения того или иного явления выступает непосредственно предшествующее ему явление. Так, причина проявления бюрократизма в наше время лежит в советской практике, а не в глубине веков.

Эти методы считаются традиционными потому, что они определились еще в начале XX в., когда историческая наука «вышла» из области естествознания, где она пребывала, и унаследовала его методы, однако адаптированные к особенностям общества. Тогда и появилась социальная история. А основными — потому, что они являются организующей основой многочисленных методов, используемых раньше и ныне в историческом исследовании.

Заслуживает внимания и мнение российского историка Л. Н. Мазур о трактовке традиционных методов исторического исследования в ее фундаментальном труде «Методы исторического исследования», удостоенном знака лучшего учебного пособия по гуманитарным наукам Российской Федерации за 2010 г. [9].

Под ними Л. Н. Мазур имеет в виду методы анализа исторического источника, основанные на логическом осмыслении содержания документов, которое обычно обозначают как «понимание». Традиционные методы в значительной степени основаны на интуиции и сравнении, суждении, умозаключении. Результат таких логических операций зависит от личности исследователя, его системы ценностей, устойчивости внимания и интереса [9, с. 150].

К основным (традиционным) методам исторического исследования Л. Н. Мазур относит историко-системный (структурно-функциональный) анализ, историко-типологический, классификационный анализ, историко-динамический, историко-сравнительный (компаративный), историко-генетический [9, с. 387].

Критерием выделения основных методов исторического познания по Л. Н. Мазур является акцентирование внимания историка на аналитической сущности приемов работы с источником, т. е. на способности получения историком новой информации путем аналитико-синтетического преобразования источниковой информации. При этом особое значение Л. Н. Мазур придает использованию на практике методов систематизации (первоначальной подготовки) исторических источников, создания источниковой базы, ее анализа в интегративно-комплексном режиме.

Таким образом, основным принципом разграничения традиционных методов и приемов исторического познания на практике служит плюрализм научных мыслей историков. Как в научной, так и в учебной исторической литературе наиболее встречаемыми методами исторического исследования являются: историко-генетический, историко-типологический, историко-сравнительный, историко-системный, метод ретроспекции. Полагаем, что выявленный перечень традиционных методов познания истории будет и в дальнейшем использоваться историками в качестве терминологического базиса, задействованного в проведении исторических исследований. Это несомненно, по мнению авторов, сохранит самостоятельность исторической науки в развернувшемся процессе интеграции наук.

Репрезентирующая ограниченность традиционных методов в исследовательской практике историков

В развитии любой научной области знания, в том числе истории, возникают периоды смены магистральной линии функционирования, модернизации принципов и средств осуществления научной работы. Побудительную причину такого явления следует видеть как в хаотическом состоянии теоретико-методологического поля исторического исследования, так и в научном развитии смежных с историей наук и научной интеграции в целом.

С вовлечением в науку новых сил произошел количественный рост источников информации, введение в научную практику новых материалов, ранее недоступных или недооцениваемых исследователями. Все это потребовало от историков трансформации (обновления) методов сбора, анализа и интерпретации исторических документов.

Несомненным толчком к качественному преобразованию исторической науки является возросший уровень запросов общества при обращении к прошлому. Если ранее работа историка представляла собой составление иллюстративно-описательной картины исторического события, явления, процесса, то ныне смещается в сторону объемной доказательности своих же результатов работы. В более абстрактном виде это отражается в том, что «сомнения историка должны растворяться множественными вариантами их ясности».

В начале XXI в. историческая наука оказалась в состоянии кризиса из-за чрезмерной абсолютизации иллюстративно-описательной базы исторических исследований, появились идеи, не оправдававшие надежды общества.

Еще одним явным предопределением качественного обновления методов исторического исследования следует считать возможность «облегченного» овладения ими посредством применения информационных технологий.

В поисках решения проблемы обратимся к научным идеям видных представителей исторической науки в прошлом. Основная идея, объединяющая их, состоит в том, что методы исторического исследования следует оценивать путем уяснения условий их возникновения, что дает возможность понять их и определить в них способы их применения [14].

Важнейшую роль в раскрытии методов исторического познания, по мнению А. С. Лаппо-Данилевского, играет методология истории.

«Она, — писал он, — выясняет методы исторического мышления... благодаря которым известная точка зрения прилагается к изучению данного материала; таким образом, она определяет общее значение исторического метода и главные его особенности в соотношении их с объектами исторического исследования, что получает особенно большой вес в глазах тех историков, которые готовы признать „историю“ в сущности и прежде всего в ее методах» [14, с. 6]. А. С. Лаппо-Данилевский выделяет два возможных направления изучения методов посредством выделения: 1) «методологии исторического источниковедения» и 2) «методологии исторического построения». При этом он высказал мнение о «полезности» обобщения этих двух понятий в одно — методологию истории.

В самом деле, хотя с генетической точки зрения методология науки и развивается в связи с совершенствованием техники исследования, однако научный принцип и техническое правило не тождественны в познании изучаемого объекта. Научный принцип нуждается в обосновании посредством опознания заключающейся в нем истины. А техническое правило не обосновывается, оно определяется в соответствии с практической целью, поставленной исследователем. Не столько принципы, сколько правила лежат преимущественно в основании собственно технических приемов работы. В отличие от общих методов изучения, такие приемы должны находиться в более тесной взаимосвязи со свойствами изучаемых объектов [14, с. 8].

Как известно, в научном изучении любых объектов, явлений и процессов исторического прошлого основной целью является раскрытие их внутренней сущности. Это осуществляется посредством качественного (содержательного) анализа, который представляет собой совокупность аналитических и синтетических процедур, предназначенных для выявления коренных свойств (признаков), закономерностей и особенностей возникновения и функционирования исследуемых объектов, что позволяет раскрыть их внутреннюю суть и роль в объективной реальности [13].

Как правило, использование понятия «традиционные методы исторического исследования» приводит к отождествлению его с понятием «описательные методы истории».

Исследователи, используя в своей практике лишь основные приемы, методы познания истории, добиваются одних и тех же успехов ввиду возможности охарактеризовать только явные черты исторического события или явления. Вследствие этого полученный резуль-

тат работы историка является продуктом сущностно-описательного изложения, в котором весомыми аргументами доказуемости научного знания считаются *объем* и *оригинальность* представленных выдержек (цитат) из нарративных источников.

Ограниченность традиционных методов особенно ощутима при обращении к массовым источникам. Это хорошо просматривается из следующего:

- во-первых, при таком подходе невозможно использовать ранее эффективный принцип детализации в обзоре большого массива информации, а попытки иллюстративного описания отдельных объектов не гарантируют от смешивания главных и случайных событий прошлого;
- во-вторых, при установлении тех или иных признаков и свойств рассматриваемых объектов невозможно установить их абсолютную и относительную меру, что, естественно, ограничивает исследователя в определении связей, сложившихся между объектами и их признаками (атрибутами);
- в-третьих, хотя и открывается возможность выявления взаимосвязей тех или иных явлений, черт и свойств определенных объектов, нельзя измерить силу воздействия одних факторов на другие. Тем выявляется лишь результат влияния события в истории и не раскрываются факторы (силы), определившие его совершение.

Сделанный вывод демонстрирует неэффективность каждого отдельно взятого традиционного метода. Начнем с историко-генетического метода, который используется для изучения избранного исторического объекта от его зарождения до гибели или современного состояния. Эта установка метода более всего соответствует историческому событию в его генезисе. Однако строго адекватная ситуация такого рода складывается не всегда. Историк, как правило, сталкивается с интерпретацией разобщенного массива сообщений об историческом событии. Такая ситуация приводит его к выбору лишь пространственно-временного критерия сводки источниковых данных в логический порядок. Результат исследовательской работы ничем не верифицируется и поэтому может относиться лишь к прагматическому умыслу (подгонке фактов). Работа историка превращается в процесс фактографического изложения поверхностного потенциала источников, где в действительности все сводится к «конструкторской» деятельности исследователя по сложению «пазлов» только ему известной головоломки. Большая «паутина» мыслей

может оказаться полезной в популяризации знаний об исторической науке, но для качественного (методологического) рывка нам необходимо отойти от политики копирования и цитирования исторического источника посредством выделения скрытого (неявного) информационного потенциала исторического текста.

Тем не менее при обращении к историко-генетическому методу историк способен решить ряд задач. Этот метод позволяет ему выделить причинно-следственные связи и закономерности исторического развития в их данности, охарактеризовать исторические события и личности, образно конкретизируя их отдельные черты. При этом в наибольшей степени проявляются исследовательские особенности историка, угрожающие проявлением излишней субъективности, начало которой положено самой работой с историческим источником, созданным другой личностью.

Историко-генетический метод применяется прежде всего при анализе процесса развития исторического явления, т. е. сохранившейся информации о познаваемом объекте. Поэтому при недостаточном внимании к статике, т. е. к фиксации некоей временной данности исторических явлений и процессов, может возникать опасность релятивизма. Последний, как известно, абсолютизируя динамическую природу объективной реальности, отрицает возможность получения истинного знания о ней [15].

Несостоятельность релятивизма связана с тем, что изучаемая объективная реальность рассматривается исключительно посредством историко-генетического метода. В ней учитываются только изменения и игнорируется тот факт, что наряду с ними объективной реальности присуща устойчивость, проистекающая из того, что всякой качественной определенности соответствует тот или иной диапазон ее количественного выражения. Непрерывно происходящие количественные изменения имеют лишь временный характер. Поэтому все объекты реальности (события, явления и процессы) обладают устойчивостью. В этой связи важное значение приобретает выявление меры количественной определенности соответствующих качеств изучаемого исторического объекта [12].

Кроме того, в применении историко-генетического метода обращает на себя внимание то обстоятельство, что при чрезмерной конкретизации и детализации данный метод может привести историка к преувеличению индивидуального и неповторимого в ущерб общему и закономерному. Действительно, обращая внимание на деревья, можно не

заметить леса. Хотя это утверждение не следует принимать за описание историко-генетического метода. Речь идет о том, что суть единичного может быть выявлена при его рассмотрении в связи с особенным, общим и всеобщим.

Использование историко-генетического метода приводит к чрезмерной описательности, фактологии и эмпиричности. И это не случайно, ибо в историческом познании обычно требуются большие усилия и затраты времени на выявление, сбор и первоначальную систематизацию и только затем конкретизацию данных. В результате возникает иллюзия, что в этом и состоит главная задача историка, и из-за этого притупляется внимание к методологической подготовке научных материалов. Преодоление такой опасности видится в разработке и использовании новой методико-инструментальной базы исторического познания.

Особую популярность из числа специально-исторических методов исследования вызывает историко-сравнительный (компаративный) метод. Объективной стороной его применения в историческом познании, по мнению И. Д. Ковальченко, является то обстоятельство, «что общественно-историческое развитие представляет собой повторяющийся, внутренне обусловленный, закономерный процесс. Многие его явления тождественны или сходны внутренней сутью и отличаются лишь пространственной или временной вариацией форм, а они могут выражать разное содержание. Поэтому в процессе сравнения и открывается возможность для объяснения рассматриваемых фактов, раскрытия сущности изучаемых явлений. В этом состоит основное познавательное значение сравнения как приема познания» [12, с. 172]. Историко-сравнительный метод позволяет раскрыть сущность изучаемых явлений и по сходству и по различию присущих им свойств, производить их сравнение в пространстве и во времени.

В основе компаративного метода заложено логическое выполнение процедуры сравнения за счет приемов аналогии. Это такой общенаучный метод, который на основе сходства одних признаков сравниваемых объектов позволяет сделать заключение о сходстве других признаков [10]. При этом число признаков объекта, с которым производится сопоставление, должно быть больше, чем у исследуемого объекта. Открывается возможность раскрыть сущность исследуемых явлений в тех случаях, когда она неочевидна. Это осуществляется на основе имеющихся значений атрибутов объекта познания в сравне-

нии с категориями других объектов. При этом от исследователя требуется нахождение как общих, так и повторяющихся признаков.

Для историко-сравнительного метода характерна определенная инструментальная ограниченность, порождаемая сложной процедурой аргументации результатов научной работы. Так, в традиционном арсенале историка, кроме логико-описательного подхода, мы не найдем ничего, что могло бы подвести результаты исследований к надежному (аргументированному), математически верифицированному утверждению об истинности открытия, о действительности изображаемой исторической реальности.

Историко-типологический метод исторического исследования также имеет свои особенности. Типологизация как прием научного познания преследует цель разделения (упорядочения) совокупностей объектов на качественно определенные типы (категории). Это делается на основе характерных для них общих существенных признаков. При этом направленность на выделение однородных в пространстве и во времени совокупностей объектов отличает типологизацию от классификации, осуществляемой при историко-сравнительном подходе.

Сам процесс типологизации объектов в истории является сложным познавательным процессом, который требует от исследователя соблюдения ряда методологических правил. Основным из них следует считать выделение качественно-сущностных свойств рассматриваемого исторического объекта с целью не допустить «ухода» историка от объективной реальности. Игнорирование этого правила возвращает историка к позитивизму, ко всевозможным деформациям понятия типологии и в конечном счете к описательной классификации, не позволяющей заглянуть в объект «изнутри», останавливаясь лишь на его поверхностном анализе, на неограниченном сравнении одного явления с другим, фактически несравнимым.

Выявление качественно определенных свойств рассматриваемой совокупности исторических объектов является, по мнению И. Д. Ковальченко, «непременным условием определения тех основных атрибутов, которые присущи этим типам и которые могут быть основой для конкретного типологического анализа, т. е. для раскрытия типологической структуры исследуемой реальности» [12, с. 179]. Однако процедура типологизации исторических объектов достаточно трудоемкая, поскольку требует извлечения определенных признаков и их дальнейшей группировки, что довольно сложно выпол-

нить без привлечения математических методов, а также их компьютерного исполнения.

Историко-системный метод исторического исследования из всех традиционных специально-исторических методов чаще всего упоминается в авторефератах соискателей научных степеней. Сам по себе этот факт не рассматривался бы авторами монографии, если бы не одно обстоятельство, связанное с наличием всевозможной путаницы среди гуманитариев при использовании в своей практике таких научных понятий, как системный подход, принцип системности, системный метод, структурно-функциональный анализ и др.

Возникший в естественнонаучной области знания, системный метод (подход) первоначально использовался как прием познавательной деятельности исследователя по декомпозиции объекта познания, рассматривавшегося в качестве системы, состоящей из отдельных составляющих (компоненты, элементы). А так как объектом познания в естествознании является неживая материя, то ее системность определялась структурой, состоящей из взаимосвязанных элементов.

В Большой Советской Энциклопедии системный подход определяется как «направление методологии специально-научного познания и *социальной практики (СП)*, в основе которого лежит исследование объектов как систем. СП способствует адекватной постановке проблем в конкретных науках и выработке эффективной стратегии их изучения. Методология, специфика СП определяется тем, что она ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и обеспечения ее механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину. Критерием обоснованного выбора наиболее адекватного расчленения изучаемого объекта может служить то, насколько в результате удастся построить операциональную „единицу“ анализа (такую, например, как товар в экономическом учении Маркса или биогеоценоз в экологии), позволяющую фиксировать целостные свойства объекта, его структуру и динамику» [11].

У известного советского ученого в области кибернетики Ю. Г. Маркова мы обнаруживаем, что при объяснении понятия «системный подход» следует пользоваться такими научными дефинициями, как структурный и функциональный анализ, т. е. теми приемами, при помощи которых эффективнее всего изучить объект исследования. По мнению ученого, эти методы позволяют исследовать объект не с точки зрения его внутреннего строения, особенностей субстратной

(общей материальной) основы, а с точки зрения функционирования объекта, его связей с окружающей средой [16].

Особенностью системного метода, в нашем случае — историко-системного, является то, что исследователь, определив объект (предмет) познания как систему (социальную, экономическую, политическую), производит ее преднамеренное «расчленение» на составляющие. Это приводит к временному нарушению целостности изучаемого объекта познания, поскольку абстрагируется значение каждого из его элементов. Это позволяет исследователю составить структуру (модель) системы с указанием ее свойств (показателей устойчивости). Структура объекта познания, представленная моделью, и есть система. Методы системного анализа (ими могут быть как простейшие логические приемы, так и сложные способы статистики) позволяют обозначить объект на одном уровне его изучения. Но социальная природа объекта исторического исследования является лишь частью «большой сети» иерархически связанных систем. Однако абстрагирование элементов объекта познания как системы без изучения их взаимосвязи с другими системами лишает историка возможности выйти на теоретическое осмысление результатов исследования.

Нельзя, например, изучить социально-политическое положение крестьян в западных губерниях Российской империи только по одному, отдельно взятому уезду или повіту. Или же определить повышение национального сознания белорусов только по достижениям литературы.

Решение этой задачи возможно при проведении функционального анализа системы. Так, перевод полученных знаний о системе на теоретический уровень требует выявления функций данной системы в иерархии систем, где она состоит в качестве подсистемы. Получается, что системно-функциональный анализ дает возможность выявить, какие свойства окружающей среды (имеется в виду рядом находящаяся система более высокого уровня) определяют природу данной системы. И наоборот, какова роль подсистемы в существовании системы. Так, например, нельзя изучить режим фашистской оккупации на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны, не рассматривая судьбу пленного солдата, историю жизни «простого» человека на оккупированной территории и т. д.

Отметим, что системный характер социально-исторического развития означает, что все события, явления и процессы в истории каузально обусловлены и имеют как причинно-следственную связь, так

и функциональную. Поэтому историко-системный метод (подход) требует рассматривать предмет исследования не только со стороны отдельных свойств и аспектов, а как целостную качественную определенность («смысловую полноценность»).

Итак, историко-системный метод — достаточно эффективный и в чем-то даже простой метод исторического исследования. Однако трудность его применения заключается в том, что при изучении общественных систем исследователь сталкивается с многоуровневой структурой их построения, а также разномасштабностью их компонентов. При этом если исследователь, агрегируя исходные данные подсистемы, необоснованно включит в более крупную систему несвязываемые компоненты, то полученная модель объекта исторического исследования будет искусственной конструкцией. Это может случиться и при других обстоятельствах — например, при недостаточном осознании историком масштабности предмета исследования, выборе простых приемов верификации результатов анализа компонентов системы, игнорировании функциональной природы взаимосвязи систем, формализации процесса исследования.

Как всегда, одна крайность порождает другую. Недостаточность традиционных методов компенсируется попытками массовых инициативных построений моделей изучаемых исторических объектов, а чаще всего их имитации в белорусской исторической науке, о чем уже говорилось в первых главах монографии. Называемые в диссертациях методы зачастую не связаны с оправдавшими себя на практике, не отвечают по характеру используемых источников на цели и задачи исследования. Традиционные методы, на наш взгляд, остаются исследовательской основой, которую следует решительно расширить в условиях интеграции наук с целью обращения прошлого на нужды настоящего и будущего.

4.2. ТРУДНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НЕТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Для современного периода развития как мировой, так и отечественной исторической науки характерна потребность в более глубоком и точном раскрытии сущности исторических событий, явлений и процессов. Историков все чаще не удовлетворяют примерные оценки тех или иных черт исторического объекта, гипотетические

суждения о его сущности, носящие описательный (историко-иллюстративный) характер. Один из путей преодоления «описательного» уровня исторических исследований связан с введением в научную практику историков новых (нетрадиционных) методов исторического познания. При этом областью качественного повышения эффективности исторического исследования следует считать взаимосвязь предмета научной рефлексии историков, социологов, психологов, лингвистов, математиков, информатиков в решении проблемы изучения человека как личности и социума, социального индивида, психоагента и т. д.

Математико-статистические методы

В основе процесса внедрения математических методов в историческую науку лежат внутренние тенденции ее развития, связанные, в частности, с необходимостью привлечения все большего объема фактических данных, введения в научный оборот новых источников, повышения информативной отдачи всех видов источников. Эти задачи особенно актуальны на современном этапе, что связано с активным введением в исследовательскую практику массовых источников, внутреннего мира личности и социума, а также с совершенствованием алгоритма компьютерных технологий обработки структурированных данных [7, с. 1].

Теоретико-методологическое обоснование применения математических методов в истории дано в работах таких исследователей, как Л. И. Бородкин, И. Д. Ковальченко, Ю. Ю. Кахк, Ю. Л. Бессмертный, К. В. Хвостов, Т. И. Славко, Б. Н. Миронов, Л. В. Милов, М. Ю. Харитонов и др. Особенно много внимания уделялось этому вопросу в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. Именно тогда были сделаны попытки раскрыть своеобразие применения математико-статистических методов в истории, наметить основные направления их использования.

Прикладные математические методы нередко фигурируют в исторической литературе под названием «количественные методы». Это особенно характерно для исторического познания, так как использование математики в истории в первую очередь направлено на изучение количественных характеристик социальных явлений (по крайней мере на структурном уровне).

За количественными характеристиками в исторических исследованиях стоят численные распределения значений признаков, количе-

ственные показатели интенсивности влияния факторов на изучаемую систему, степени взаимосвязи признаков между собой и др. Иными словами, под количественными характеристиками подразумевается все то, что может быть измерено и выражено в числах и отношениях.

В историографии в связи с активным применением методов математики принято выделять уже состоявшееся научное направление, а именно — количественную (квантитативную) историю. Можно считать, что «количественная история» прошла к настоящему времени три этапа в своем развитии.

Первый этап (конец 50-х — середина 60-х гг. XX в.) характеризуется использованием наиболее известных статистических приемов, в том числе средних величин, процентных соотношений, медианы, группировок, корреляционного и регрессионного анализа.

Для первого этапа развития количественной истории характерно также пренебрежительное отношение к правилам, необходимым при любом междисциплинарном исследовании, предполагающем соблюдение соответствия концептуального знания знанию алгоритмическому [27, с. 74]. В обращении к количественным методам далеко не всегда выполнялось требование выяснения однородности данных и проверки корректности применения того или иного приема.

В конце 50-х — начале 60-х гг. прошлого века перед исторической наукой возникла проблема, связанная с необходимостью верификации результатов количественной обработки — проблема соотношения теоретической модели изучаемого явления, т. е. его научной идеализации, и конкретной реальности. В большинстве исследований этого периода, как советской количественной истории, так и зарубежной, отмечается стремление сблизить исследования в социально-гуманитарных областях знаний с исследованиями в естественных науках (экстраполяция научных идей).

Второй этап (середина 60-х — середина 80-х гг. XX в.) характеризуется всплеском интереса к теоретическим проблемам, в частности, в вопросах моделирования исторического процесса — к многомерно статистическому анализу (МСА).

Третий [7], продолжающийся этап развития количественной истории, или, как принято сейчас называть, квантитативной истории, связан с широким внедрением в практику исторического исследования возможностей компьютерных технологий, позволивших обратиться к более сложным математическим средствам, а также упростить

процесс алгоритмического выполнения процедур статистической обработки и анализа материалов исследования.

Основным полем приложения методов квантитативной истории в исследовательской практике стало оперирование величинами (количественными значениями) анализа объектов, предварительно подвергшимися измерению. При этом измерение производится в таких последовательных действиях, как: 1) выделение признаков, характерных для конкретного исторического явления или процесса; 2) градуирование признаков, т. е. описание конкретных значений каждого из них, появляющихся в процессе исследования; 3) присвоение подразделениям признака соответствующего количественного эквивалента в виде числовых характеристик или формы отношений; 4) количественное выражение закономерностей на основании распределения значений выделенных признаков, измерение взаимосвязи между ними, нахождение обобщенных показателей и т. д. [22].

Трудность измерения в истории объясняется особенностью структуры историко-социальных объектов, их сложностью и многообразием, часто недостаточностью информации, а также неразработанностью многих вопросов, отсутствием методик их изучения. Каждая социальная характеристика требует своего специфического подхода к ее измерению. Речь о применении математико-статистических методов может идти только в том случае, когда можно выделить признаки, характеризующие данное историческое явление, и описать их конкретные значения [22, с. 14].

Заметим, что характер информации, содержащейся в источниках, также во многом определяет (обычно лимитирует) возможности использования количественных методов в исторической науке. Типичная исследовательская ситуация состоит в том, что статистические закономерности в силу состояния источников не могут быть исследованы посредством математико-статистических методов. Подобное ограничение более характерно для изучения не только отдаленных периодов, но и более близкого нам времени (иногда включая XIX в.): исследователи нередко располагают неполной и неоднородной информацией, которая, несмотря на кажущееся обилие, не отражает взаимосвязи существенных факторов явлений и не содержит репрезентативных сведений о всей совокупности аналогичных явлений, данные о которых утрачены [27].

Правы советские историки Ю. Ю. Кахк и И. Д. Ковальченко, когда пишут, что возможность применения количественных методов

в истории должна решаться исходя из следующих принципов: 1) согласованности с содержанием общественного развития; 2) учета цели исторической науки и конкретных исторических задач; 3) возможности формализации и количественного выражения данных.

Математические методы применяются только в том случае, когда четко сформулирована историческая проблема, достаточно ясно определены исходные понятия. Историком необходимо уметь разбираться не столько в методике расчетов (хотя это также немаловажно), сколько в возможностях того или иного метода для решения научных задач. Необходима ясность в представлении, какие задачи исследуются на основе применения различных математических методов, учитывая специфику каждого из них. Четкость в данном случае относится к определению понятий и категорий, которыми придется оперировать в ходе анализа исторической информации [22, с. 16].

Междисциплинарное обогащение исторического знания в последней трети XX в. позволило профессору Гарвардского университета Д. Холтону сравнить развитие исторического знания с развитием математики, превратившейся из области, замкнутой в себе, в науку, пронизывающую все отрасли научного исследования. Дискуссии на XIII Международном конгрессе исторической науки, состоявшиеся в Москве в 1971 г., показали, что «в руках ученых разных специальностей данные исторического анализа станут не менее мощным орудием, чем, например, дифференциальное и интегральное исчисление» [3].

Согласно утверждению И. Д. Ковальченко, сущность количественного анализа в истории состоит не просто в использовании тех или иных количественных данных. «Количественный анализ — это выявление показателей изучаемых объектов, явлений и процессов, которые, будучи подвергнуты определенной математической обработке, создают основу для сущностно-содержательного анализа, приводящего к раскрытию количественной меры соответствующего качества (признака)» [15, с. 322]. Основное преимущество количественных методов по сравнению с описательными, по мнению того же И. Д. Ковальченко, состоит в том, что количественный анализ позволяет установить абсолютную и относительную меру рассматриваемых черт и свойств исследуемых объектов и выявить интенсивность их проявления, т. е. он предоставляет возможность преодолеть ограниченность описательного анализа [15].

Информационные технологии

Мощный толчок получила методология истории с внедрением в исследовательскую практику информационных технологий реализации методов исторического познания. Процесс информатизации, затронувший практически все области знания, проник в историческую науку на рубеже 80–90-х гг. XX в. Компьютеры стали доступными для историков, появилось программное обеспечение, предназначенное для исследования и обучения истории. Это обстоятельство превратило компьютер в эффективный инструмент работы историков. Он сблизил историографию не только с математикой и статистикой, но и с социологией, психологией, лингвистикой и многими другими науками. Внедрение в практику исторического познания компьютерных средств обработки информации, осуществление междисциплинарного сотрудничества историков и информатиков привели к формированию нового научного направления, известного как историческая информатика.

Она сформировалась в недрах количественной истории (клиометрии). Этому способствовало установление междисциплинарного диалога информатиков и историков в условиях осуществления системно-структурного анализа исторических объектов, расширяемого за счет введения в исследовательскую практику новых исторических источников массового характера (переписи, инвентари, манускрипты и др.).

В числе исследователей, занимавшихся проблемой информатизации исторической науки и образования, отметим Л. И. Бородкина, Е. Н. Балыкину, В. Н. Владимирову, О. Л. Липницкую, Е. Э. Попову, И. М. Гарскову, О. В. Рагунштейна, Г. В. Балаяна и авторов данной монографии.

Кафедра источниковедения и музееведения исторического факультета БГУ, впервые на постсоветском пространстве открывшая специализацию по исторической информатике, стала зачинателем дистанционного обучения на большом расстоянии. В начале нового столетия по инициативе О. М. Шутовой мы договорились с профессором Лонг-Айлендского университета (Нью-Йорк, США), президентом Психоисторической ассоциации Дж. Атласом о проведении такого совместного обучения наших студентов глобальной истории. С этой целью профессор подарил нам 10 экземпляров соответствующего пособия (The Earth and its peoples. — Volume II: Since 1500. — (Boston: New York:

Houghton Mifflin Company, 1997. — 1055 p.) стоимостью 100 USD каждый. Со своей стороны мы выделили группу студентов 4–5 курсов, хорошо владеющих английским языком, и по нашей просьбе руководство университета определило нам место и время контакта с американцами в компьютерном классе главного корпуса.

К сожалению, такое обучение оказалось неэффективным из-за неудачного времени контакта (два раза в неделю, в вечернее время, когда в Нью-Йорке была уже ночь) и малых скоростей передачи сообщений (во вторник мы — им, а в четверг они — нам). Однако мы извлекли опыт таких необычных в то время занятий, который пригодился нам, когда мы добились открытия на факультете своего компьютерного класса.

Важным моментом в развитии исторической информатики стала разработка информационных методов исторического познания. Научный анализ исторической информатики в реалиях использования информационных технологий породил принципиально иное историческое мышление, готовое к решению тех задач, которые недоступны при применении традиционных методов [2]. Подтверждением может служить перечень, составленный российским историком И. А. Аникеевым по результатам проведения библиометрического анализа научных публикаций представителей исторической информатики, членов Ассоциации «История и компьютер», так или иначе использующих компьютер в своей научной практике: СУБД, обучение, методы искусственного интеллекта, интернет, мультимедиа / гипертекст, статистические методы / моделирование, картография, анализ текстов, сканирование, графика, программирование [2, с. 122]. Предложенный И. А. Аникеевым перечень средств исторической информатики показывает, что в понимании технологий организации исследования и методов познания на основе использования этих технологий осязаемой логической границы не существует.

В области методологии исторической информатики довольно успешно работают московские историки Л. И. Бородин и И. М. Гарскова. Они утверждают, что специфика автоматизированного варианта исторического исследования заключается в сочетании методов, заимствованных из различных областей знания. Исследования на основе информационных технологий опираются на технические решения хранения машиночитаемых данных. Методы исторической информатики в таком контексте означают совокупность знаний и умений исследователя вести диалог в одной модальности с ком-

пьютером. Чтобы получить результат, необходимо овладеть комплексом знаний программного обеспечения исторического исследования [3, л. 112].

Другой известный представитель исторической информатики Ю. Ю. Юмашева полагает, что синтетическую основу информационных подходов следует видеть в наличии двойственной зависимости историка, ведущего исследование в русле отраслевой информатики, как от чисто исторической моды на тему исследования, так и от моды на технологическое обеспечение его научного поиска [29]. Идею Ю. Ю. Юмашевой развил российский историк В. А. Перевертень, предложивший в качестве представления инструментальной основы приемов в исторической информатике использовать понятие «технология». По мнению В. А. Перевертенья, в данном случае технология включает знания и средства, позволяющие историку проводить научное исследование с использованием современных информационных возможностей.

Каковы же технологические подходы, сложившиеся в современной практике проведения исторического исследования с применением информационно-математических приемов обработки исторических источников? Это:

- Технологии **извлечения информации** из полнотекстовых систем. Они представляют комплекс технических решений на основе программного обеспечения, ориентированного на обслуживание процесса получения необходимой текстовой информации из созданных массивов — баз данных (БД). Среди технологических процедур данной группы обращают на себя внимание операции индексирования и поиска данных по заранее заданным параметрам. Очевидным недостатком в данной группе является зависимость результата исследования от статичности индексов (списка словоформ текста с указателями их позиции в массиве). Здесь одним из способов работы является сканирование, означающее применение специализированных программ, работающих с уже имеющимся в компьютере текстом.

- Технологии **e-Science**. Это во многом новое направление в исторической информатике. E-Science как научно-исследовательский подход в истории оформился в результате автоматизации процесса научного познания. Поскольку цель любого научного исследования состоит в построении модели, адекватной исследуемому явлению или процессу, очевидно, что у историка возникает потребность в сборе, обработке и хранении все большего объема данных, в непре-

рывном решении все более сложных задач. В настоящее время основным средством автоматизации научного исследования становится сеть Интернет, точнее, современные сервисы (службы), обслуживающие ее (сети транспортировки, вычислительных элементов, хранилищ данных).

Для гуманитарных наук, в том числе и исторической, перспективы использования грид-технологий связываются с расширением возможностей онлайн-доступа к огромным массивам оцифрованных книг, журналов, изобразительных материалов и т. д. Эффективность использования этих ресурсов резко возрастает, когда исследователь получает доступ не только к различного рода текстам, но и относящимся к ним источникам (историческим картам, записям интервью, видео- и аудиоматериалам), размещенным на различных сайтах. Сегодня в Великобритании осуществляется поддержка четырех проектов по развитию виртуальной среды исследований в области гуманитарных наук, девяти регулярных научных семинаров и семи исследовательских проектов в конкретных областях гуманитарного знания. В этих проектах используются различные технологии e-Science, включая обработку изображений, текста древних манускриптов, интеграцию национальных баз данных с материалами археологических экспедиций, компьютерное моделирование средневековых битв, использование 3D сканирования для анализа поверхности музейного хранения, ГИС и др. [5].

- Компьютерный **контент-анализ** — технология реализации популярного социологического метода. Его применение освободило исследователя от рутинной работы по проведению контент-анализа вручную. Л. И. Бородкин утверждает, что полученные на основе контент-анализа данные о частотах встречаемости признаков (категорий) могут подлежать обработке методами многомерной статистики с привлечением ЭВМ [8]. Он подробно осветил основные периоды автоматизации контент-анализа [6]. Заметим, что компьютеризация метода позволяет вывести контент-анализ на уровень «базового исполнителя» процесса социолингвистического моделирования предмета исторического исследования.

Л. И. Бородкин отмечает, что контент-анализ используется при рассмотрении содержания исторических источников по заданному компьютерному алгоритму (маршруту), выделяющему цикл категорий и определяющему их статистическое распределение в тексте. Алгоритм использования ПК следующий: создается источник — база

данных (текстовый массив); группируются признаки, поскольку большинство признаков (переменных), содержащихся в источниках, относится к качественным, т. е. не имеющим количественной меры или числового эквивалента; проводятся операции по составлению таблиц сопряженности признаков для последующего математического анализа их взаимосвязей, а также их использования при лингвистическом моделировании.

В отличие от традиционного подхода реализации контент-анализа компьютерный позволяет решать самые разнообразные исследовательские задачи, в частности выборку конкретной информации из всего массива информации (с высокой скоростью исполнения), выдачу результатов обработки выбранной информации в заданной форме, получение эмпирических распределений частот встречаемости признаков, оценку степени коррелятивной зависимости между признаками и др. [13].

Однако наряду с обозначенными преимуществами компьютерного контент-анализа ему присущ и ряд ограничений, вызванных несовершенством алгоритмов статистической модели анализа текста, а также сложностью разработки электронного инструментария.

В историческом исследовании составление частотного перечня ключевых единиц текста явно недостаточно. Согласно мнению известного советского языковеда М. М. Бахтина, текст является продуктом совершения диалога, при котором, в зависимости от варьирования лингвистических и экстралингвистических характеристик, слово может иметь различное семантическое значение. Не учитывая контекста, исследователь рискует получить лишь эпизодический смысл изучаемого им исторического объекта, лишая себя возможности полной реконструкции исторической реальности посредством лингвистики. Даже в самом начале применения методики контент-анализа важно, чтобы компьютерная система смогла определить устойчивые единицы текста (правильно произвести морфологосинтаксический анализ), в частности фразеологизмы, неологизмы, омонимы, синонимы, стоп-слова, метафоры (метонимии), идиомы, и только затем произвести над ними статистические расчеты, семантический (смысловой) и прагматический (ценностный) анализы с получением результата на экране компьютера и последующими действиями (распечатка, экспорт и др.).

Геоинформационные технологии (ГИС). Геоинформационные системы используются в компьютерном картографировании, что

связано со значительным усложнением требований к исследовательскому процессу с одновременным оперированием данными и знаниями различного профиля и различных наук.

Одной из особенностей современной исторической науки является представление не только временных, но и пространственных характеристик исторических явлений и процессов. Цель работы историка уже не ограничивается ответами на вопросы, где и почему произошло отдельное событие и каковы его последствия. Все происходит в определенном месте и времени. Однако без рассмотрения пространственной компоненты все явления и процессы будут представляться плоскими и однобокими [12]. Как отмечал французский историк Ф. Бродель, «пространство — реальность не только сегодняшняя, но и — в очень большей степени — вчерашняя» [9].

Введение в историческую практику средств пространственного анализа дало более объемное видение исследуемых исторических явлений, процессов, упростило выявление закономерностей и тенденций, получение в итоге углубленного знания. Определился новый период в исследовательской практике историка.

Областью применения технологий ГИС в истории стало компьютерное картографирование, которое предполагает создание динамической карты, на базе которой можно проводить собственные исследовательские разработки тех или иных аспектов исторической реальности, нашедшей отражение в источниках [12, л. 59]. Важнейшей задачей, выполняемой посредством ГИС в истории, следует считать аналитическое картографирование, или пространственный анализ, значение которого заключается в синтезе в простейшем виде (визуальном) пространственных и атрибутивных данных изучаемого объекта. При этом исследователь может сам формировать пространственные объекты, например территорию, на которую оказывает влияние внешние факторы, такие как железная дорога, море и др., а также выявлять признаки путем вычислений, менять интервалы распространения значений признаков в пространственных единицах и т. д. [12, л. 118]. ГИС позволяют историку моделировать те или иные процессы во времени и пространстве, например при изучении условий заселения той или иной территории, урбанизации, организации системы ГУЛАГ и др. Итогом пространственного анализа может быть некий набор тематических карт, предоставляющих возможность, с одной стороны, проиллюстрировать полученные выводы и интерпретации, с другой, осуществить их верификацию.

Несмотря на заметную эффективность применения геоинформационных систем в историческом познании, практика обращения к данным системам весьма скромная. Из числа историков, использующих в своей работе ГИС, отметим В. Н. Владимирова, М. Т. Абдулганеева, А. С. Авсейкова, Л. Анри, А. И. Рюмкина, А. М. Берлянта, В. А. Есипова, И. К. Лурье, Д. Н. Лухманова, В. Л. Носевича, Н. В. Пиотуха и ряд других. Возможно, сложность применения ГИС в историческом исследовании связана с необходимостью овладения историками категорий и понятий разных наук, в частности географии и информатики.

Компьютерное моделирование исторического объекта. Понимание этой технологии неразрывно связано с характеристикой понятия исторической модели, предполагающего раскрытие ее сущностных свойств на основе связи с общей теорией моделирования.

В системе исторического познания моделирование выступает в качестве средства реализации системного и структурно-функционального анализа. Воспроизведение многомерности исторической действительности, синтезированное соотношение различных сторон общественной жизни осуществляется посредством модели. Это обусловлено такими функциями системного моделирования, как целостное отображение моделируемого объекта, его упрощение, гипотетическая реконструкция сведений, отсутствующих в источнике, а также междисциплинарный синтез (рассмотрение исторического объекта с привлечением концепций и методов той или иной науки).

Задачи и уровень моделирования исторических явлений могут быть разные. Руководствуясь принципом возрастания их познавательной ценности, И. Д. Ковальченко располагает их в следующей последовательности: эмпирическое моделирование, математическая верификация гипотез, дедуктивное моделирование [15, с. 362]. При этом приемы моделирования могут быть применены практически к любому из этих уровней: постановка проблемы, формулировка гипотезы, отбор источников, выбор методов их анализа, обработка информационной базы, интерпретация полученных результатов, создание и конкретизация теоретического аспекта исследования объекта познания.

Важно учесть, что при моделировании исторического объекта вне зависимости от уровня его проведения, перед историком возникает проблема адекватности исследуемого объекта создаваемой модели, т. е. ее возможности отражать истину, что является целью истори-

ческого исследования. Это обстоятельство вызывает необходимость проводить тщательную проверку истинности модели путем сравнения вытекающих из нее выводов с исторической информацией. Более надежным и эффективным путем в этих случаях является компьютерная реализация процесса моделирования.

В настоящее время компьютерное моделирование исторических явлений и процессов осуществляется в двух основных формах: имитационное моделирование и моделирование посредством искусственного интеллекта, хотя оба вида основаны на работе математической модели. Отличительными особенностями этих форм является то, что имитационное моделирование имеет дело с реально существовавшими в прошлом системами объектов, а применение алгоритмов искусственного интеллекта связано с созданием новых виртуальных моделей тех объектов, которые ранее не существовали, но которые представляют возможность изучать реальные события прошлого.

Привлекательность технологии компьютерного моделирования путем применения средств визуализации должна сделать его, на первый взгляд, весьма популярным приемом исторического исследования. Однако проведенный анализ трудов членов ассоциации «История и компьютер», а также ряда научных публикаций в журналах по проблемам исторической науки демонстрирует нам довольно редкие случаи применения данной технологии в историческом научном познании. В чем же дело? Ответ на поставленный вопрос, на наш взгляд, кроится в самой процедуре моделирования, носящей по сути экспериментальный характер. Тем самым не снимается возможность допущения ошибки при реализации исследовательской методики такого исторического познания.

Итак, поскольку в большинстве случаев моделирования в основу моделей входят математические отношения, то модель, полученную при историческом исследовании, следует считать математической моделью. Как справедливо отмечают А. С. Гусейнова, Ю. Н. Павловский и В. А. Устинов [14], методы математического моделирования позволяют делать нечто большее, чем воссоздание процесса, имевшего место в те или иные времена. Они позволяют отвечать на вопросы о влиянии отдельных факторов на течение процесса.

Благодаря использованию методов математического моделирования историк способен значительно улучшить результат изучения исторического объекта. Это достигается посредством: во-первых, анализа теоретически допустимых параметров модели, что расширяет

диапазон возможных состояний рассматриваемых явлений и процессов; во-вторых, математической обработки системы количественных показателей, характеризующих состояние этих явлений и процессов, которая позволяет получить новую, явно не выраженную в исходных данных, скрытую, структурную информацию о них. Очевидно, что в этом заключается основная сложность компьютерного моделирования исторических объектов, требующего, кроме корректного выполнения математического анализа, соблюдения условий качественного вывода (визуализации) результатов исследования [23, л. 117–120].

Лингвистика

В интерпретации исторической реальности важнейшую роль играет язык, раскрывающий конкретно-образный мир личности и социума. Любой исторический нарратив сочетает в себе различный набор языковых средств выражения смысла тех или иных компонентов, из которых складывается описание исторического события, явления, процесса, запечатленного в тексте как системе кодирования информации.

Природа языка являлась предметом научного познания уже в течение длительного времени. Традиционно язык понимался как объект культуры, формирующийся в процессе человеческой жизнедеятельности, как вместилище человеческого опыта и знаний, как средство коммуникации. Эти функции языка были возможны благодаря тому, что он осознавался как посредник между человеком и реальностью, как зеркало, объективно отражающее окружающий мир. В XX в. возникло новое понимание языка: он начал восприниматься не только и не столько как «орудие мысли», а как самостоятельная реальность, которая создает его самого и его мир. Язык становится метафорой новой модели научности, нового типа научного мышления, что и получило название «лингвистического поворота» [21].

В социальных науках под этим поворотом традиционно понимается фундаментальный сдвиг во взаимоотношениях между языком и поведением человека. Стремление рассматривать язык как онтологическое основание мышления и деятельности привело к отказу от гносеологической проблематики, критике понятия субъекта, обращению к исследованию смысла и значения языка, замене понятия истинности понятием осмысленности, релятивизму и историцизму [4].

В методологии социальных наук возрос интерес к содержательному анализу текста, а изучение языка поднялось на новый уровень, на котором значительно возросла значимость информационной отдачи

источника. Произошли изменения и в самой лингвистике. Междисциплинарное сотрудничество лингвистики с другими областями знаний привело к появлению новых научных направлений, в том числе психолингвистики, когнитивной и компьютерной лингвистики, социолингвистики, политической лингвистики, лингвистической семантики (семасиологии). Из этих направлений первое является наиболее интересным для практики исторического исследования.

Психолингвистика — сравнительно новая научная область, предметом которой оказалось устройство и функционирование речевого механизма человека под углом зрения их соотношения с психологией личности. Как и любая другая область знания, зародившаяся в результате межнаучного синтеза, психолингвистика имеет свою сферу применения и служит средством оптимального раскрытия определенных семантических свойств языковых единиц и постижения сущности семантических явлений. Психолингвистические приемы помогают исследователю фиксировать результаты тех семантических процессов и явлений, которые непосредственно образуются в сознании носителей языка во время проведения экспериментов. При этом психолингвистические приемы позволяют определить доминирующее значение слов по отношению к их образам, актуализируемых исследователем.

Путем проведения психолингвистических исследований историк может накопить фактический материал (словарный базис), анализ которого позволяет ему создавать типологию ассоциативных связей, содействующих вскрытию системной организации языка (дискурса), и выйти из чисто «поверхностного» изучения текста исторического источника [10].

Не менее интересным для историка стало зарождение **когнитивной лингвистики** (мысленно-познавательного языкознания). Как отмечает российский языковед Е. С. Кубрякова, «...когнитивная наука оказалась не просто междисциплинарной, но объединяющей или пытающейся объединить, с одной стороны, старые традиционные фундаментальные науки — математику, философию, лингвистику и психологию, с другой — подключить к себе новые и даже параллельно с нею развивающиеся науки и теории — теорию информации, разные методы математического моделирования, компьютерную науку, нейронауки» [16].

Когнитивная лингвистика во многом основывается на изучении дискурса. При этом в рамках когнитивного подхода дискурс понимается как способ организации информации, языковой и внеязыковой, в вербальной форме текста для обмена и передачи информации на ос-

нове концептуальных представлений пользователя языка. Прибегая к когнитивному подходу, следует учитывать, что данное понятие включается в иерархию составляющих дискурса. Все они объединены прагматическим намерением автора, но в пределах конкретной речевой ситуации, являющейся частью описания исторического события.

Процедура проведения когнитивного подхода в изучении языка (дискурса) осуществлена через анализ:

- фреймов, т. е. структур данных для отображения стереотипной ситуации (М. Минский), и сценариев;
- теории ментальных пространств (Фоконье, Тернер);
- моделей ситуации (Т. ван Дейк);
- теории конструирования мира (Леннекер, Телми) [17].

П.Тейяр де Шарден в этой связи писал: «Объект и субъект переплетаются и взаимопреобразуются в акте познания. Волей-неволей человек опять приходит к самому себе и во всем, что он видит, рассматривает самого себя. Вот кабала, которая, однако, тут же компенсируется некоторым и единственным в своем роде величием. То, что наблюдатель, куда бы он ни шел, переносит с собой центр проходимой им местности, — это довольно банальное и, можно сказать, независимое от него явление. Но что происходит с прогуливающимся человеком, если он случайно попадает в естественно выгодную точку (пересечение дорог или долин), откуда не только взгляды, но и сами вещи расходятся в разные стороны? Тогда субъективная точка зрения совпадает с объективным расположением вещей, и восприятие обретает всю свою полноту. Местность расшифровывается и озаряется. Человек видит. <...> Центр перспективы — человек — одновременно центр конструирования универсума. <...> С самого начала своего существования человек представляет зрелище для самого себя. Фактически он уже десятки веков смотрит лишь на себя. Однако он едва лишь начинает обретать научный взгляд на свое значение в физике мира» [26].

Особым толчком в развитии лингвистического анализа текста послужило внедрение в практику исследования компьютерных систем, позволивших более эффективно реализовать теоретико-лингвистические модели традиционных подходов. Науку, занимающуюся построением логико-лингвистических моделей и соответствующих им алгоритмов и программ, принято ныне называть **компьютерной лингвистикой**.

Прикладными задачами компьютерной лингвистики являются:

1. Составление и лингвистическое редактирование электронных словарей;
2. Индексирование документов и информационных запросов;
3. Классификация и реферирование массивов документов;
4. Лингвистическое обеспечение процессов поиска информации в одноязычных и многоязычных базах данных путем статистического и семантического анализа;
5. Перевод текстов с одних естественных языков на другие;
6. Построение лингвистических процессоров, обеспечивающих общение пользователей с автоматизированными интеллектуальными информационными системами (в частности, с экспертными системами) на естественном языке или на языке, близком к естественному;
7. Извлечение фактографической информации из неформализованных текстов.

Приемы обработки текста в указанных направлениях лингвистики могут быть полезны историку при изучении личности, в частности при раскрытии исторического времени, в котором жила личность. Эффективными методами ее изучения являются также критический дискурс-анализ, конверсационный анализ, метод диаграммной энтропии, метод функциональной прагматики, интенанализ, психолингвистический метод, SYMLOG, метод нарративной семиотики, фоносемантический анализ [21]. Сложность их применения в историческом исследовании связана с имеющимися трудностями в определении соотношения лексических единиц языка (слов, словосочетаний) с оперирующими ими объектами (идеями) окружающей действительности. Историку приходится обращаться к языковой природе процесса трансформации в систему письма и фиксации на материальном носителе исторической реальности. Поэтому изучение словаря (массива слов текста) необходимо совмещать с изучением истории материальной и духовной культуры.

По мнению В. В. Виноградова, работа историка и лингвиста при терминологическом анализе рассматриваемых ими текстов должна проводиться с использованием словарей для уяснения значения слов, употребительных в той или иной сфере в тот или иной хронологический период времени.

Понятно, что в огромном архивном фонде историк должен обращать внимание лишь на те слова, которыми обозначаются существенные или характерные явления и представления национального прошлого, с которыми связаны типичные черты стиля и мировоззрения

исторического времени и которые можно признать ценными для выражения конкретных особенностей (черт) личности.

Психология

Психологический фактор впервые стал привлекаться историками в качестве аргумента для объяснения тех или иных явлений в XIX в. Одним из первых разработчиков психологического метода изучения общества был французский историк И. Тэн (1828–1893), считавший, что изучение психологии людей имеет решающее значение в истории. В своей практике И. Тэн использовал понятие «психологическая анатомия», включающее три фактора психологического развития общества, а именно: расу, среду, социальную и политическую обстановку [24].

В первой половине XX в. известный французский историк, представитель школы «Анналов» Л. Февр считал, что основой основ работы каждого «настоящего» историка должно быть изучение роли эмоционального начала в истории чувств. При этом первопричину деятельности человека в истории исследователь усматривал в области коллективной и индивидуальной психики. По мнению Л. Февра, историком может быть лишь тот, кто строит свое понимание прошлого на фундаменте психологического мира изучаемого объекта, т. е. личности и социума [25].

Возрастание интереса к применению психологического подхода в историческом исследовании началось только в 50-е гг. XX в., когда на авансцену научных изысканий выдвинулись идеи личностной психологии и роли личности в истории. Это время принято считать началом широкого сотрудничества истории и психологии.

Человеческая личность, понимаемая как самосознание «я», как отношение к другому «ты», как обобщенный человеческий индивид, как неповторимая субъективность, всегда была и остается самой важной, всегда актуальной, неисчерпаемой проблемой для человеческого познания, в том числе психологического.

Гордон Олпорт в своей книге «Личность: психологическая интерпретация» (1937) приводит более 40 различных определений личности. Имеющийся плюрализм в трактовке понятия «личность» вызвал потребность в обобщении. С психологической точки зрения понятия о личности можно свести к следующему:

1) Понятие «личность» включает в себя внешний социальный образ, общественное лицо, обращенное к окружающим.

2) В личности представлены такие особые черты, которые отличают человека от всех остальных людей; понятие личности неразрывно связано с понятием индивидуальности, индивидуальных различий между людьми.

3) Личность рассматривается как нечто определяющее и организующее поведение; личность — абстракция, основанная на выводах, полученных в результате наблюдения за поведением человека.

4) Личность рассматривается как нечто возникающее в процессе жизни на основе биологической наследственности и влияния окружающей среды.

5) Личность относительно неизменна и постоянна во времени; она обеспечивает чувство непрерывности во времени и при изменении внешних обстоятельств [19].

На основе этих положений строится историко-психологическое (психоисторическое) исследование личности. В целом основными вопросами историко-психологического исследования можно считать влияние исторического времени на процесс формирования личности и изучение личности посредством того времени, в котором она жила. В таком ракурсе личность рассматривается как объект исторического процесса, многих экономических, политических, правовых, моральных и других воздействий на человека со стороны. Включение в историко-психологическое исследование статических и динамических характеристик личности, несомненно, позволяет производить реконструкцию исторического прошлого от личности к сложившей ее среде.

Важнейшим же элементом психики личности, а также источником получения объемной информации является ее подсознательный (бессознательный) мир.

Под подсознательным миром людей мы имеем в виду некоторую «матрицу» социально-психологических установок в поведении людей, которые формируются в контексте жизненного поведения людей, в контексте жизненного опыта поколений, социальных слоев. Что же касается бессознательного, то под ним понимаются не только глубинные или природные (инстинктивные) структуры человеческой психики, но и накопленный культурный багаж стереотипов (сложившихся устойчивых установок), сформировавшихся при непосредственном участии сознания, однако в силу целого ряда причин существующих и действующих в границах данной системы в режиме неосознаваемости [20].

К методам историко-психологического анализа письменных исторических источников относят приемы, в основе которых заложены принципы психоанализа, психобиографии, психологического контент-анализа, приемы психосемантики и психосоциологии.

Обращение к психоанализу при изучении психологии личности обусловлено ограниченностью тестовых и экспериментальных приемов психодиагностики, где в искусственно созданных условиях проводится психологический анализ личности. Для историка важен не сам результат аргументированного выполнения психологических приемов анализа личности, а выявление реакции личности на воссозданные (памятью) условия произошедших исторических событий. Этому способствует и сама специфика работы историка, направленной на изучение личности не напрямую, а путем рассмотрения ее творческих «остатков», в частности письменных источников, запечатлевших деятельность рассматриваемой исследователем личности.

В числе наиболее важных психобиографических работ можно назвать исследования Зигмунда Фрейда «Леонардо да Винчи», Эрика Г. Эриксона «Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование», Эриха Фромма «Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии». Отметим, что в названных работах исследователь может ознакомиться с составлением психобиографического портрета личности посредством метода психоанализа.

В основе составления психобиографии заложена процедура выделения индивидуального бессознательного изучения условий биологизации социальных процессов, актуализации детского опыта на основе клинических антологий, перенесения опыта психотерапевтической практики с конкретными пациентами в обобщенном виде для объяснения психики исторической персоналии [28].

Что же касается психологического контент-анализа, то исследование в этой области связано с применением контент-анализа в психотерапевтической практике, когда записи терапевтических сеансов помогают получить полноценное описание психологического портрета личности.

Эффективной психотерапевтической методикой контент-анализа является совокупность приемов Готтшалка — Глезера. Она представляет собой контент-аналитическую технику измерения выраженности аффектов в устной и письменной речи [30]. Авторы методики рассматривают аффекты и настроения как самостоятельные феномены.

Как известно, аффекты отличаются краткосрочностью протекания и значительной интенсивностью. Создавая методику диагностики состояний, авторы исходили из следующих основных принципов: аффекты влияют на мышление и речь; изменения аффективного состояния также проявляются в изменениях речевого содержания; величина аффекта в определенное время прямо пропорциональна 3 основным факторам: частоте проявления определенных категорий в содержании речи, степени интенсивности проявления аффекта в содержании высказываний и степень личного участия в эмоционально значимых состояниях.

Следуя основным принципам диагностирующей методики, контент-анализ основывается на классификации мнений, отношений, объектов, идей и процессов, отражающихся в содержании речи говорящего. Контент-анализ применяется преимущественно при анализе единичных слов, а не групп слов или тем. Каждое слово категоризируется в соответствии с системой кодификации, выработанной на основе психодинамической теории и содержащей преимущественно «психологические» категории. Разработанные Готтшалком шкалы контент-анализа (шкала тревоги, агрессии, враждебности, социальной отчужденности и личностной дезорганизации и т. д.) позволяют выделить личностные особенности респондента при анализе любых устных или письменных высказываний соответствующей длины (не менее 250 слов), содержащих проявления изучаемых аффектов [18]. Методика контент-анализа Готтшалка — Глезера в зарубежной литературе встречается под формулировкой «Атомистический подход» (анализа текста на уровне слов).

Важным достоинством методики Готтшалка — Глезера является проверка достоверности высказывания респондента. Так, в одной из своих работ Готтшалк обратился к анализу предсмертных записок, преследуя цель подтверждения их подлинности. В качестве материала для исследования были взяты записки, собранные исследователями Шнайдманом и Фарбероу. Записки людей, действительно покончивших с жизнью самоубийством, сравнивались с симулированными записками, которые писали здоровые люди по просьбе экспериментаторов. С помощью семантического анализа исследователям удалось в 94 % случаев различать реальный и симулированный текст, что демонстрировало различающую способность метода контент-анализа [18, л. 28–33]. Как видно, в качестве рабочего материала, подходящего для применения метода Готтшалка — Глезера могут служить «естественные тексты» — любые высказывания людей, не свя-

занные со стандартными инструкциями, применяемыми при психологическом опросе. Спектр таких высказываний охватывает сообщения отдельных лиц о событиях, например в виде писем, рассказов и книг, разговоров между двумя или несколькими лицами.

Для составления психопортрета личности окажется полезным использование методов психосемантики, в частности семантического дифференциала. Он был разработан в 1952 г. группой американских психологов во главе с Ч. Осгудом.

Посредством этого метода производится жесткая формализация опросных текстов, что позволило получить более или менее адекватную информацию о довольно тонких психологических структурах, например гендерных стереотипах. Используя семантический дифференциал, можно операционально улавливать эмоциональную сторону смысла, вкладываемого респондентом в рассматриваемые объекты. Как любой способ такого рода, он опирается на определенную модель, теорию исследователя о том, каким образом не поддающиеся непосредственному измерению «смыслы» и «значения» могут проявиться во внешнем поведении человека. Это внешнее поведение проявляется в ответах индивида на предложенные вопросы.

С помощью этого метода историки могут решать следующие задачи:

- Раскрытие аффективных компонентов смыслов, вкладываемых людьми в те или иные объекты.
- Выяснение факторов, определяющих смысловое значение объектов для каждого человека. Пространство, образуемое этими факторами, и является тем семантическим пространством, в которое помещается объект и там оценивается.
- Определение различий в восприятии человеком различных объектов; возможность решения этой задачи и дает наименование этому методу — различие объектов в семантическом пространстве.
- Выделение типов людей, воспринимающих сходную картину изучаемых смыслов, сходные семантические пространства.

4.3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИСТОРИИ И СОЦИОЛОГИИ: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ

С расширением источниковой базы перед историком возникает необходимость проведения смыслового поиска и экспертного анализа корпусов текстов с целью получения из них строго системного

и доказательно-аргументированного результата исторического исследования. Началом выполнения новых задач стала обработка письменных источников, при которой объем получаемой исследователем репрезентативной информации определяется значением наиболее встречаемых (информативных) фрагментов текста.

Отметим, что при традиционной обработке текста историки обычно применяют качественный содержательный анализ. Он представляет собой совокупность аналитических и синтетических процедур, имеющих своей целью выявление коренных свойств, основных закономерностей и особенностей возникновения и функционирования исследуемых объектов и процессов. Конечно, в известной степени это позволяет раскрывать их истинную внутреннюю суть и роль в историческом развитии. Однако данный анализ малопригоден при обработке источников с большим объемом информации, а также источников, количество и однородность которых не могут быть обработаны обычным путем. К этим источникам относят слабоструктурированные документы, т. е. письма, статьи, книги, газетные публикации, автобиографии и т. п.

В таком случае для обработки обозначенной группы исторических источников необходим метод, применение которого позволяет проводить качественно-количественный анализ текстов, имеющих слабоструктурированную форму.

Таким методом в исторической науке, является контент-анализ, ранее используемый в научной практике социологами, лингвистами, политологами.

Не вдаваясь в подробности методики осуществления контент-анализа, отметим лишь, что значение метода состоит в анализе документов. Его смысл заключается в том, что из массива текста выделяется набор признаков (ключевых слов), посредством которых на основе статистической и семантической обработки текста можно выявить его идейное содержание.

Регистрируя частоты появления в тексте определенных характеристик содержания текста или фиксируя сам факт присутствия / отсутствия в нем каких-либо характеристик, можно определить мотив его создания, условия появления и особенности содержания.

В исследовательскую практику контент-анализ был введен в результате междисциплинарного сотрудничества историков с социологами, психологами и лингвистами. Основой для сотрудничества послужило изучение языка (текста) как социального, психологического

и культурного феномена, ставшего во второй половине XX в. основным предметом научных исследований гуманитариев.

Основной областью применения метода контент-анализа в социально-психологических исследованиях стали изучение психологических особенностей коммуникантов (лиц, передающих сообщения, авторов) посредством анализа содержания их сообщений; реальных социально-психологических явлений объекта, имевших место в прошлом, но недоступных для исследования другими методами; различных средств коммуникации с использованием содержания сообщений. Исследуются также особенности форм и приемов организации содержания; реципиенты (адресаты коммуникации, аудитория); аспекты воздействия эффектов коммуникации на реципиентов посредством содержания сообщений.

Контент-анализ используется историками при исследовании таких источников, как исторические хроники, историко-публицистические произведения, периодическая печать, мемуары, дневники, автобиографии, частная переписка, стенограммы правительственных заседаний и т. д.

Важнейшим результатом применения контент-анализа в истории является получение целых пластов скрытой информации. Оперирование такой информацией дает исторической науке немало наблюдений фундаментального характера.

В историографии содержится немало интересных примеров использования контент-анализа. Так, в работе российского историка А. Л. Кобринского с целью уточнения результатов сущностно-описательной интерпретации текста источника проведена работа по определению возможности формирования стереотипного представления группы людей о роли личности в конкретном историческом событии, когда группе были заранее известны поведенческие черты этой личности. Историк провел выборочное анкетирование студентов МГУ по вопросу о роли В. В. Жириновского в разрешении чеченского конфликта 1995 г. В анкете 27 респондентам было предложено выбрать один из вариантов, наиболее соответствующий их личной точке зрения на роль В. В. Жириновского в решении чеченской проблемы. Вопросы и варианты ответов были следующими:

1. Позиция В. В. Жириновского в ходе конфликта заключалась в том, чтобы: а) предоставить Чечне независимость; б) сохранить Чечню в составе России любыми способами; в) прекратить конфликт

и начать мирные переговоры с целью поиска компромисса; г) остановить конфликт, ибо он ведет к развалу России; д) четкой позиции нет.

2. В. В. Жириновский в ходе обсуждения чеченского кризиса в Думе первого созыва проявил: а) большую активность; б) небольшую активность; в) активности не проявил, темы не касался.

3. Позиция В. В. Жириновского в ходе конфликта: а) не изменилась; б) изменилась кардинально; в) не была постоянной.

Результат проведенного анкетирования оказался следующим: на первый вопрос около 88 % опрошенных выбрали вариант «б» (вариант «а» никто не выбрал); на второй вопрос 92 % — вариант «а»; на третий вопрос около 74 % — вариант «в».

По данным анкетирования видно, что в этом случае проявились стереотипы общественного восприятия лидера фракции ЛДПР, сложившиеся посредством СМИ, а также благодаря личному имиджу В. В. Жириновского. Для респондентов В. В. Жириновский оказался ключевой фигурой в решении чеченской проблемы.

Однако для проверки имеющихся данных А. Л. Кобринский провел контент-анализ стенограмм пленарных заседаний Государственной думы Российской Федерации за 1993—1995 гг. Проанализировав выступления лидера ЛДПР за три года по вышеназванной проблеме, а также его взгляды на проблемы внутри- и внешнеполитической жизни страны, исследователь получил следующий результат: непосредственно по чеченскому конфликту В. В. Жириновский выступал примерно на 10—12 заседаниях, что составляет 10 % от общего числа заседаний, на которых он брал слово. Нельзя не отметить, что, несмотря на непоследовательность в ряде пунктов, его основная линия в определении сущности конфликта оставалась неизменной. Лидер ЛДПР провел границу между своим видением цели развязанного конфликта (дальнейший развал России) и цели затягивания войны (развал армии) как задачи для достижения основной цели стороны, развязавшей конфликт, стоящей в ряду других задач этого же плана — взорвать Северный Кавказ, втянуть в конфликт Дагестан и Осетию [5]. Приведенный пример показывает, что контент-анализ является вспомогательным методом исследования, использованным историком для уточнения ранее полученных данных.

Интересные результаты применения контент-анализа были получены А. В. Быстровым. Целью его исследования ставилось создание психотипологического портрета известного российского политика Б. В. Савинкова, а также выяснение факта его самоубийства в тюрьме

НКВД. Историком было обработано большое количество источников, в которых сохранились сообщения о характерных особенностях этой исторической личности. Методика анализа состояла в выделении дескрипторных (психотипологически значимых) слов в тексте, позволяющих в соответствии с психотипологической теорией Клаудио Наранхо определить психотип Б. В. Савинкова.

А. В. Быстрову удалось выявить следующие дескрипторы: живой, оживленный, одушевленный (10 упоминаний); яркий, блестящий, очаровательный (8); дескрипторы, относящиеся к нему как к рассказчику, собеседнику (9); его устные рассказы живее, чем его тексты (1); демонстративные, в т. ч. любящий находится в центре внимания, склонный к рекламе, старающийся произвести впечатление (10); стремящийся к впечатлениям, острым переживаниям (2), к знакомству со знаменитостями; тяжело переносящий одиночество; манипулятор; подталкивающий (кого-то) на что-то (в своих целях), провокатор (7); «как истерическая женщина» (1) [6].

Полученные данные позволили отнести Бориса Савинкова к истероидному типу личности. Это объясняет одну из версий о смерти Савинкова, которую связывают с ролью сопровождавшего его конвоя, якобы инициировавшего самоубийство заключенного. По мнению исследователя, выделенный тип личности не предполагает склонности к самоубийству. Однако поведение изучаемой личности могло вызвать к себе неприязненное отношение персонала тюрьмы и тем самым привести к смертельному исходу в конфликтной ситуации.

Обращает внимание опыт Л. М. Брагиной по применению контент-анализа. В ее работах исследуется вопрос о выявлении позиции авторов философских трактатов эпохи Возрождения по определению смысла употребляемых ими основных этических категорий. Исследователь провел количественный анализ текстов философско-этического содержания, принадлежащих перу итальянских гуманистов XV в. — трактат Ландино «Об истинном благородстве» и сочинение Нези «О нравах».

Относительная устойчивость и четкость терминологии этих текстов позволили Л. М. Брагиной выбрать в качестве смысловой единицы термин, полностью или частично раскрывающий этический смысл. В текстах рассматриваемых трактатов ею было выявлено более 160 этических терминов, которые далее укрупнялись путем объединения синонимов и близких по значению терминов в более общие категории. В основу такой группировки была положена концепция

лексико-семантического поля. В результате было получено 38 укрупненных смысловых единиц для первого трактата и 50 — для второго. Частота употребления этих терминов колебалась от 6 до 190 для первого трактата и от 6 до 429 для второго. В результате в первом трактате выделено два главных термина — «благородство» и «добродетель», частота встречаемости которых была наибольшей, а во втором трактате — «добродетель» и «счастье».

Однако возник вопрос, какое содержание в эти главные этические категории вкладывали гуманисты XV в. Для ответа на вопрос Л. М. Брагина ввела в рассмотрение частоты совместного употребления пары терминов в рамках текста. С этой целью определялась граница контекста: исходя из особенностей данного типа нарративного источника эта граница включала три фразы — одну фразу до и одну фразу после той фразы, где употреблен главный термин. Таким образом, совместное употребление пары терминов строго фиксировалось в контексте из трех фраз.

Анализ частот сопряженностей каждого из главных терминов с остальными позволяли выявить семантику главных терминов. Л. М. Брагина тем не менее использовала еще и коэффициенты корреляции для определения степени близости главного термина с «окружением» каждого из сопряженных терминов. В результате выявилось, что в рассуждениях автора первого трактата главную роль играли добродетель, деятельность, происхождение, знание, общество, душа, достоинство, разум (порядок перечисления этих качеств соответствует их роли в раскрытии смысла термина «благородство»). Аналогичные выводы были получены и для остальных главных терминов обоих трактатов [7]. Значит, метод контент-анализа может успешно применяться историком в терминологическом анализе текста.

К контент-анализу прибегают и при изучении массовых источников. Примером в данном отношении может служить работа белорусского историка О. Г. Буховца. В своей монографии «Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты» исследователь описал результат проведенного им исторического анализа, целью которого являлось опровержение традиционных положений о масштабах и динамике крестьянского движения против аграрной реформы П. А. Столыпина. Решением поставленной исследовательской задачи стало раскрытие политической ментальности крестьянства Россий-

ской империи в начале XX в. Это осуществилось на основе привлечения и анализа источников приговорного движения, представляемых в исторической практике как источники массового происхождения. При этом условием такого вида обработки источников О. Г. Буховец видит формализацию их содержания.

Из выбранной совокупности документов О. Г. Буховец составил карту ключевых категорий (словоформ с их признаками), которая явилась базисом ментальных представлений крестьян о революционных событиях 1905–1907 гг. в России. С целью уточнения взаимосвязей отдельных категорий в характеристике крестьянского движения исследователь определил коэффициенты корреляции, а затем и коэффициент их взаимной сопряженности (неразрывной связи). Краткие выводы в монографии обозначают результат такого вычисления. Полученные результаты были интерпретированы как указывающие на достаточно тесную взаимосвязь между всеми признаками. Это свидетельствует о том, что соотношение крестьян различных социальных групп в структурах землевладения приговорного движения зависело от соотношения в общей структуре крестьянства, т. е. подтверждает идею о возможности определения социальной активности крестьян на основании выделения их менталитета [1, с. 183].

Примером эффективного использования контент-анализа при обработке разносторонних источников массового происхождения является работа российского историка О. С. Поршневой, получившая отражение в ее докторской монографии «Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.)» [2]. Эта одна из первых в российской и белорусской историографии попыток реализации социокультурного подхода к комплексному изучению менталитета и социального поведения наиболее многочисленных слоев российского общества – «народных низов» в период продвижения к глобальным социальным изменениям, постигшим Российскую империю на рубеже первой четверти XX в.

Согласно утверждению О. С. Поршневой, структурообразующими элементами менталитета людей являются установки, лежащие в основе концепции мироздания, системы фундаментальных ценностей и представлений об истине (аксиомы сознания, мыслительные стереотипы), анализ которых позволяет определить отношение к власти, религии, труду, собственности и т. д. Их отражение можно найти в тексте (речи людей) [2, с. 76].

Исходя из обширности источниковой базы изучения менталитета и социального поведения народных низов, О. С. Поршнева провела анализ комплекса документов с применением междисциплинарных, традиционных и количественных методов исторического исследования, в том числе контент-анализа. Анализу подверглись такие документы, как корреспонденции рабочих, крестьян и солдат в центральные органы Советов в 1917 г.; письма критического содержания, задержанные военно-цензурными комиссиями; телеграммы, направленные в адрес IV Чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов в феврале-марте 1918 г.; а также значительное количество индивидуальных писем, являющихся одним из видов письменных источников личного происхождения.

Выбор контент-анализа в качестве специального метода изучения огромного массива источников был обусловлен тем, что при обычных методах исторического познания исследователь способен отразить лишь отдельные черты ментальности людей в определенный отрезок времени. При этом теряется возможность запечатлеть динамику изменения атрибутивных признаков объекта (людей) в контексте его развития (самого сюжета истории).

Контент-аналитическое изучение исторического объекта помогло О. С. Поршневой получить довольно интересную, хотя и небесспорную, трактовку эволюции массового сознания «низов» в ходе Первой мировой войны, а также последующих событий, в частности революции 1917 г. В основе трактовки «эволюции массового сознания» О. С. Поршнева опиралась на идею об изменении содержания массового сознания в направлении радикализации, увеличения удельного веса общинно-уравнительных по своему происхождению установок, определяющих приоритет такой ценности, как социальная справедливость. По мнению исследователя, в условиях углубления революционного кризиса, социальных противоречий в обществе, частичной деструкции прежней системы религиозно-нравственных норм и запретов, активизации пропаганды леворадикальных политических партий и групп произошла эскалация ненависти низов по отношению к «классовым врагам» [2, с. 326–327].

Совершенно иным примером применения контент-анализа в изучении нарративных источников является работа, проведенная Е. Ю. Бобровой. В своей кандидатской диссертации «Развитие историко-психологического направления в отечественной и зарубежной психологии» она на основе контент-анализа реконструиро-

вала процесс развития историко-психологической мысли в трудах отечественных и зарубежных психологов [3]. Ее основная идея заключалась в положении о том, что специфика историко-психологического подхода во многом определяется развитием психологических концепций личности, так как их развитие привело к теоретическому синтезу многих разрозненных работ в систему научного знания. Поэтому для характеристики сложившейся научно-исследовательской ситуации Е. Ю. Боброва провела наукометрическое и библиографическое исследование публикаций по проблемам психологии личности за период с 1918 г. по 1994 г. Проанализировав 81 публикацию, ей удалось составить категориально-смысловую схему связи отличительных подходов в изучении личности, в том числе полезных для исторического познания, а также свести воедино общенаучные предпосылки.

Примером успешного использования контент-анализа в таком направлении как историография является работа московского историка И. М. Гарсковой [7]. Основной задачей, которую она ставила перед собой, было определение периодов развития исторической информатики, руководствуясь таким критерием, как смена приоритетов в тематике исследований, методических и технологических подходов, применяемых представителями этого научного направления. Контент-анализ при этом был использован для построения индекса цитирования и частотного распределения публикаций по основным тематическим рубрикам. Обработывались научные труды по исторической информатике, вышедшие с 1990 по 2008 гг. Принимались во внимание монографии и учебные пособия, 73 выпуска периодических изданий по исторической информатике, выходивших под эгидой Ассоциации «История и компьютер», в которых было опубликовано 2480 работ 1053 авторов.

Проведенный анализ материалов позволил И. М. Гарсковой подтвердить основные тенденции, выявленные посредством традиционной обработки историографических работ. Изучение динамики численности публикаций позволило исследователю обосновать периоды в развитии этого научного направления, а изучение распределения тематики публикаций по выявленным периодам — определить специфику каждого периода в аспекте смены приоритетов в их содержательном наполнении.

Небезынтересен еще один достаточно интересный опыт проведения контент-аналитического исследования по изучению структури-

рованного исторического источника. В качестве примера взят опыт исследования В. Е. Кудряшовым и О. Л. Липницкой реестра подымного налогообложения Минского воеводства Великого княжества Литовского (ВКЛ) 1667 г. [8]. Контент-анализ исторического источника проводился с помощью компьютерной программной среды ТАСТ. Такой подход позволил исследователям автоматизировать процедуру выделения из текста реестра смысловых категорий, а также определить особенности «топографической» организации слов.

В целом контент-анализ дал возможность историкам оценить информационный потенциал исследуемого источника, а также выявить нюансы, касающиеся:

- 1) археографических особенностей источника;
- 2) ошибок и разночтений в текстах источников;
- 3) «топографического» положения таких категорий, как должностное лицо, духовенство, «очень крупные», «мелкие» и «мельчайшие» налогоплательщики;
- 4) структуры данных (особенности записи);
- 5) типов административно-территориальных единиц ВКЛ;
- 6) форм земельной собственности и владения, права наследования имущества;
- 7) религии и церкви.

Таким образом, контент-анализ является действенным методом научного познания истории. Основным принципом воплощения метода является измерение качественно-количественных признаков исторического источника. Такой подход дает эффективные результаты при исследовании сложных индивидуальных явлений общественной жизни, зафиксированных в нарративных источниках, имеющих как слабо структурированную, так и сложно структурированную форму подачи текста.

4.4. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

При выборе личности в качестве объекта познания историку нельзя обойтись без знания целостной картины психологических свойств и качеств исторического персонажа, характера его мировоззрения. Без этого невозможно понять закономерности поведения личности. Следовательно, под вопросом оказывается проведение системного

анализа действий (поступков) личности, а также прогноз ее поведения в значимых жизненных ситуациях, в которых, собственно, и отражается творческая (культурная) деятельность изучаемого нами субъекта истории.

Изучение личности в истории, безусловно, должно основываться на ее восприятии как меняющегося и развивающегося субъекта с признанием за ним, кроме внешних адаптационных качеств, наличия внутриличностных проблем и конфликтов. Разумеется, что воссоздать постоянный темпоральный образ личности историку не удастся, даже при наличии огромного массива источников, отражающих особенности ее жизни (повседневность, профессиональная деятельность и др.). Изучая личность, исследователь может запечатлеть только постоянно ускользающий облик (сущность, роль) исторической личности в ее амплуа на момент совершения действия.

Все это связано с тем, что описание личности, ее качеств (социальных и психологических) возможно лишь при их презентации в форме психопортрета. Под ним имеется в виду результат применения психологических методов в воссоздании, реконструкции целостного, психологического образа личности [2]. При этом в портрете, как правило, дается характеристика социального контекста и исторической эпохи [1], в которой живет и действует изучаемая личность.

Создание исторического портрета личности можно свести к двум основным этапам. На первом (субъективном) этапе характеризуется духовный (внутренний) мир личности, ее психологические особенности, ментальные, эмоциональные и волевые черты, дается психологическая интерпретация ее поведения и деятельности. Здесь отражается, интерпретируется и обобщается система субъективных психологических характеристик личности в их развитии.

На втором (объективном) этапе, в зависимости от целей построения портрета, отражается ряд объективных внутренних и контекстуальных факторов.

Эти факторы влияют на формирование и развитие личности, определяют ее жизнедеятельность. С внутренней стороны это биологические, наследственные и иные факторы; с внешней, контекстуальной — микро- и макросоциальные, национальные, религиозные, политические, исторические, природные и другие факторы [7, с. 23].

Психологический портрет личности следует рассматривать на соответствующем уровне. «Внутренний» уровень — это аспекты, которые отражают аутентичные психологические свойства, качества

и состояния изучаемой личности. «Внешний» уровень — это образы, существующие в сознании окружающих людей.

Каковы же приемы составления психологического портрета личности?

Еще в 1912—1937 гг. Венской группой исследователей (психиатров), а также их последователей издавался журнал «Имаго» (нем. *imago* — устойчивый стереотип). На его страницах публиковались психоаналитические исследования — портреты выдающихся людей различных исторических эпох: Аменхотепа IV, Александра Македонского, Генриха VIII, Наполеона I, Бисмарка и др. В центре внимания исследователей оказались психологические, в том числе патопсихологические, черты личности. Более того, на основе известных психологических отклонений личности ими были представлены способы определения ее возможного поведения в той или иной ситуации, в частности политической.

В России первая попытка психологического портретирования предпринята в работе В. О. Ключевского «Курс русской истории» [4]. Автор дал портретно-образное описание известных исторических персонажей (Ивана Грозного, Бориса Годунова, Петра I и др.). Это позволило историку провести связь между психологическим состоянием государей России и их непосредственной деятельностью самодержцев.

Работа В. О. Ключевского послужила началом целого ряда исследований в области исторического психопортретирования. В нем условно можно выделить следующие направления: 1) научно-историческое (В. О. Ключевский, К. В. Валишевский); 2) литературно-критическое (Д. И. Писарев); 3) литературно-художественное (Д. С. Мережковский); 4) литературно-психологическое (Г. И. Чулков); 5) психоаналитическое (И. Д. Ермаков); 6) психолого-психиатрическое (П. И. Ковалевский, В. Ф. Чиж); 7) патографическое (Я. А. Чистович, Я. А. Боткин, В. М. Бехтерев).

В качестве основы для таких характеристик изучаемой личности использовалась интерпретация вычлененных из текста концептов ее профессиональной деятельности. Данные, полученные в результате проведения психодиагностирования, а также использования психотерапевтических методик, позволили исследователям определить психоэмоциональное состояние личностей. Это достигается путем раскрытия особенностей профессиональной деятельности личности.

Учитывалось сложное соотношение между профессиональной деятельностью и психикой личности. С одной стороны, психический мир личности формируется и проявляется в деятельности, с другой — психика регулирует саму деятельность. Неслучайно функционируют достаточно известные отрасли психологии — психология труда, педагогическая психология, космическая, спортивная психология и т. п. По мнению психологов, вид деятельности формирует устойчивые качества личности, благодаря которым по одной-двум черточкам в поведении, а иногда и по внешнему облику можно определить профессию человека [5].

Рассматривая человека в его деятельности (работе), мы рассматриваем его как личность, движимую определенными мотивами и преследующую свои цели. В качестве мотивов выступают человеческие потребности, чувства, мысли, желания и др. Интересным представляется то, что для реализации своей цели личность, движимая тем или иным мотивом, принимает решение, которое сопоставимо с осознанием объекта своей деятельности, а также соотносит имеющиеся знания с возможностью выполнения этого действия. Поэтому определив степень (время, качество, затратность) выполненной личностью работы, исследователь способен очертить общий психологический образ рассматриваемого исторического персонажа в его профессиональной деятельности.

Однако следует констатировать, что единого алгоритма построения психологической структуры личности пока не существует. В современной психологической литературе в качестве фундаментальных выделяются три основных уровня структуры личности: биологический, психологический и социальный. С учетом выбранного уровня приводится, как правило, соответствующая методическая база. Так, под биологическим компонентом понимают наследственность и темперамент, пол и возраст, телесную конституцию и состояние здоровья. На психологическом уровне включаются такие составляющие, как эмоции, воля, память, способности мышления, характер в целом. На социальном уровне рассматриваются особенности, проявившиеся в поведении личности, в ее профессиональной деятельности и в социальной регуляции.

Каковы же психологические методы изучения личности, использование которых может повысить качество исторического исследования? Наше внимание привлекают две основные группы методов, разграниченные доступом исследователя к изучаемому историческому

персонажу — методы контактной и дистантной групп психологического изучения личности.

В числе методов контактной группы значатся приемы психодиагностики. Действительно, для определения психологического образа личности ценным может быть не то общее, что характерно для социальной группы, в которой действует изучаемая нами личность, а то единичное, что конкретно связано с внутренним миром нашего персонажа. Единичное, отличающее от всех в психологическом портрете, есть результат реакции сознательной и бессознательной сторон человеческой психики. Его можно обнаружить с помощью психологических тестов, а именно: тестов Роршаха или Люшера, опросника Кетелла, стандартизированного метода исследования личности (СМИЛ) и др.

Эффективным методом психологического исследования является психологическое интервью. Во время его проведения исследователь может вызвать у респондента конкретные и реалистичные комментарии по отдельным вопросам, ранее неизвестным ему и корректируемым со стороны корреспондента в зависимости от хода беседы. Это позволяет обезопасить исследование от заготовок респондента, а также позволяет корреспонденту лучше понять своего собеседника, его эмоциональное состояние. По словам немецкого психолога П. Дерринга, осознание своих недостатков может вызвать у обследуемого нарушение внутреннего равновесия [3]. В этом случае требуется правильное манипулирование, и тогда от респондента можно узнать много скрытого, ранее ускользавшего от корреспондента.

К методам контактной группы относятся также приемы психологического наблюдения. Предметом наблюдения могут быть только внешние компоненты поведения и деятельности, которые, в свою очередь, вплетены во внутренний мир личности и являются внешней формой существования и проявления психологического мира.

К внешним компонентам поведения и деятельности личности относят: а) моторные компоненты практических и гностических действий; движения, перемещения и неподвижные состояния людей; дистанцию между ними; скорость и направление движения; соприкосновения, толчки, удары; совместные действия группы; б) речевые акты, их содержание, направленность, частоту, продолжительность, интенсивность, экспрессивность, особенности лексического, грамматического и фонетического строя, экспрессию звуков; в) мимику и пантомимику; г) внешние проявления некоторых вегетативных ре-

акций: покраснение или побледнение кожи, изменение ритма дыхания, потоотделение, а также сочетание перечисленных признаков [7].

Примером эффективного использования метода психологического наблюдения при изучении личности является работа Уильяма Ф. Уайта «Общество на уличных перекрестках». Автор собирал и анализировал информацию о жизни представителей этнических и иммигрантских группировок большого американского города. Целью такой работы ставилось создание психологического портрета жителя гетто в США, а также определение условий его социализации в американском обществе.

В интересах валидации своего исследования Уайт три года прожил в одном из гетто, где с помощью приемов психологического наблюдения составил характерный образ американского эмигранта, включающий описание его менталитета, особенностей эмоциональной устойчивости, стиля мышления и т. п. Эти данные позволили опровергнуть ранее сформированный образ эмигранта, составленный американской прессой в политически ангажированной форме.

Приемы контактной группы являются наиболее эффективными в психологическом исследовании. При работе исследователь может соприкоснуться с изучаемой личностью. Однако осуществить эти приемы часто невозможно в силу ряда причин. Среди них — смерть исторического персонажа, запрет на проведение интервью и сбор устных сведений о личности, отсутствие видео- и аудиозаписей. Ввиду этих проблем исследователю приходится обращаться к методам дистантной группы психологического изучения личности.

Приемы дистантной группы применяются при анализе письменных свидетельств, созданных личностью, а также биографических описаний, составленных лицами, знавшими личность, либо получившими информацию от третьих лиц (современников). Действенным методом изучения документов в этом случае является контент-анализ, привнесенный в практику исследования в нашей стране с конца 60-х гг. XX в. Вначале он получает распространение в социологических (В. А. Ядов), социально-психологических (Н. О. Свешникова, Р. К. Седых, В. Е. Семенов) исследованиях, а позднее и в политико-психологических (Е. В. Егорова, В. А. Зорин, Е. А. Киктева, Л. Ю. Никифорова, И. Самуйлова, Е. Б. Шестопал). Различные вариации метода эффективно используются в зарубежной научной практике психологами [9]. В этой связи обращают на себя внимание исследования американских психологов Д. Уинтера и М. Хеманна, изучавших

тексты выступлений Дж. Буша и М. С. Горбачева [8]. По мнению тех же американских исследователей, изучение личностных переменных, которые измеряются с использованием имеющихся процедур (психологических, алгоритмических), действительно позволяет решать проблему авторского субъективизма, что, несомненно, снимает вопрос об отсутствии возможности проведения контактного исследования.

Наряду с контент-анализом нередко используется метод экспертных оценок, который позволяет оценить отдельные качества личности и выдать прогноз ее поведения. Примером использования метода экспертных оценок являются разработки П. Коуверта, основанные на Q-сортировке. Благодаря такому синтезу автору удалось исследовать людей, которые были недоступны непосредственному наблюдению [9, с. 79]. Интересен в данном случае опыт Е. В. Егоровой, проводившей исследование роли личностного фактора во внешней политике США в 60–90-е гг. прошлого века. В качестве объектов психологического исследования были взяты президенты США (от Д. Кеннеди до Дж. Буша-старшего). Методика проводимого ею исследования заключалась в изучении жизненной истории политических лидеров, отраженной в различного рода исторических материалах, в том числе в биографиях, автобиографиях, психобиографиях, оценках близких и друзей, критиков и оппонентов, официальных документах и т. д.

Под жизненной историей Е. В. Егорова подразумевает жизнь личности, начиная с детства, в определенном социальном и историческом контексте, с учетом конкретной ситуации, в которой зарождались те или иные черты характера при встрече с определенными требованиями окружения и проблемами, которые необходимо было разрешить. Отметим, что выбор рассматриваемого подхода психологического изучения личности сделан в конце 50-х гг. XX в. американскими учеными Д. Винтером и А. Стюартом. Он заключался в выявлении мотивов действий американских президентов из текстов их обращений к народу Америки. В отличие от американских исследователей, Е. В. Егорова провела работу по выделению из текстов жизненной истории особых психологических категорий, по которым возможно составить структуру психологического портрета изучаемой личности. Эти категории выражены в тексте шестью блоками личностных характеристик: Я-концепция (самооценка), потребностно-мотивационная сфера, система политических убеждений, стиль принятия решений, стиль межличностных отношений, устойчивость

к стрессу. Выделение психологических категорий из текста осуществлялось посредством качественного контент-анализа, отличающегося от частотного (количественного) поиском уникальных характеристик. В вышеприведенном случае качественный контент-анализ представляется как диагностирующий инструментальный анализ аспектов целенаправленного поведения президентов США при тех или иных исторических событиях.

Наличие значительного диагностирующего потенциала характерно для целого ряда советских исследователей. Один из них, Б. Ф. Поршнев, отмечал, что «из всех знаковых средств, из всех механизмов человеческого общения первенствующее значение принадлежит, конечно, речи» [6].

В человеческой речи заключается информация о самых различных чертах личности. Здесь «говорящий» предстает в виде многопланового объекта исследования, уникальность которого обозначается неповторимостью комбинаций социально-психологических характеристик (см. работы В. П. Белянина, К. Ф. Седова, В. М. Глушак, Т. М. Дридзе и др.). Путем проведения психолингвистических экспериментов исследователь языка накапливает фактический материал, анализ которого позволяет создавать типологию ассоциативных связей, что, в свою очередь, содействует вскрытию системной организации лексики. На основе личного опыта и психического состояния каждого носителя языка в момент эксперимента выявляются индивидуальные, присущие только данному испытуемому, ассоциативные связи. С их учетом можно реконструировать экстралингвистические ситуации, являющиеся источником этих связей.

В рассказе К. Чапека «Эксперимент профессора Роуса» описывается, как с помощью психолингвистического эксперимента профессор Роус разоблачил преступника, раскрыв характер совершенного им убийства. Этого не могли сделать следственные органы. Подозреваемый упорно отрицал свою причастность к преступлению, несмотря на то что в его гараже обнаружили автомобиль убитого со следами крови в кабине. Профессор Роус успокоил подозреваемого, предложив ему вместо ожидаемого допроса нечто вроде развлечения: быстро, не задумываясь, на называемые ему слова отвечать первым пришедшим ему в голову словом. Профессор начал эксперимент с контрольных слов, чтобы отвлечь испытуемого от всяческих подозрений. Возникшие в сознании преступника вербальные ассоциации на первые слова не внушали никаких подозрений (бокал — пиво, ули-

ца — автомобиль, дача — поле, мать — тетя, собака — будка, солдат — артиллерист), и он уже с интересом продолжал начатую профессором «игру» в ускоренном темпе: дорога — шоссе, Прага — Бороун (окрестность Праги), спрятать — зарыть, чистить — пятна, ветошь — мешок, лопата — огород, яма — забор, труп — ?! (молчание). «Так вы, — обратился профессор к преступнику, — убили его на пути из Праги в Бороун, зарыли труп в своем огороде возле забора, вытерли кровь убитого мешком. И куда вы дели этот мешок?». Версия профессора Роуса через некоторое время подтвердилась возвратившимися с дачи преступника полицейскими, которые откопали возле забора труп убитого и под ним окровавленный мешок. Весьма показательный метод исследования в устной истории [10].

Таким образом, работа по реконструкции психологических черт личности достаточно трудоемка. Тем не менее наличие разнообразных методик по изучению психологических черт личности позволяет сделать выбор наиболее эффективных из них в ходе исторического исследования, похожего на интуитивный акт «принятия или непринятия». Более удобным материалом работы для историка при психологическом изучении личности является изучение ее текстов. При этом особую эффективность дает анализ дискурса, получаемого в результате актуализации текста личностью, т. е. анализа текста совместно с контекстом его использования.

4.5. МЕТОД ДИСКУРС-АНАЛИЗА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Изначально языковая природа анализа текстов была областью исследования лишь лингвистов, но с антропологическим (культурным) поворотом в научном мире произошло объединение интересов представителей наук, изучающих человека (личность) в его жизнедеятельности. Согласно мнению известного российского лингвиста Н. Д. Арутюновой, в фокус лингвистики сейчас введено «рассмотрение феномена жизни, в центре которой находится человек со всеми его психическими составляющими, формами социального существования и культурной деятельности» [1]. При этом истории отведена роль инициализатора процесса раскрытия прошлого, описание которого запечатлено в текстовых источниках.

На первый взгляд многим кажется, что проведение анализа текста на выявление «особых» элементов информационного массива заключается лишь в формализации качественных показателей текста для их дальнейшего конкретно-содержательного изложения как с психосоциальной позиции, так и с позиции компрессии (смыслового сжатия). Однако рассмотрение природы создания текста расширяет подходы к нему.

Текст, даже компилятивный, является продуктом человеческой деятельности, мотивированной выполнением конкретной задачи, будь то осознанно или произвольно. В тексте имеются два полюса: языковой, связанный с элементами языка, и индивидуально-авторский (уникальный), связанный с другими текстами диалоговыми (событийными) отношениями. В первом случае, в соответствии с идеями французских анналистов, нас интересует возможность вербальной реконструкции обстановки и поведения людей в прошлом соответственно присущему им способу восприятия повседневности, предоставляемому обществом в распоряжение индивида [4]. Во втором случае личность является инициатором коммуникационного события (дискурса), где отражено взаимоотношение «Я и Другого» (личности и социальной группы). На наш взгляд, анализ текста должен проходить в дискурсивной форме с выходом на металингвистический уровень познания. При этом объектом исторического познания может служить как общество (класс, сословие, коллектив и др.), так и конкретная личность.

В настоящее время можно говорить о нескольких школах дискурс-анализа, которые развиваются на основе классической риторики, о русской формалистической школе, пражской школе функционализма, школе философии языка Л. Витгенштейна, П. Грайса, М. Бахтина и др., американско-английской лингвистической школе Э. Сепира, Б. Уорфа, М. Сильверштейна и др.. Общей основой всех школ является тезис о невозможности изолированного рассмотрения дискурса вне механизма социального взаимодействия людей, вне когнитивной природы языка. Дискурс — это комплекс лингвистических, психологических и социальных явлений, которые подчинены как правилам грамматики, так и более общим правилам организации процесса общения говорящими в одном языковом поле.

Эти правила белорусский исследователь дискурса Т. Ф. Плеханова сводит к следующему:

- общая композиция текста — авторские приемы движения наиболее важной информации и создания фона;

- диалоговая связность — приемы развития темы, обусловленные диалогическими отношениями (вопрос — ответ);
- структурирование — способы синтаксического построения дискурса;
- ключевые слова — слова, которые выражают суть дискурсивной позиции;
- риторическая организация — выбор стратегий и тактик для выдвижения точек зрения, определение позиций [5].

Очерченные правила позволяют обнаружить, что анализ любого текста управляется целым рядом факторов (семантических, синтаксических и прагматических), что представление смысла текста есть нечто большее, чем чтение по строкам. Отсюда проистекает суть дискурс-анализа, которая заключается в том, чтобы, отталкиваясь от языковой формы, обнаружить, какие ситуационные модели были отобраны и представлены говорящим в каждом конкретном случае, и, анализируя, понять способ описания и осмысления реальности говорящим, его идентификацию с социальным окружением.

Процедура дискурсивного анализа предполагает выделение смысловых блоков (концептов) и анализ их содержания, в частности, выделение категорий, которые они выражают. Исследователь определяет ту центральную проблему, вокруг которой, с его точки зрения, строится анализируемый текст или дискурсивное событие текста. В этой связи большую ценность представляет метод анализа категоризации взаимодействий, предложенный Х. Саксом. В соответствии с этим методом социальные категории выступают как своего рода контейнеры, в которых может накапливаться и при необходимости актуализироваться общераспространенное знание о социальных отношениях, типичных ситуациях, поведении и т. д. [2].

На начальном этапе проведения дискурс-анализа необходимо установить отношения между дискурсом и текстом. Данные понятия не являются синонимами. Каждая часть речи имеет текстовую форму или может ее иметь, изменять; один и тот же текст может включать в себя различные дискурсы (внетекстовые элементы языковой реальности).

Лишь немногие дискурсы, представляющие интерес для историков, даны в текстовой форме. Обычно документы и публикации (книги, журналы, газеты) мало содержат первичные элементы дискурса. Поэтому первым шагом, который, как правило, предпринимается в текстовом анализе дискурса, является перевод речи в текстовую форму.

Его необходимо сделать в соответствии с жестким критерием и процедурой описания, применяемого к невербальному дискурсу, и транскрипцией, характерной для устной речи. Описание должно представлять все предпосылки и контекстуальные элементы текста, которые будут использованы в интерпретации. Транскрипция должна включать все невербальные события, в том числе устные, модуляцию, акценты, значимые жесты и выражения, и т. д., а также словесные события.

Дискурс-анализ предполагает разделение текста на ключевые единицы информации для их последующего кодирования и категоризации.

После этой процедуры исследователь обрабатывает текст, применяя различные методы [7], как правило, лингвистические.

Первоначально используются количественные методы (см. контент-анализ), которые направлены на анализ содержания сообщений и в значительной степени ограничиваются представлением статистической информации [3].

Следующим шагом дискурс-анализа является выделение контекста. Контекст в данном случае — это пространство, в котором появилась речь и в котором она приобретает смысл. На этом уровне дискурс понимается как продукт производства субъектов, которые погружены в определенное время и место в данном символическом мире и которые имеют свои собственные дискурсивные намерения. При этом различают два типа контекста: ситуационный и интертекстуальный, что вызывает потребность в двух типах их анализа: ситуационном и интертекстуальном.

Ситуационный дискурс-анализ предполагает детальное описание обстоятельств, в которых была произведена речь, и характеристику субъектов, которые произвели ее. В этом отношении требуется наличие достаточной информации и адекватного понимания обстоятельств, в которых производится дискурс, а также, что более важно, нацеленности на взаимодействие диалоговых процессов, связанных с его появлением. Интертекстуальный дискурс-анализ позволяет понять дискурс с позиции всех дискурсов, циркулирующих в социальном пространстве изучаемого текста. Идея интертекстуальности нацеливает исследователя на поиск дискурса, представляющего синтез различных языковых практик.

В завершении работы перед исследователем стоит задача интерпретации полученных результатов дискурс-анализа, которые могут

быть представлены в двух или более формах: идеологии, ментальности, мировоззрения конкретной личности, психотерапевтического диагноза и т. п. [8].

Правда, дискурс-анализ не должен быть связан лишь с синтетическими операциями психологического и лингвистического характера (раскрытием мотивации автора, определением его психологического состояния и др.). В ходе дискурс-аналитического исследования могут выявляться другие виды связей, оказывающих воздействие на контекст изучаемого объекта высказывания.

Сегодня в проведении дискурс-анализа применяют компьютерные приложения, использование которых в значительной степени способствует получению точного результата анализа дискурсов. Компьютерные приложения не только хорошо приспособляемы к содержанию анализа дискурса, но и весьма полезны в деле хранения данных и предоставления информации в более сжатом виде, что особенно важно при работе с большим ее количеством. Особенности компьютерной реализации дискурс-анализа подробно рассмотрены нами в следующей главе.

Литература к главе 4 «Целесообразность и особенности использования инновационных методов в историческом познании»

К разделу 4.1 «Недостаточность традиционных методов»

1. Количественные методы в исторических исследованиях: учеб. пособие для студ. вузов, обуч. по спец. «История» / под ред. И. Д. Ковальченко. — М.: Высш. шк., 1984. — 384 с.
2. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. — М.: Наука, 1987. — 452 с.
3. Сидорцов, В. Н. Методология истории: курс лекций для студентов, магистрантов, аспирантов исторических специальностей / В. Н. Сидорцов. — Минск: БГУ, 2010. — С. 105.
4. Иванов, В. В. Методология исторической науки / В. В. Иванов. — М.: Высш. шк., 1985 — С. 102–103.
5. Зевелев, А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты / А. И. Зевелев. — М.: Высш. шк., 1987. — С. 40.
6. Дорошенко, Н. М. Методология истории: теоретические и философские основания / Н. М. Дорошенко. — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2007. — 375 с.
7. Лепешко, Б. М. Методология и логика истории / Б. М. Лепешко. — Брест: Альтернатива, 2007. — С. 29.

8. Сидорцов, В. Н. Методология исторического исследования (механизм творчества историка) / В. Н. Сидорцов. — Минск: БГУ, 2001. — 231 с.; Сидорцов, В. Н. Методология истории / В. Н. Сидорцов. — Минск: БГУ, 2010. — 207 с.
9. Мазур, Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособие / Л. Н. Мазур. — 2-е изд. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. — 608 с.
10. Батароев, К. Б. Аналогии и модели познания / К. Б. Батароев. — Новосибирск, 1981. — 316 с.
11. Большая советская энциклопедия. — М.: Сов. энцикл. 1969—1978.
12. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. — М.: Наука, 1987. — С. 171.
13. Количественные методы в исторических исследованиях / под общ. ред. И. Д. Ковальченко. — М., 1984. — С. 17.
14. Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории. Выпуск первый (посмерт. изд.) / А. С. Лаппо-Данилевский. — СПб.: Рос. Гос. Академ. тип., 1923. — С. 4.
15. Парамонов, Н. З. Критика догматизма, скептицизма и релятивизма / Н. З. Парамонов. — М.: Высш. шк., 1973. — 132 с.
16. Марков, Ю. Г. Функциональный подход в современном научном познании / Ю. Г. Марков. — Новосибирск: Наука, 1982. — 254 с.

***К разделу 4.2 «Трудности и возможности
применения нетрадиционных методов
исторического познания»***

1. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. — Л.: ЛГУ, 1968. — С. 276.
2. Аникеев, И. А. Историческая информатика в России / И. А. Аникеев. — Ставрополь, 1998. — С. 115.
3. Балаян, Г. В. Информационные методы исторического исследования в российской историографии последней трети XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Г. В. Балаян. — М., 2003. — 217 л.
4. Боброва, Е. Ю. Развитие историко-психологического направления в отечественной и зарубежной психологии: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Е. Ю. Боброва. — СПб., 1997. — 93 л.
5. Бородкин Л. И. Архивная информатика в контексте технологий e-humanities / Л. И. Бородкин // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. — Вып. 6 / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2011. — С. 75—84.
6. Бородкин, Л. И. Контент-анализ и проблемы изучения исторических источников / Л. И. Бородкин // Математика в изучении средневековых повествовательных источников. — М.: Наука, 1986. — С. 8—30.

7. Бородкин, Л. И. Методы прикладной математики и информатики в исторических исследованиях. автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Л. И. Бородкин. — М., 1993 г. — 47 с.
8. Бородкин, Л. И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях / Л. И. Бородкин. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. — 187 с.
9. Бродель, Ф. Что такое Франция? Пространство и история / Ф. Бродель. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. — С. 19.
10. Варнавских, Н. В. Количественный метод в прагмалингвистике / Н. В. Варнавских // Классическое лингвистическое образование — в современном мультикультурном пространстве: материалы междунар. науч. конф. — Пятигорск: ПГЛУ, 2004. — С. 351–356.
11. Виноградов, В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В. В. Виноградов // Вопр. языкознания. — 1952. — № 1. — С. 7–8.
12. Владимиров, В. Н. Применение геоинформационных систем в исторических исследованиях: на примере истории юга Западной Сибири: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / В. Н. Владимиров. — М., 2006. — Л. 55.
13. Грехов, А. В. Единство квантификационного и традиционного методов исследования как методологическая проблема исторического познания: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / А. В. Грехов. — Н. Новгород, 2005. — 415 л.
14. Гусейнова, А. С. Опыт имитационного моделирования исторического процесса / А. С. Гусейнова, Ю. Н. Павловский, В. А. Устинов. — М.: Наука, 1984. — 158 с.
15. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. — М.: Наука, 1987. — 438 с.
16. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке / Е. С. Кубрякова. — М.: Языки славянской культуры. — 555 с.
17. Леденева, Н. В. О когнитивных подходах к анализу дискурса / Н. В. Леденева // Вестн. Восточносибир. гос. технол. ун-та: науч. журн. — Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2009. — № 3. — С. 107–110.
18. Малкова, Г. Ю. Контент-анализ автобиографических рассказов в изучении личностных свойств: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Г. Ю. Малкова. — М., 2005. — Л. 15.
19. Мироненко, И. А. Современные теории в психологии личности / И. А. Мироненко. — М.: Изд-во Михайлова В. А., 2003. — С. 10–11.
20. Николаева, И. Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / И. Ю. Николаева. — Томск, 2006. — С. 53.
21. Сидорцов, В. Н. Изучение личности в истории: ориентация на контент-анализ, психоанализ, дискурс-анализ / В. Н. Сидорцов, А. А. Приборович. — Минск: Изд. центр БГУ, 2011 — С. 56–57.

22. Славко, Т. И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях / Т. И. Славко. — М.: Наука, 1981. — С. 12—13.
23. Трофименко, В. В. Философские аспекты проблемы моделирования в современной исторической науке: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / В. В. Трофименко. — Челябинск, 1998. — Л. 51.
24. Тэн, И. Происхождение современной Франции / И. Тэн. — Т. 1—3. — СПб.: Тип. П. Ф. Пантелеева, 1907. — 293, 260, 228 с.
25. Февр, Л. Бои за историю: пер. с фр. / Л. Февр. — М.: Наука, 1990. — С. 118.
26. Пьер Тейяр де Шарден. Феномен человека / Пьер Тейяр де Шарден; пер. Н. А. Садовского. — М.: Прогресс, 1965. — С. 37—38.
27. Хвостова, К. В. Роль количественных методов в историческом познании / К. В. Хвостова // *Вопр. истории.* — 1983. — № 4. — С. 66.
28. Холоднович, Е. Н. Реконструкция психологических характеристик личности гения на примере изучения жизненного пути и творчества Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Е. Н. Холоднович. — М., 2010 — Л. 72—73.
29. Юмашева, Ю. Ю. Несколько слов по поводу / Ю. Ю. Юмашева // *Информ. бюл. Ассоц. «История и компьютер».* — М., 1999. — № 24. — С. 113.
30. Holsti, O. R. *Content Analysis for the Social Sciences and the Humanities* / O. R. Holsti. — Reading, MA: Addison Wesley, 1969.

К разделу 4.3 «Взаимодействие истории и социологии: контент-анализ»

1. Буховец, О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты / О. Г. Буховец. — М.: МОСГОРАРХИВ, 1996. — 398 с.
2. Поршнева, О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918) / О. С. Поршнева. — Екатеринбург: УрО РАН, 2000. — 414 с.
3. Боброва, Е. Ю. Развитие историко-психологического направления в отечественной и зарубежной психологии: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Е. Ю. Боброва. — СПб., 1997. — 220 л.
4. Гарскова, И. М. Анализ историографической информатики / И. М. Гарскова // *Харківський історіографічний збірник.* — Харьков, 2010. — Вып. 10. — С. 138—171.
5. Кобринский, А. Л. Чеченская проблема в выступлениях В. В. Жириновского (1993—1995 гг.). Опыт контент-анализа / А. Л. Кобринский // *Круг идей: историческая информатика в информационном обществе: тр. VII конф. АИК; под общ. ред Л. И. Бородкина [и др.]* — М., 2001. — С. 236—248.

6. Быстров, А. В. Возможности компьютерного контент-анализа мемуаров о Борисе Савинкове для составления его психотипологического портрета и проверки версий его поведения / А. В. Быстров // Информ. бюл. Ассоц. «История и компьютер». — 1998. — № 23. — С. 54—58.

7. Бородин, Л. И. Об использовании лингвистических методов при анализе политической концепции автора текста / Л. И. Бородин // Математика в изучении средневековых повествовательных источников: сб. ст. — М.: Наука, 1986. — С. 14—15.

8. Кудряшов, В. Е. Реестр подымного налога Минского воеводства Великого княжества Литовского 1667 г.: контент-анализ / В. Е. Кудряшов, О. Л. Липницкая // Архівы на шляху XXI стагоддзя: гісторыя, спадчына, сучаснасць: матэрыялы Другога беларус.-франц. архіўн. семінара, Мінск, 8—10 лют. 2000 г. / пад рэд. К. І. Козака, У. Н. Сідарцова, М. Ф. Шумейкі. — Мінск: НА РБ, 2003. — С. 193—198.

К разделу 4.4 «Реконструкция психологической черт личности в истории»

1. Боброва, Е. Ю. Развитие историко-психологического направления в отечественной и зарубежной психологии: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Е. Ю. Боброва. — СПб., 1994. — С. 231.

2. Брушлинский, А. В. Психология субъекта / отв. ред. проф. В. В. Знаков. — М.: ИП РАН; СПб.: Алетейя, 2003. — С. 618.

3. Деринг, П. Хотите стать коммерсантом? / П. Деринг. — М.: Интерэксперт, 1994. — 270 с.

4. Ключевский, В. О. Курс русской истории. Полное издание в одном издании / В. О. Ключевский. — М.: Альфа книга, 2011. — 1200 с.

5. Ксенда, О. Г. Психология личности: курс лекций / О. Г. Ксенда, В. А. Поликарпов. — Минск: Четыре четверти, 2011. — С. 22—26.

6. Поршнев, Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. — М.: Наука, 1966. — С. 128.

7. Рякитянский, Н. М. Теория и методология психологического портретирования личности политика: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.12 / Н. М. Рякитянский. — СПб., 2004. — С. 23.

8. Уинтер, Д. Дистантное изучение личностей Дж. Буша и М. Горбачева: процедуры, портреты, политика / Д. Уинтер, М. Херманн // Политическая психология. Хрестоматия: учеб. пособие / пер. с англ.; сост. Е. Б. Шестопал. — М.: ИНФРА-М, 2002. — С. 54—92.

9. Шестопал, Е. Б. Политическая психология / Е. Б. Шестопал. — М.: ИНФРА-М, 2002. — 448 с.

10. Экспериментальная психология: учеб. для вузов / В. Н. Дружинин. — 2-е изд., доп. — СПб.: Питер, 2003. — 319 с.

**К разделу 4.5 «Метод дискурс-анализа
в лингвистической интерпретации
социальной действительности»**

1. Арутюнова, Н. Д. От редактора / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов: сб. ст. / под. ред. Н. Д. Арутюновой. — М.: Наука, 1989. — С. 3—4.
2. Вахтин, Н. Б. Социолингвистика и социология языка: учеб. пособие / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. — СПб.: Гуманит. акад.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2004. — 335 с.
3. Гринберг, Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков / Дж. Гринберг // Новое в лингвистике. — М., 1963. — Вып. III. — С. 60—94.
4. Гуревич, А. Я. Уроки Люсьена Февра / А. Я. Гуревич // Февр Л. Бои за историю. — М., 1991. — С. 510.
5. Плеханова, Т. Ф. Дискурс-анализ текста: пособие для студентов вузов / Т. Ф. Плеханова. — Минск: ТетраСистемс, 2011. — С. 70—71.
6. Фуко, М. Археология знания: пер. с фр. / общ. ред. Б. Левченко. — К.: Ника-Центр, 1996. — 208 с.
7. Antaki, Ch. El análisis de la conversación y el estudio de la interacción social / Ch. Antaki, F. Díaz // Análisis del discurso: manual para las ciencias sociales. — Barcelona: UOC, 2003. — P.125—140.
8. Jorge, R. R. Sociological discourse analysis: methods and logic / R. R. Jorge // Forum: Qualitative Social Research. — 2009. — Vol. 10. — № 2. — P. 26.

Глава 5

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НЕТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (КОНТЕНТ-АНАЛИЗ, ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ, ДИСКУРС-АНАЛИЗ)

5.1. КОМПЬЮТЕРНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

Особенности компьютерного контент-анализа

В конце 1950-х гг. в практике содержательного анализа текста началась эра использования информационных систем. Стали выходить академические журналы, страницы которых были заполнены сообщениями о применении компьютеров при анализе источников личного происхождения. Их авторами были социологи и психологи. Развитие программного обеспечения стимулировало появление новых направлений в познании настоящего и прошлого: информационный поиск, информационные системы, вычислительная стилистика, компьютерная лингвистика, технология обработки текста, компьютерный контент-анализ.

Начало компьютеризации методик контент-аналитического исследования связано с работой исследователей Массачусетского технологического института. Там появился «универсальный анализатор» (The General Inquirer) — комплекс компьютерных программ анализа текстовых материалов, посредством которого можно подсчитывать частоты категорий (ключевых слов) содержания текста, а также проводить на их основе индексацию текста [7].

Использование компьютерных программ в ходе реализации контент-анализа наделило этот метод явным преимуществом, заключающимся в скорости и надежности получения данных по сравнению с обычным анализом, выполняемым кодировщиками. Трудоемкость составления программы окупалась огромным объемом информации, который анализируется на компьютере, а также фактом замены кодировщика специалистом-предметником.

В настоящее время разработано немало автоматизированных систем анализа текста, преследующих цели и имеющих возможности обработки содержания. В этих системах происходит изучение текста на морфологическом, синтаксическом, семантическом уровнях. Системы позволяют производить частотный анализ слов текста; состав-

лять алфавитные списки ключевых слов по технологиям KWIC и KWOC; расставлять перекрестные ссылки; осуществлять компрессию текста и др. Объектом анализа могут быть как вербальные (текстовые), так и невербальные источники (аудиозаписи, видеofilмы, графическая реклама и т. д.) [5].

На начальном уровне обработки текста происходит расширение поля работы компьютерной системы за счет включения в него операций по определению слов, предложений, абзацев, заголовков и др. Более того, система производит обработку текста, представленного в неструктурированной и слабоструктурированной форме (нарративные источники).

При распознавании текста источника осуществляется морфологический анализ, обеспечивающий приведение к нормальной форме всех словоформ текста. Под этим приведением нами понимается замена имеющихся лексем на первоначальную основу, обозначенную в морфологическом словаре (грамматическом словаре А. А. Зализняка [4] и др.). Затем из общего числа лексем система удаляет стоп-слова (шумовые слова), т. е. слова, не несущие какой-либо самостоятельной смысловой нагрузки.

В научной литературе, посвященной лингвистике, стоп-слова в большинстве случаев относят к служебным словам. Эти слова служат для выражения отношений между явлениями действительности, которые названы знаменательными словами. В силу этого служебные слова употребляются в речи только в соединении со знаменательными (полнозначными) словами. Не обладая номинативной функцией, служебные слова не являются членами предложения, а используются как формально-грамматические средства языка: предлоги выступают в подчинительных словосочетаниях, союзы — при однородных членах и в сложных предложениях, частицы — при отдельных словах и в вопросительных и восклицательных предложениях [3].

На морфологическом этапе анализа текста система убирает из общего массива слов все имеющиеся в тексте аббревиатуры, сокращения, цифры (нумерацию списков, даты и др.). После этого подключаемый к системе словарь устойчивых словосочетаний (фразеологизмов) и метафор позволяет пользователю выделить в одну смысловую единицу все встречаемые в тексте идиомы, метафорические компоненты. Эта операция необходима для проведения дальнейшего анализа текста по максимально эффективному алгоритму вычленения из него полнозначных смысловых единиц.

Довольно трудоемкой задачей при компьютерной реализации метода контент-анализа является решение проблемы анафорических ссылок, т. е. местоимений, указывающих на объект, ранее поименованный в тексте. В лингвистике эти ссылки относят к языковым повторам со своим видовым различием (фонетическая, лексическая, синтаксическая, строфическая анафора), а также комбинациям более редким, чем анафора, эпифора. Эта проблема решается путем сведения анафоры к обозначающему ее объекту (замены в тексте местоимений словами).

Основной задачей в компьютерном контент-анализе является составление перечня частотно распределенных смысловых единиц текста. В качестве смысловой единицы выступает мысль, причем в самом широком выражении (концепция, представление, взгляд и пр.). В качестве основной, базовой единицы физического носителя смысла выступает слово (словосочетание), но обязательно в контексте [1].

Составление частотного перечня ключевых слов в компьютерном анализе текста — довольно сложная задача, так как из всего разнообразия лексем текста нужно выбрать то, что объединено одним смыслом. В силу ряда обстоятельств, таких как синонимия, омонимия и др., выполнение этой задачи невозможно без обращения к семантическим словарям. Действуют в этом случае следующим образом. Имеющийся первоначальный частотный перечень всех слов текста сканируется программой с целью нахождения синонимичных единиц. После определения их смыслового происхождения (сравнения контекста слов всей синонимичной группы) выбирается общая форма смыслового значения, а именно дескриптор, обладающий свойствами всех найденных в тексте синонимов.

Затем после подтверждения смысловой близости дескрипторов (ключевых слов) они объединяются в группу общей (наиболее упоминаемой) единицы перечня с учетом их частотного показателя. Особенно полезным при решении проблемы синонимии является проведение синтаксического анализа текста.

Синтаксический анализ — самая сложная операция в анализе текста. Здесь необходимо определить роль слов и их связи между собой. Результатом действия должен быть набор разветвлений, показывающих такие связи. Выполнение задачи осложняется огромным количеством возникающих альтернативных вариантов, связанных как с многозначностью входных данных (одна и та же словоформа может быть получена от различных нормальных форм), так и неоднозначностью

самих правил разбора [2]. Но, несмотря на трудности, исследователи, проводящие синтаксический анализ, способны определить уровень отношения синонимичного слова к ключевым словам и тем самым перед началом выполнения статистического действия помочь системе отбросить варианты слабо связанных по смыслу (контексту) слов.

Схожей с проблемой синонимии в компьютерном анализе текста является проблема омонимии, являющаяся вместе с полисемией (многозначностью) нарушением языковых связей слов в тексте. В лингвистике эти явления принято считать асимметрией текста, т. е. нарушением регулярности смысловых связей лексем. Данная проблема, как и предыдущая, решается путем обращения к словарю омонимов, а также использования лингвистического алгоритма обработки омонимов.

После выполнения вышеобозначенных процедур система составляет новый список частотного распределения слов в тексте с указанием их частоты (общее число упоминаний) и удельного веса (занимаемый объем в тексте). Полученный список позволяет подняться на второй уровень компьютерной реализации контент-анализа. Он связан со статистическим изучением текста. Полученный частотный список слов представляет их обычное линейное распределение, необходимое при решении простейших исследовательских задач. На деле большинство систем статистического (качественно-количественного) анализа текста могут быть представлены разветвленным, многоступенчатым распределением. Его выбор производится в зависимости от сложности поставленных исследователем задач и порядка проверки математическими методами им же выдвинутых гипотез.

При создании частотного перечня слов речь идет о таком специфическом объекте, как «частотное распределение», имеющее самостоятельное значение. Другими словами, речь идет о том, как часто тот или иной признак, выступающий самостоятельно, проявляется в статистическом поле. При этом в качестве признака может выступать какой-либо физический носитель. Им может быть:

- любое отдельное слово (полнозначное);
- словосочетание, т. е. слова, которые непосредственно следуют друг за другом;
- словосочетание, разделенное другими словами, или разделенное каким-то текстовым пространством;
- смысловая характеристика, выраженная сложным ансамблем распределенных каким-либо образом слов в тексте, объединенных

общей доминантой (центральным понятием, абзацем, предложением) [1, с. 175—176].

Частотное выражение признака позволяет исследователю определить значение составленного «частотного распределения». Это важно для определения в дальнейшем тесноты связи между отдельными смысловыми единицами (генерируется автоматически или путем создания пользовательского запроса).

Эта теснота связи достигается путем использования в системах статистических методов или статистических зависимостей полного или неполного статистического аппарата. Например, при использовании простого парного распределения или корреляции в ее различных видах парные распределения позволяют определить, в какой мере интересующий исследователя признак присутствует или отсутствует в рассматриваемом объекте, а корреляция — установить, насколько значение одного признака зависит от появления в тексте другого признака.

Фактически можно утверждать, что корреляционная зависимость в частотном списке по сути представляет собой степень распределения одного из признаков в другом объекте [6], а метод парного распределения связан с наличием взаимосвязи признаков между двумя объектами. При этом природа двойных связей разная, но чаще всего речь идет о том, каким образом признак z объекта Q распределен в объекте X , или же как связано частотное распределение одного признака с частотным распределением другого признака. Парные распределения всегда осуществляются в системе трехобъектного взаимодействия, где взаимосвязь между любыми двумя объектами в обязательном порядке осуществляется в рамках любого третьего объекта как общего для них [1, с. 6].

Полученный список частотного распределения слов в тексте является проекцией смыслового поля текстового содержания анализируемых документов. Научность данного утверждения подтверждается такими исследователями, как Т. Ван Дейк, Л. Я. Аверьянов, Г. Д. Лассуэл, Б. Берельсон, Ч. Осгуд, Р. К. Мертон, В. Е. Семенов, К. Криппендорф и др. Однако не следует считать, что полученный искусственный текст (смысловой портрет) позволяет исследователю сразу же ответить на вопрос о наличии между признаками причинно-следственных связей. Дело в том, что контент-анализ лишь подводит исследователя к получению смыслового поля текста — правда, с указанием наличия связи между его отдельными значениями. Что же

касается установления причинно-следственных связей, то эта задача решается путем обращения к KWIC-алгоритмов (алгоритмов составления конкорданса).

На завершающем уровне компьютерного контент-анализа частотный список слов текста может быть трансформирован в новый перечень, представляющий собой список понятийных (предметных) блоков, внутри которых в алфавитном порядке размещаются слова из предыдущего перечня с сохранением указанной их частоты и веса в тексте. При этом каждый блок получает свои информационные характеристики, представляющие сумму всех значений слов, вошедших в смысловое поле одного предмета. Эта возможность реализуется путем задействования в алгоритме обработки слов идеографического (семантического) словаря.

Все неологизмы, найденные в тексте, размещаются в отдельном блоке. Это необходимо для последующего ручного размещения слов в ту или иную предметную область. Если вес слов в тексте незначительный, то система может предложить пользователю удалить ненужные слова из перечня (очистить), что само по себе может быть обозначено в настройках программ.

Отметим, что возможность создания списка понятийного блока текста на основе семантического анализа позволяет уже на начальном уровне избежать интерпретационной стадии исследования ошибок, неизбежных в результате таких явлений, как ложная корреляция, субъективность исследователя в выборе признаков анализа и др.

Правильное использование компьютерного контент-анализа предполагает определение значимости частотного распределения одного признака относительно частотного распределения другого признака, что возможно реализовать только в рамках искусственно созданного понятийного пространства. Поэтому в качестве третьего объекта сопоставления в частотном распределении требуется более общее слово (объект, доминанта). Проведение полного компьютерного контент-анализа пока невозможно. Поэтому на данном этапе следует руководствоваться следующими правилами определения смысловых связей слов в тексте, находящихся в одном понятийном пространстве:

- изучаемые слова-понятия находятся в одном понятийном пространстве;
- частотное проявление признаков в тексте достаточно велико;
- во всех случаях анализа связи слов искать возможность парной взаимосвязи слов в остальных понятийных блоках текста.

Использования компьютерного контент-анализа в историческом исследовании

Процедура применения контент-анализа в качественно-количественном анализе текста нарративных источников, как видно из вышесказанного, усложнена из-за необходимости скрупулезного пересчета слов в тексте для их последующей статистической обработки. Поэтому долгое время контент-аналитические исследования проводились лишь социологами и политологами. Историки, при всем их трудолюбии, осуществляя анализ неструктурированных источников массового характера, пользовались лишь приемами описательного (выборочного) изучения, что само по себе приводило работу исследователей к выборочному, порой необоснованному, цитированию письменных событий-фактов. Однако в связи с введением в начале 1990-х гг. в исследовательскую практику контент-анализа компьютерного инструментария историк открыл для себя новые возможности изучения прошлого посредством раскрытия ранее неизвестного ему потенциала нарративных источников.

Стимулирующую роль в компьютерной реализации контент-анализа сыграли архивы машиночитаемых данных в виде отдельных документальных коллекций, созданных на кафедре исторической информатики МГУ им. М. В. Ломоносова, в лаборатории исторической и политической информатики при Пермском государственном национальном исследовательском университете, а также электронных библиотек научно-исследовательских работ исторического факультета БГУ.

Начавшийся компьютерный период контент-анализа позволил историку освободиться от таких рутинных, трудоемких операций, как составление списка всех слов текста с указанием их частот, поиск ключевых слов и выдача их на печать вместе с их окружением и др. Историку остается лишь подготовить цифровой вариант письменного источника и разместить его в функциональном массиве компьютерной системы. Вся остальная работа по проведению процедурных приемов контент-анализа осуществляется автоматически алгоритмами обработки текста.

Обратимся к ряду примеров и прежде всего к работе российского исследователя Р. В. Топки, осуществившей содержательный анализ 47 крестьянских наказов от южноукраинских губерний в I Государственную думу. Пример примечателен тем, что целью исследования

было выяснение значения политического влияния этих наказов на крестьянское общественное сознание. В результате проведенной работы Р. В. Топке удалось на основании 461 признака выделить 34 смысловые категории с частотой встречаемости содержательных признаков от 4 до 24. Исследование показало четкое разделение категорий на две группы: крестьянских нужд и отношения крестьян к проводимой политике. Это выделение в структуре крестьянского сознания, по мнению Р. В. Топки, означало определенную обособленность политической проблематики от вопросов обыденной крестьянской жизни [13].

Интересно, что первоначально проведенный Р. П. Топкой семантический (ручной) контент-анализ не позволил найти ответ на вопрос о том, насколько политические требования, зафиксированные в наказах, были присущи крестьянству. Поэтому для решения задачи и был проведен компьютерный контент-анализ с использованием программной среды ТАСТ. В этой среде исследователь вычислила показатель «z-score», в дальнейшем используемый для определения силы связи дескрипторов (значимых слов), составляющих основные категории текста, со словами контекста. Компьютерный контент-анализ позволил Р. П. Топке определить, что наиболее значимыми политическими категориями для крестьян являлись требования амнистии и отмены смертной казни. Также было определено, что на составление наказов действительно влиял политический фактор, как опосредованно (публикация в периодической печати ответа Думы на тронную речь), так и прямо (агитационная литература, в частности, социал-демократов, из которой восприняты основные политические требования), что с сохранением местоположения категорий в тексте и насыщенности указывает на сильную зависимость между источником такого влияния и крестьянским наказом.

В следующем примере рассмотрен опыт компьютерного контент-аналитического исследования, проведенного московским историком А. Л. Кобринским [10]. В качестве источника контент-анализа он использовал записи дебатов депутатов Государственной думы первого созыва. Основной причиной обращения к контент-анализу как методу изучения текста была специфика источников (большое количество единиц анализа и слабая структурированность элементов текста), не допускающая использования новых методик наряду с традиционными.

Для проведения содержательного анализа стенографических отчетов заседаний Государственной думы А. Л. Кобринский составил

машиночитаемый корпус данных, представляющий единый файл и получивший условное название Great. Посредством утилиты МАКВАС, входящей в программный пакет ТАСТ, историком была создана база данных, т. е. файл с расширением .tdb (textual database). Совокупность категорий, определенных для текстовой базы данных, стала персональной базой данных — файл с расширением .pdb (personal database). Общий размер файла Great, преобразованного при помощи утилиты МАКВАС, составил 143 814 слов (tokens), словаря — 17 902 различающихся (оригинальных) слов (number of types) [10, с. 98].

В своей работе А. Л. Кобринский решал задачу — выявить, какой путь развития Российской Федерации как государства виделся депутатам Государственной Думы как наиболее оптимальный и приемлемый в сложившихся политических условиях (федеративный, унитарный, конфедеративный), а также на каких принципах должна формироваться федерация в результате законотворческой работы Думы (конституционных, договорных, конституционно-договорных).

Для решения поставленной задачи А. Л. Кобринский отобрал индикаторы смысловых единиц текста, отражающие сущность поставленных вопросов. На их основе были сформированы категории. К решению первой части задачи были выделены следующие категории: федеративность, унитарность, конфедеративность. Для решения второй части задачи выделены две основные категории — конституционная и договорная. Анализ отобранных категорий текста А. Л. Кобринский осуществил в два этапа. Первый этап заключался в изучении динамики выявления категориального аппарата текста. Это позволило исследователю выявить ряд контекстуальных особенностей, определивших связь категорий с событиями, рассматриваемыми в ходе дебатов. Автор писал: «...Во-первых, здесь присутствует цикличность. С началом работы законодателей наблюдается очевидная вспышка определенного интереса депутатов к изучаемой теме. Примечательно, что повышенное внимание к теме унитаризма приходится как раз на момент обострения чеченского кризиса. Однако простое сопоставление таблиц двух категорий — „Федеративность“ и „Унитарность“ позволяет сделать вывод, что даже в момент начинавшихся боевых действий парламентарии гораздо больше говорили о федеративности, чем об унитаризме как таковом. Во-вторых, обращает на себя внимание тот факт, что в любом временном интервале категория „Федеративность“ значительно (в два и более раза) опережает по частоте

встречаемости две другие категории. В-третьих, динамика появления категории „Федеративность“ говорит о том, что на протяжении двух лет работы Государственной Думы законодатели обращались к терминологии, связанной с федеративным путем развития, постоянно, хотя и с разной интенсивностью. Категория „Конфедеративность“ появлялась лишь дважды, при этом терминология, связанная с этой категорией, присутствовала всего лишь в нескольких выступлениях. Появление категории „Унитарность“ отмечено несколько чаще, но ее интенсивность сравнительно невелика...» [10, с. 101–102].

Второй этап заключался в выявлении силы связи категорий с другими терминами и изучении контекста, в котором отмечена их встречаемость. Для измерения силы связи использовался специальный коэффициент — *z-score*. При определении величины коэффициента *z* основное значение имело соотношение частоты встречаемости рассматриваемого термина (индикатора) в смысловом поле категории с общей частотой встречаемости этого термина в исследуемом тексте (в корпусе).

Программа «ТАСТ» позволила А. Л. Кобринскому произвести автоматический подсчет, в результате которого исследователь получил значения коэффициента *z-score*. Опираясь на них, он смог выявить, с какими терминами существовала наиболее сильная и устойчивая связь основных категорий и от каких смысловых единиц интересующая его категория находится в наименьшей зависимости. Это, в свою очередь, позволило провести терминологическую ранжировку семантического поля данной категории.

Проведенный компьютерный контент-анализ текстов депутатских дебатов ГД РФ привел А. Л. Кобринского к следующим выводам: «Проведенный анализ показал, что депутаты придавали большое значение укреплению процесса федерализации страны, для чего проводилась разработка ряда федеральных законов. Дискуссии, развернувшиеся в ходе обсуждения последних, легли в основу контент-анализа материалов по указанной проблеме. Его результаты позволяют однозначно утверждать, что Дума 1993–1995 гг. считала возможным сохранение государственного единства и территориальной целостности только в условиях федеративного государства. Два других теоретически возможных пути развития Дума не считала сколь-нибудь приемлемыми для России в новых политических условиях. При изучении дебатов пленарных заседаний ГД ФС РФ первого созыва выделились две принципиально различные позиции

видения парламентариями роли договоров, заключаемых между центром и субъектами РФ, о разграничении полномочий и предметов ведения. Компьютеризованный анализ дебатов подтвердил фактическое наличие в Думе двух групп, представлявших две точки зрения.

Анализ динамики дебатов, частоты встречаемости категорий и их контекста позволили выявить существование нескольких этапов, на которых договорным отношениям придавалась разная степень значимости. Важным шагом в работе Думы было смещение акцентов в этой проблеме. К концу деятельности Думы все больший и больший верх брала позиция, согласно которой была необходима законодательная работа по приведению в соответствие как уже заключенных договоров, так и договоров, находящихся в стадии подготовки новой Конституции Российской Федерации...» [10, с. 117].

А. Л. Кобринский, воспользовавшись автоматическим составлением частотного перечня встречаемости категорий, динамики их появления в процессе работы Думы, а также сопоставлением перечня данных с контекстом (z-score), смог конкретизировать и углубить знание проблемы, создать доказательную базу результатов своего исследования, что в полной мере отвечало принципу объективности.

В известных примерах нетрудно было заметить, что основной процедурой реализации компьютерного контент-анализа был порядок соотнесения словоформ текста с категориями. Определение единиц контент-анализа проводится путем компьютерного приписывания группе связанных словоформ определенного (общего) смысла. Составленные таким образом группы слов являются категориями контент-анализа, а их количество составляет ранговую группировку ключевых слов текста нарративных источников.

В основе подобного подхода к категоризации лежит, по мнению исследователя В. И. Тихонова, убеждение в том, что категории выражают отдельные стороны исторического явления. Если это явление массовое и устойчивое, оно найдет отражение во многих документах — в ограниченном количестве контекстных словосочетаний, которые можно зафиксировать [5].

Причисление ключевых слов текста к общей тематической (смысловой, семантической) группе осуществляется за счет синхронизации работы программной среды с заданным словарем, представляющим собой семантический (идеографический) перечень, в котором в многоступенчатых классах слов представлена система общеупотребительной лексики. Семантический словарь может быть составлен

самим исследователем (авторская категоризация), либо уже задействован в готовых решениях (Семантический словарь под общей ред. Н. Ю. Шведовой [11]).

Наиболее известной системой с заданным словарем категорий является GENERAL INQUIRER, разработанная в Гарвардском университете (США). Словарь этой системы классифицирует 4 206 входных слов на 182 категории, преимущественно социологического и психологического характера. Заданный словарь не является неизменяемым массивом слов. На самом деле он представлен четырьмя меньшими словарями, составляющими его: Harvard IV, словарем значений Лассуэлла, словарем новых категорий и маркерным словарем (грамматическими правилами, используемыми для снятия смысловой неопределенности слов текста) [14].

Другие системы с фиксированным словарем имеют более специализированное значение. К ним относятся:

- система ЛЕКТА, ориентированная на лексико-семантический анализ больших текстовых массивов;
- система ВААЛ, используемая при оценивании письменных документов на возможность эмоционального воздействия фонетической структуры текстов и отдельных слов на подсознание человека;
- система SAMEO, созданная для кодирования и анализа политического дискурса, включающая 20 главных событийных категорий и 200 субкатегорий; кроме этого в системе предусмотрена обширная база для кодирования данных о политиках (Ф.И.О., даты);
- другие системы (Qualrus [15], Tropes, LEXIMANCER, TABARI).

Среди историков наиболее известна ныне система TextAnalyst 2.0. Она ориентирована на предварительный анализ текста с автоматическим формированием семантической нейронной сети, фиксацией в тексте ключевых слов, их категоризацией, индексацией, а также кластеризацией информации, используемой при последующем изучении текста. Успех данной системы связан с возможностью проведения нейросетевого подхода в обработке информации нарративного источника.

Семантическую нейронную сеть, получаемую при работе системы TextAnalyst, можно понимать как сеть динамически связанных между собой слов текста (нейронов), выполняющих логические операции дизъюнкции (разобращения), конъюнкции (связи) и инверсии (замещения). Взаимодействующие нейроны (нейронная сеть) являются элементарными понятиями обрабатываемого смысла текста. Так как

связи между нейронами представляют собой элементарные отношения между понятиями, то такую сеть в большинстве случаев называют семантической нейронной сетью. Основной целью анализа нейронной сети является извлечение смыслового слоя текста, который, как правило, представлен в виде синхронизированного линейного дерева. В получаемой форме нейроны соединяются в виде множества пересекающихся деревьев, корни которых обращены в сторону рецепторов, а вершины — в сторону эффекторов.

Нейронные сети приспособлены обрабатывать только информацию, представленную числовыми векторами. Поэтому для их применения в обработке текста на естественном языке его необходимо представлять в векторном виде, что вызывает необходимость создания формальной модели. Достоинством такой модели является возможность учитывать:

- морфологию, чтобы все формы одного слова соответствовали одной словоформе;
- синонимию и омонимию, чтобы слова-синонимы обозначались одним термином словаря, а слова-омонимы приводились к общей контекстуальной форме;
- наличие устойчивых словосочетаний, когда в качестве термина выступает не отдельное слово, а несколько связанных слов, образующих единое понятие.

В числе недостатков модели выделим следующие:

- при отсутствии простейшей дополнительной обработки, например морфологического анализа, существенно снижается качество лексемного анализа, поскольку различные формы одного слова считаются разными терминами;
- размерность векторов зависит от общего количества терминов в обучающей выборке текстов, что в реальности приводит к необходимости разрабатывать альтернативные структуры данных, отличающиеся от векторов;
- словарь терминов может не охватывать всех документов, подлежащих классификации, так что анализируемые документы могут содержать значимые термины, не вошедшие в обучающую выборку, что отрицательно сказывается на адекватности модели [8].

Основная сложность обработки нарративных исторических источников методами автоматизированного контент-анализа связана с тем, что он делает упор на лингвистическую сторону анализа. При таком анализе в интерпретации результатов исследователь не может

адекватно отразить временные и пространственные аспекты, которые прямо или косвенно присутствуют в содержании исторических источников. Кроме того, исследователю, прибегающему к системам автоматического контент-анализа, очень важно учитывать, что при использовании машинных словарей трудно учесть изменение смыслового содержания термина в зависимости от его контекста [9].

Автоматизация процесса проведения процедур контент-аналитического исследования несомненно увеличивает эффективность работы историка в изучении письменных текстов благодаря эргономичности, а также математической верификации результатов исследования.

При наличии многочисленных сред компьютерного контент-анализа историку все же приходится использовать только те из них, которые позволяют проводить категоризацию ключевых слов текста путем построения семантических и нейронных сетей.

5.2. КОМПЬЮТЕРНЫЕ СИСТЕМЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Компьютерный психолингвистический анализ письменных текстов определен автоматизацией процесса реализации дистантных форм изучения психологических черт личности (социальных групп). Это психологический контент-анализ, психотерапевтический анализ, психосемантический анализ и др. Особенностью названных форм является анализ текста (письменно зафиксированного) в качестве источника изучения психологии человека.

При изучении личности посредством анализа текста исследователю недостаточно использовать только лишь приемы психологии. Текст как продукт языковой реальности требует от исследователя использования тех же методов лингвистической (дискурсной) обработки. Поэтому в данной работе вместо психоаналитического изучения текста будет использоваться понятие «психолингвистический анализ».

Руководствуясь мнениями известных психологов, отмечающих нюансы использования текста в качестве источника психолингвистических исследований, остановимся на наиболее важных для историка моментах. Это прежде всего вопрос о технике анализа речевых высказываний, разработанной основоположником структурного психоанализа Ж. Лаканом. В ее основу была заложена идея о соотноше-

нии реального, воображаемого и символического. Под реальным Ж. Лакан подразумевал то объективное, что обуславливает передачу социальных кодов людей друг другу, под воображаемым — роль «Я», а под символическим — функцию «сверх-Я».

Реальное у Ж. Лакана приравнено к фрейдовской категории потребности, на уровне которой возникает субъект потребности. На его основе формируется воображаемое (человеческая субъективность, субъект желания). Объектом анализа в тексте являются образы (символы), получаемые путем противостояния бессознательного символического сознательному воображаемому. Анализ нужных для исследователя образов происходит при выделении из текста идеальных оценок, адресованных личностью к какому-то субъекту, т. е. при наличии в тексте упоминаний о субъекте, семиотика которого индивидуальна у каждого человека. Такими субъектами, как правило, являются художественные образы (литературный герой, киногерой, предметы искусства и др.) [9].

Ж. Лакан использовал идеи Ф. де Соссюра о дихотомии означаемого и означающего, противопоставив соссюровской идее знака как целого, объединяющего понятие (означаемое) и акустический образ (означающее), концепцию разрыва между ними, обособления означающего. Задача структурного психоанализа — исследовать текст на уровне означающего, совпадающего со структурой бессознательного. Принципиальным утверждением структурного психоанализа при этом является определение чистого означающего как бессознательного символа, требующего психоаналитической интерпретации. Индикаторами символов бессознательного в тексте по Лакану являются метафора и метонимия [3].

Другим подходом психолингвистического анализа текста является концепция психологического контент-анализа Ллойд Демоса, привлекаемая в практику научного исследования групповых фантазий социальных групп. Частью этого понятия является предположение, что основная масса публичных выступлений, которые постоянно анализируются психоисториками, имеет защитный характер, и функция их — обмануть рассудок, заставить его принять рационалистические доводы, под которыми на самом деле скрывается разделяемое членами группы фантазийное послание [2].

Под групповыми фантазиями подразумеваются латентные страхи и желания, являющиеся основным источником исследования групповых процессов в современной психоистории. Важность этого источ-

ника психоистории объясняют тем, что фантазии как форма психологической защиты могут служить индикатором внутригрупповых отношений, посредством которых определяются структурный и функциональный уровни группы, а также возможности их развития [8].

Фантазийное содержание документа, по мнению Демоса, составляет, как правило, более одного процента от общего текста, и вычленив его можно посредством следующих восьми правил фиксации элементов текста:

1. Всех метафор (метонимий) и сравнений независимо от контекста;

2. Телесных образов, слов, выражающих сильные чувства, яркие эмоциональные состояния (слова «убить», «смерть», «любовь», «ненависть» и др.), явно представляющие собой важные эмоциональные сообщения;

3. Всех повторяющихся, необычных или неуместных слов;

4. Всех слов и выражений явного символического характера (атрибуты власти, религии);

5. Всех отрицаний, являющихся составной частью защитной, а не фантазийной структуры (подсознание не знает отрицаний);

6. Исключений всех субъектов и объектов;

7. Всех открытых реакций группы: смеха, моментов спада напряжения на собраниях и заседаниях, обмолвок, слов «в сторону», напряженного молчания и т. д., везде, где это только возможно;

8. Обращения внимания на длительное отсутствие образов [11].

К компонентам психологического контент-анализа речей, интервью и прочих спонтанных вербальных материалов относят мотивационные, когнитивные, стилевые личностные качества и механизмы защиты, которые, в свою очередь, рассматриваются в различных психологических теориях. Согласно М. Дж. Херманн и Д. Дж. Уинтеру, извлечение из текста этих компонентов происходит на основе компьютерной адаптации исходных систем подсчета слов в тексте, направленных на анализ глагольных фраз, а также категоризацию единиц счета в тексте.

К мотивационному компоненту личностных переменных относят цели и действия, направленные на достижение конечной потребности, а именно победы в чем-либо, аффилиции (позитивного поведения), захвата власти (престижа, репутации).

Переменные, рассчитываемые М. Херманн, отражают некоторые из наиболее широко изученных убеждений и измерений когнитивно-

го и межличностного стилей, что отмечено в теориях личности Келли, Ротеера, Роджерса и др. К их числу относят убеждения национализма, контроля над событиями, уверенности в себе, а также такие когнитивные межличностные стили, как концептуальная сложность, недоверие, инструментальный акцент.

Под убеждениями национализма Херманн понимает слова, указывающие на идентификационное или позитивное отношение личности к одной нации и отрицание идентификации или негативное отношение к другим нациям. В переменную убеждения об уверенности в себе относят слова, обозначающие восприятие личности в качестве инициатора действия, авторитетной фигуры или обладателя позитивной поддержки.

К числу переменных когнитивных и межличностных стилей относят концептуальную сложность (отношение числа в тексте слов с высокой сложностью к числу слов с низкой сложностью), недоверие (сомнение, опасение, ожидание вреда от кого-либо), инструментальный акцент (отношение числа слов-задач к числу слов-взаимодействий). К компонентам стилевых личностных качеств относят лексику обыденного описания, а к механизмам защиты — некоторые черты вербального стиля, акцентирование которых проводится путем выделения из текста личных местоимений и эмоциональных слов. Переменными данной группы параметров психологического описания личности являются:

- отношение «я — мы» (числа местоимений «я» к числу местоимений «мы»);
- выражение чувств;
- ценностные критерии;
- прямое обращение к аудитории;
- использование усилительных наречий;
- риторические вопросы, отречения (частичный или полный отказ от предшествующих утверждений);
- отрицания (все «нет», «не», «никогда», «никто», «ничего» и т. д.);
- объяснения, смягчения (выражения неуверенности, поправки, ослабляющие утверждения и фразы, создающие неопределенность или неуверенность);
- творческие выражения (книжные слова и выражения; метафоры) [7].

Выделение переменных вербального стиля позволяет определить, к какому стилю межличностной коммуникации относилась личность,

каким было ее эмоциональное состояние и каким стилем принятия решений она обладала на момент создания текста (речи и письма).

Так, для определения межличностного стиля личности при конкретизации ее качеств («обаятельный», «пассивный», «оппозиционный») следует искать в тексте прямые обращения, упоминания, риторические вопросы, местоимения «меня», отрицания. Для выделения эмоционального стиля личности и ее качеств (эмоциональной выразительности, тревожности, депрессии, гнева, чувствительности к критике) требуется нахождение в тексте и сопоставление высокого соотношения «я» к «мы», выражения чувств, отрицания, объяснения, смягчения, употребления усилительных наречий. Для определения стилей принятия решений личностью (решительности, догматичности, импульсивности, параноидальности, навязчивости) требуется обозначение таких черт вербального поведения, как высокий уровень смягчения и отречения, высокое соотношение «я» к «мы», к «меня».

Еще одним направлением применения психологического контент-анализа является изучение историко-литературных произведений. Такой анализ позволяет определить когнитивную структуру деятельности их авторов. Это связано с тем, что процесс композиционного построения любого текста происходит на уровне ментального и эмоционального отражения личностных черт.

Возможность определить психологические особенности автора на основе его письменных работ определилась давно. Так, З. Фрейд проанализировал произведение Дж. В. Дженсена «Gravida» и показал, что психодинамические особенности главного героя романа могут быть одновременно и психодинамическими характеристиками автора. Однако, как правило, при дистантном психолингвистическом анализе личности автора посредством изучения его трудов не проводят прямую аналогию между его качествами и написанным содержанием, так как от исследователя требуется локализовать ту область текста, где просматривается только авторский контекст. В этом случае интересен опыт проведенных исследований клинического психолога А. Хатвани [10], использовавшего в своей научной практике метод психологического последовательно-трансформативного контент-анализа Эманна.

Последовательно-трансформативный контент-анализ А. Хатвани рассматривается как промежуточный подход в использовании количественного и качественного анализов текста нарративного источника. Основная идея такого метода заключается в следующем: обычно за текстом скрываются латентные гипотетические переменные, кото-

рые определяются исследователем либо же заимствуются из имеющихся научных решений.

Если соотнести соответствующие элементы текста (единицы анализа) к этим переменным (категориям), можно получить информацию, статистическая обработка которой будет соответствовать выверенному результату подтверждения научной гипотезы.

Суть анализа по методу Эманна можно свести к операции введения в исследование текста существующих концептуальных конструкций (метод консенсуса, метод ключевых тем и др.) в качестве переменных и трансформации латентных текстовых элементов в конкретные данные, т. е. производству их формализации.

Эффективную психолингвистическую методику анализа текста могут преподнести контент-аналитические системы психотерапевтических исследований, применяемые в клинической психологии. Ими являются системы Макклелланда, Мартиндейла, The Regressive Imaginary Dictionary (Регрессивный образный словарь), Снайдера, Каррена, D. R. Q. (Dicomfort-Relief Quotient), PNAvQ (Positive – Negative – Ambivalent Quotient – коэффициент позитивности – негативности – амбивалентности). Одной из методик этой группы является методика Готтшалка – Глезера, рассмотренная нами выше. Однако для большего понимания данной темы рассмотрим в качестве примера еще одну методику психотерапевтического анализа текста – систему Макклелланда.

Основной задачей использования системы Д. Макклелланда является необходимость доказать возможность обнаружения скрытых потребностей личности (мотивов), при фантазировании испытуемыми рассказов на заданную тему (оценку события), в процессе которых они проявляют скрытые мотивационные диспозиции. Для кодирования ассоциативного мышления Макклелландом была разработана система, с помощью которой можно выявить высказывания, связанные с потребностью достижения аффилиации или власти. Подсчет числа этих высказываний, относящихся к той или иной потребности, дает возможность судить о ее силе. Мотивация, по Макклелланду, – это актуализированный в конкретный момент времени («здесь и сейчас») мотив (мотивационная диспозиция) [4].

Одним из спорных, но не менее действенных для историка психолингвистических методов является фоносемантический анализ. Сущность этого метода заключается в исследовании фоносемантических характеристик текста, т. е. изучении совокупности приемов его

фонетической организации в их возможной связи с его содержанием. Обнаруживаемые факты такой связи традиционно определяются как звукопись. В основе метода лежит принцип колористики языка, т. е. к звуку (фону) подбирают цветовое значение. Итог исследования подводится составлением цветового портрета текста и затем его интерпретацией, в которой исследователь определяет психофизиологическое состояние личности, создавшей текст. Реализуется метод посредством систем анализа содержательного аспекта звуковой формы текста: ВААЛ-мини, «Дюжего Бренда», «Диатона» и др.

К рассматриваемой области причастен и наш белорусский исследователь Н. И. Миницкий. В анализе исторических и литературных источников ученый опирается на известные и оригинальные методики фоносемантики, которые он пытается наложить на процессы общественной коммуникации в прошлом. В данном случае особый интерес вызывает его исследование о взаимодействии сознательного и подсознательного в восприятии исторического знания [5].

Таким образом, все действия, связанные с предварительной обработкой текста, на данном этапе сохраняются, кроме решения проблемы анафорических связей — исправления слов с аномальной и искаженной формой и удаления всех повторяющихся или неуместно используемых слов. После выполнения предварительной обработки система определяет действующих лиц в тексте нарративного источника с выделением диалогов и авторских позиций, с целью более точной локализации исследуемого объекта познания (личности, социальных групп). Далее система выполняет ряд алгоритмов по выявлению элементов текста, соответствующих единицам методик психолингвистического анализа текста.

Для выявления бессознательного в тексте системой определяются образные индикаторы (метафоры и метонимии). Имеющийся в системе словарь метафор позволяет одновременно с найденным индикатором получить краткую информацию о классе объектов, явлений, действий или о признаках. Затем системой выделяются и подсчитываются все телесные образы и эмоционально насыщенные слова. Под телесными образами психологи (Клод Ришар, Дэвид Хэллибартон) и лингвисты (А. П. Ураков, М. М. Бахтин) относят описание не собственно самого тела человека, а, как правило, рассматривают множество его культурных (в том числе и историко-литературных) «версий»: визуальных образов, форм изображения, моды, стереотипов и т. п. Объектом анализа систем психолингвистического изучения

текста также являются все слова и выражения явного символического характера (атрибуты власти, религии), а также все отрицания, являющиеся составной частью защитной функции человеческого сознания.

При выявлении переменных когнитивных и межличностных стилей изучаемой личности в источнике система соотносит число слов высокой сложности с числом слов низкой сложности, что осуществляется двумя способами. В первом случае сопоставляется длина предложений всего текста к длине слов авторской позиции, а во втором случае определяется динамика появления ключевых слов текста в нарративном источнике. Кроме этого, система выполняет следующие действия: сопоставляет число местоимений «я» к «мы»; определяет слова ценностных отношений; отмечает прямые обращения, усилительные наречия (абсолютно, совершенно, действительно, очень просто и др.); выделяет риторические вопросы и отречения.

Более сложным уровнем обработки текста на психолингвистическом этапе является составление частотной модели текста, используемой при выделении дескриптивных (психотипологических значимых) слов в тексте, позволяющих в соответствии с различными психологическими теориями как определить психотипологию личности, так и выявить скрытые мотивы поведения людей в тех или иных жизненных ситуациях.

5.3. ОСОБЕННОСТИ КОМПЬЮТЕРНОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА В ИЗУЧЕНИИ ТЕКСТА

Центральной задачей рассматриваемого подхода при изучении исторического текста является определение общей ситуативной идеи с последующим подробным анализом контекстуальной области ее актуализации.

Под ситуативной идеей текста в социологии и лингвистике понимают доминанту. Доминанта (от лат. *dominans*, род. п. *dominantis* — господствующий) — главенствующая идея, основной признак или важнейшая составная часть чего-нибудь. Доминанта есть общее отношение человека к миру, которое определяет характер всех остальных смыслов и отношений. При этом культура и ее смысловая доминанта могут реализоваться по-разному, но наличие смыслового единства придает целостность всему, что делают и переживают люди [1].

В тексте доминанта является основным объектом, с которым ситуативно связаны все остальные объекты текста. Поскольку человек создает текст с целью решения какой-то задачи, то доминантой становится эта самая задача, которая достаточно четко должна определяться в тексте. Задача становится исходной и конечной точкой анализа доминанты текста, при котором сама она выражается в каких-то словах и словосочетаниях. Как правило, доминанта в тексте обозначается основным ключевым словом — общей категорией. Все остальные объекты (ключевые слова) находятся с ней в семантической взаимосвязи.

Как было описано выше, после выделения ключевых слов в тексте система выполняет над ними семантическую группировку по категориям (блокам), после чего посредством определения коэффициента корреляционной связи, сходства и меры z-score пользователю предоставляется индекс использования каждой категории текста. Этот индекс позволяет найти наиболее информативный блок документа, включающий в свое понятийное пространство предложения, в которых содержатся ключевые слова с наибольшей корреляционной связью.

Как утверждает Л. Я. Аверьянов, нахождение компьютерными системами только ключевых слов — лишь один шаг к пониманию смысла текста. При изучении текста важно выявить отношение между текстом (ключевыми словами) и культурным контекстом, являющимся системой высказываний, обладающих единым смыслом и формой передачи информации [1, с. 2]. Поскольку знание содержит в себе в скрытом виде контекстный опыт, как замечал Л. Я. Аверьянов, то фиксированное знание есть своеобразная шифрограмма, содержащая в себе практически весь живой опыт данного поколения и всей предшествующей истории [1, с. 9].

Нельзя не согласиться также с мнением известного британского лингвиста, представителя просодической школы изучения звукового строя языка Дж. Р. Фёрса, выдвинувшего тезис о том, что значение языковой единицы может быть раскрыто только на основе анализа ее фактического употребления, т. е. контекста [12].

Итак, в рамках дискурс-анализа контекст определяется как ментально представленная структура тех свойств социальной (коммуникативной) ситуации, которые уместны для производства и понимания дискурса. Контекст включает в себя следующие категории: общее определение ситуации; обстановку (время и место события); лица; ментальные представления участников (цели, знания, мнения, пози-

ция и идеология). Следуя данному положению, отметим, что дискурс-анализ при его компьютерной реализации осуществляется в два основных этапа. Для первого этапа характерно определение актуальных для анализа дискурса семантических структур (ключевые слова, категории), а для второго – описание типов и уровней взаимодействия выделенных дискурсных структур с их контекстом.

Согласно процедуре применения исторического дискурс-метода, разработанной Р. Водак и Б. М. Матоучеком, весь процесс анализа дискурса текста организуется по аналитической схеме изучения коммуникационных стратегий, приведенной в табл. 1. Под стратегией Р. Водак понимает набор процессов, которые действуют (сознательно или бессознательно) на разных уровнях коммуникации [8]. Они определяются в тексте набором синтаксисо-семантических связей элементов текста (слов, предлогов, местоимений и др.), находящихся в одном контексте.

Таблица 1

Аналитическая схема исторического дискурс-метода

Мы-ты-дискурс	
Дискурсивные параметры	Лингвистическая реализация
<i>Дискурс о различиях</i> 1. Категоризация и оценка	1. Содержательное определение групп
2. Мы-дискурс: — Конституирование «мы» — Положительное самоописание	2.1. Грамматически связанные элементы 2.2. Отказы, оценка себя, уважение к нормам
Стратегии/техники аргументации (подтверждение)	
<i>Приписывание ответственности или вины</i>	<i>Отрицания ответственности или вины</i>
Описание в черном-белом цвете	Обесценивание или дискредитация с помощью искажения
Отрицание вины	
Стратегия «козла отпущения»	
Подмена жертвы-агента	а) Преувеличение (например, теории конспирации)
Вышеупомянутые стратегии и отрицания реализуются также с помощью определенных «техник» аргументации искажения (см. b)	б) Преуменьшение (балансирование / рационализация)
Цель: обесценить или дискредитировать точку зрения оппонента	с) Отклонение, отрицание

Мы-ты-дискурс		
Дискурсивные параметры	Лингвистическая реализация	
<i>Формы лингвистической реализации</i>		
нереальные сценарии	риторические вопросы	Неопределенность: * генерализованная ссылка
сравнения		* точка зрения говорящего
анalogии	вводные формулы	* стилистика / ситуативность
предположения	намекы, предположения	
уравнение / генерализация		эвфемизмы
репрезентация дискурса	утверждения метафоры	целостность текста
цитаты	предикация	метафорические лексемы

Компьютерный дискурс-анализ, как и его традиционная форма, ориентирован на анализ используемых авторами текстов языковых средств, актуализирующих область доминанты. Этими языковыми средствами являются такие приемы, как ассерция (убеждение), пресуппозиция (предположение), средства усиления речевого воздействия (превосходная степень прилагательного), речевая импликатура, приемы персонализированной инклюзии (личные местоимения: я, мы, ваш, наш), а также введенные в текст метафоры, антитезы, глагольные формы (указание на помощь, борьбу и др.).

На этапе дискурсного анализа текста действенным приемом служит возможность компьютерных систем определять элементы прагматического уровня, т. е. прагмемы, актуализирующиеся посредством выделения единиц речи (текста): стилей; стилистических приемов; типов выдвижения (конвергенция, сцепление, повтор, обманутое ожидание) [11].

Отметим еще один прием компьютерного дискурс-анализа, связанный с автоматическим выделением дискурсивных слов текста путем применения электронных словарей. Таких словарей, как, например, составленный известным российским лингвистом А. Н. Барановым путеводитель основных дискурсивных слов русского языка с указанием алгоритмического конструкта (операции) для каждой словарной

единицы общего семантического эффекта, модификации (с учетом контекста) и приведением примеров. Принцип работы этого приема заключается в отыскании в тексте словарной единицы и ее дальнейшей интерпретации (не путать с объяснением) сообразно заданным в словаре семантическому эффекту и операции.

Наиболее плодотворным и относительно недавно введенным в оборот исследовательским приемом является когнитивный подход, позволяющий от описания единиц и структур дискурса перейти к моделированию структур сознания лиц, участвующих в его создании. Моделирование когнитивной базы дискурса осуществляется посредством анализа фреймов и концептов дискурса, метафорических моделей и стереотипов, лежащих в основе социальных предубеждений. В рамках когнитивного подхода исследуется также взаимосвязь языка (текста) и идеологии, поскольку лица, участвующие в создании дискурса, являются представителями различных социально-политических институтов. Обусловленные идеологией ментальные схемы субъектов дискурса определяют их поведение, в частности в выборе стратегий и риторических приемов, импликаций (сложных высказываний) и пресуппозиций, речевых ходов и тематической структуры дискурса [13]. Отсюда следует, что в проведении дискурс-анализа особое значение приобретает изучение в тексте метафор и метонимий. Метафора исследуется как сложное, многослойное явление в когнитивном, коммуникативном, психологическом и других аспектах.

По мнению М. Блэка, любое метафорическое выражение является проекцией какого-либо буквального выражения, при этом значения этих выражений совпадают, что позволяет исследователю реконструировать ситуацию вербальной коммуникации. Отметим, что метафору как область языкового конструкта ментальной реальности личности рассматривали исследователи Р. Бойд, Т. С. Кун, П. Рикер, Э. Маккормак, из представителей научных школ СНГ — Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Е. А. Гогенкова, М. В. Никитин, Г. Н. Складаревская, В. Н. Телия.

Для распознавания метафор и метонимий в тексте следует руководствоваться правилами, по которым метафорическая номинация осуществляется в двух направлениях: от конкретного к конкретному и от конкретного к абстрактному. В то время как метонимическая номинация основывается, помимо этих двух, и на таком важном соотношении, как от абстрактного к конкретному, что само по себе не

характерно для метафорического мышления, согласно концепции Р. Якобсона, Р. Дирвена и Дж. Лакоффа [4].

Возможности компьютерного дискурс-анализа в изучении исторического текста нарративного источника позволяют реализовать также приемы дискурсивной психологии. При использовании приемов дискурсивной психологии исследователь должен исходить от идеи интеракции текста, т. е. способности взаимообусловленного влияния дискурса на участников коммуникационного события.

Дискурсивная психология концентрируется на рассмотрении психических феноменов со стороны участников коммуникативного процесса в целом и интеракций в частности. Она же подчеркивает языковую и коммуникативную природу психических процессов, отрицая искусственное разделение языка и психических процессов [10], при котором игнорируются принципы внутренней психики субъекта. В этом случае язык является лишь инструментом передачи некоторых разделяемых смыслов, формируемых языковой компетенцией.

В дискурсивной психологии психика рассматривается как производное процесса коммуникации (трансляции знаний) в социальном поле (контексте), где психические феномены изучаются не как изолированные единицы за пределами языка (вне языковой семиотики), а как элементы, воплощенные и реализуемые в самом языке. Это воплощение реализовано в отыскании компьютерными системами таких грамматических и семантических особенностей языка, как нарушение конструкций предложений, аномальные части слов, неологизмы и парафразии, семантически нерелевантные слова в предложении, сложность слов и предложений, наличие стереотипических выражений [3].

Следуя утверждению известных исследователей дискурса Н. Филиппа, С. Харди, при осуществлении дискурс-анализа ученый должен быть готов к использованию не одного метода, как при контент-анализе, а к целой методологии приемов. Например, в той же дискурсивной психологии мы можем отметить реализацию нескольких методов психоаналитического исследования текста, в том числе метода выявления центральной конфликтной темы отношений CCRT (Core Conflictual Relationship Theme method); метода диагностического плана; конфигурационного анализа; метода выявления циклических дезадаптивных паттернов и ряда других [6, 7], а также метода Готтшалка — Глезера, рассмотренного нами ранее.

Относительно новыми направлениями, выполняемыми компьютерным дискурс-анализом, являются терминологический и интер-

текстуальный анализ дискурса. Под терминологическим анализом дискурса (текста) подразумевается способ дискурсивного исследования, который направлен на раскрытие сущности исследуемых явлений (социальных, психологических, исторических и др.) посредством обнаружения и уточнения значений и терминов, их обозначающих. Как правило, это осуществляется на основе использования в системах лексико-синтаксических шаблонов структурирования и извлечения знаний (терминов, фактов), а также аналитического алгоритма семантического распознавания понятийного контекста терминов.

Под интертекстуальным анализом подразумевается анализ элементов дискурсов, обозначенных в качестве «соорганизаторов» основного дискурса источника в процессе коммуникационного построения. Под элементами интертекстуальности имеется в виду весь ссылочный аппарат дискурса (цитаты, список литературы, рецензии, отзывы, авторефераты и др.), который обозначается двумя формами: ДИБ — диалогический интертекстуальный блок и ДИЕ — диалогическое интертекстуальное единство [5].

Отметим ставшую уже классической формулировку понятия «интертекстуальность», предложенную Р. Бартом: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [2].

Предложенная формулировка понятия «интертекстуальность» в данном случае является примером самой интертекстуальности, формой которой является ДИБ. Процедура компьютерной реализации данной задачи связана с проведением типизации элементов ДИБ и ДИЕ к основному содержанию текста, позволяет выявить смысловое соответствие используемой дискурсивной структуры текста к ее справочному сопровождению.

Таким образом, отметим, что процедура компьютерной реализации дискурс-анализа не замыкается в одном приеме. Весь процесс анализа можно охарактеризовать как задействование целой методологии обработки текста по решению ряда исследовательских задач: выявление доминанты, определение дискурсивной структуры текста, анализ языковых средств актуализации дискурса, выполнение приемов дискурсивной психологии и когнитивного подхода при изучении объектов коммуникационного события.

**Литература к главе 5 «Информационное обеспечение
нетрадиционных методов исторического исследования
(контент-анализ, психолингвистический анализ, дискурс-анализ)»**

К разделу 5.1 «Компьютерная реализация контент-анализа»

1. Аверьянов, Л. Я. Контент-анализ / Л. Я. Аверьянов. — М.: КноРус, 2007. — 456 с.
2. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и компьютерная лингвистика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений, обуч. по направлению 231300 — «Прикладная математика» / Е. И. Большакова [и др.]. — М.: Моск. гос. ин-т электроники и математики, 2011. — С. 107.
3. Валгина, Н. С. Современный русский язык: учеб. для студ. вузов, обуч. по филол. направлениям и спец. / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина; под ред. Н. С. Валгиной. — М.: Логос, 2001. — С. 218.
4. Зализняк, А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение [Текст]: около 110 000 слов / А. А. Зализняк. — М.: Рус. словари, 2007. — 794 с.
5. Сидорцов, В. Н. Изучение личности в истории: ориентация на контент-анализ, психоанализ, дискурс-анализ / В. Н. Сидорцов, А. А. Приборович. — Минск: Изд. центр БГУ, 2011. — С. 173—174.
6. Krippendorff, K. Content analysis : an introduction to its methodology / K. Krippendorff. — 2nd ed. — P. 121.
7. Stone, K. The general inquirer: A computer approach to content analysis in the behavioral sciences / K. Stone [et al.]. — Cambridge, 1966.
8. Андреев, А. М. Автоматическая классификация текстовых документов с использованием нейросетевых алгоритмов и семантического анализа / А. М. Андреев [и др.] // Сайт НПЦ «ИНТЕЛТЕК ПЛЮС» [Электронный ресурс]. — М., 1997—2009. — Режим доступа: http://www.inteltec.ru/publish/articles/textan/57_simakov.shtml. — Дата доступа: 19.02.2012.
9. Бородкин, Л. И. Об использовании лингвистических методов при анализе политической концепции автора текста / Л. И. Бородкин // Математика в изучении средневековых повествовательных источников. сб. ст. — М.: Наука, 1986. — С. 25.
10. Кобринский, А. Л. Формула российской государственности: компьютеризованный анализ дебатов Государственной думы первого созыва / А. Л. Кобринский // Круг идей: историческая информатика на пороге XXI века: тр. VI конф. АИК; ред. Л. И. Бородкин, Ю. П. Смирнов, И. Ф. Юшин. — М.: Чебоксары, 1999. — С. 97—117.
11. Русский семантический словарь: Толковый слов. систематизир. по классам слов и значений / авт.-сост.: Н. Ю. Шведова [и др.]; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой; Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и яз.; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Т. 2. — 2000. — 674 с.

12. Тихонов, В. И. Проблемы категоризации при контент-анализе / В. И. Тихонов // *Круг идей: модели и технологии исторической информатики*: тр. III конф. АИК; ред. Л. И. Бородкин, В. С. Тяжельникова. — М., 1996. — 345 с.

13. Топка, Р. В. Контент-анализ: семантический или документалистический? Опыт применения на материале крестьянских наказов от южноукраинских губерний в I Государственную Думу / Р. В. Топка // *Круг идей: историческая информатика в информационном обществе*: тр. VII конф. АИК; ред. Л. И. Бородкин, В. Н. Владимиров, И. Ф. Юшин. — М., 2001. — С. 53—65.

14. Website for the General Inquirer [Electronic resource]. — 2002. — Mode of access: <http://www.wjh.harvard.edu/~inquirer/Home.html/>. — Date of access: 01.06.2012.

15. Website of Qualrus [Electronic resource]. — 2012. — Mode of access: <http://www.qualrus.com/>. — Date of access: 01.06.2012.

К разделу 5.2 «Компьютерные системы психолингвистического анализа исторического текста»

1. Быстров, А. В. Возможности компьютерного контент-анализа мемуаров о Борисе Савинкове для составления его психотипологического портрета и проверки версий его поведения / А. В. Быстров // *Информ. бюл. Ассоц. «История и компьютер»*. — 1998. — № 23. — С. 54—58.

2. Грезы из матки — 5. Фантастический Уотергейт (I) // WWW.PEREMENY.RU — Толстый веб-журнал XXI века [Электронный ресурс] / Перемены.ru. — М., 2005—2012. — Режим доступа: <http://www.peremeny.ru/books/osminog/323>. — Дата доступа: 16.04.2012.

3. Лакан, Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Ж. Лакан. — М.: Гнозис, 1995. — 192 с.

4. МакКлелланд, Д. Мотивация человека / Дэвид МакКлелланд. — СПб.: Питер, 2007. — 672 с.

5. Миницкий, Н. И. Методы построения научного и образовательного исторического знания / Н. И. Миницкий. — Минск: БГПУ, 2006. — С. 117—123.

6. Наранхо, К. Энеа-типологические структуры личности: самоанализ для ищущего / К. Наранхо. — Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. — 222 с.

7. Политическая психология / сост. Б. Б. Шестопап. — М.: Инфа-М, 2002. — С. 55—103.

8. Самохвалов, Д. С. Анализ групповых фантазий в современной психологии / Д. С. Самохвалов // *Психологические свойства современного исторического знания*. — Краснодар: МНЦИПИ, 2003. — С. 88—101.

9. Структурный психоанализ Жака Лакана // «Historic.Ru: Всемирная история» [Электронный ресурс]. — М., 2001—2009. — Режим доступа:

<http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000022/st087.shtml>. — Дата доступа: 19.03.2012.

10. Хатвани, А. Выявление латентных когнитивных структур в литературных диалогах с помощью психологического контент-анализа / А. Хатвани // Реконструкция субъективной реальности. — Харьков: Гуманит. центр, 2010. — С. 30–43.

11. Lawton, H. *The Psychohistorian's Handbook*. — New York, London: The Psychohistory Press, 1988. — P. 186–187.

К разделу 5.3 «Виды и особенности компьютерного дискурс-анализа в изучении текста»

1. Аверьянов, Л. Я. Контент-анализ / Л. Я. Аверьянов. — М.: КноРус, 2007. — 59 с.

2. Барт, Р. От произведения к тексту // Р. Барт Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1989. — С. 417.

3. Градовская, Н. И. Измерение выраженности тревоги в речи методом контент-анализа Готтшалка — Глезера // Психологические исследования дискурса / отв. ред. Н. Д. Павлова. — М., 2002. — С.166–167.

4. Кимов, Р. С. Когнитивные и эпистемические аспекты представления мира в языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Р. С. Кимов. — 472 л.

5. Королева, Н. В. Средства и способы реализации интертекстуальности в научном дискурсе: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. В. Королева. — Саранск, 2004. — 211 л.

6. Люборски, Л. Объективные методы измерения переноса / Л. Люборски, Э. Люборски // Иностранная психология. — 1996. — № 7. — С. 19–30.

7. Меновщиков, В. Ю. Дискурс в дистантном консультировании и психотерапии / В. Ю. Меновщиков // Вопросы психологии. — 2008. — № 6. — С. 87–95.

8. Методы анализа текста и дискурса: пер. с англ. — Харьков: Гуманит. Центр, 2009. — С. 218–219.

9. Там же. — С. 9.

10. Переверзев, Е. Дискурсивная психология. Вып. 1. — Т. 1. — 2009 / Е. Переверзев // Современный дискурс-анализ [Электронный ресурс]. — 2009. — Режим доступа: [vhttp://www.discourseanalysis.org/ada1_1.pdf](http://www.discourseanalysis.org/ada1_1.pdf). — Дата доступа: 01.06.2012.

11. Словарь лингвистических терминов: изд. 5-е, испр. и доп. — Назрань: Пилигрим, 2010.

12. Ферс, Дж. Р. Техника семантики // Новое в лингвистике. — М.: Изд-во иностран. лит., 1962. — Вып. 2. — С. 98–116.

13. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — М.: Гнозис, 2004. — С. 10.

Глава 6

НОВЫЕ ФОРМЫ ПРЕЗЕНТАЦИИ НАУЧНОГО ЯЗЫКА ИСТОРИКА

6.1. КОМПЬЮТЕРНАЯ МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-БИОГРАФИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ИСТОРИКА

Уникальным явлением человеческой истории считается изобретение письменности. Здесь имеется в виду система абстрактного кодирования информации, позволяющая сохранять на долгие годы описания исторических событий и явлений. Как правило, посредством письма происходит передача транскрипторов (кодов) общественной реальности. Историки, являясь очевидцами эпохи либо трансляторами знаний о ней, выполняют важнейшую функцию сохранения социальной памяти, в которой переплетается множество нарративов, содержащих ментально-образные представления людей об окружающем мире. Раскрытие исторического прошлого, безусловно, сложный творческий процесс, требующий как изучения источников, так и познания их создателей, аналитиков и интерпретаторов.

В российском научном пространстве роль исторической науки возрастает. Из числа выдающихся историков Российской империи выделяется целый ряд имен: Н. А. Полевой, М. П. Погодин, Б. Н. Чичерин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и т. д. Каждый из них представляет собой определенную веху в развитии исторической мысли. В этом отношении примечателен XIX в., особенно его вторая половина, когда формирование исторического факта начинало представляться процедурой логико-выдвиженческой трактовки исторического события или явления, основанной на информации исторического источника и различных, порою крайне противоречивых дискурсов. И все же это далеко не вся работа историков. На первый взгляд труд исследователя представляется как его профессиональная работа по накоплению, хранению и использованию информации, отражающей историческую эпоху. При таком взгляде, естественно, напрашивается сравнение историка с некой машиной по переработке данных вне зависимости от личных (субъективных) переживаний собирателя

информации. Но так ли это? Возникает проблема создания личностного портрета историка.

В призма биографического очерка, например о вышеназванных российских историках XIX в., мы сталкиваемся с традицией описания жизни личности в рамках констатации результатов ее деятельности (что сделала она как историк). Все остальное, как правило, опускается, кажется несущественным. Более полную информацию об историке можно получить на основе использования естественного языка исследователя в контексте его интерпретации истории. Какой может быть модель такого изучения?

Научные труды историка являются достаточно полноценным источником изучения личности их создателя — разумеется, при учете психологической и лингвистической детерминации ее активности. С этой целью введем в характеристику научного текста историка обозначение продукта его сознательной амбивалентности. Имеется в виду, что деятельность формирует устойчивые качества личности, благодаря которым по одному-двум признакам в ее поведении, а иногда и по внешнему облику мы можем определить профессию человека и наоборот [3]. Психика человека выступает как регулятор его действий. Эта регуляция осуществляется на различных уровнях психического отражения, в частности при формировании текста (языка) личности и дальнейшей репрезентации на письме. Элементами текста выступают смысловые фреймы (завершенные логические единицы), в том числе цели, мотивы, потребности, эмоции, дефиниции физиологического состояния и др. Кроме этого, теория психоаналитического анализа личности позволяет нам выделить в тексте бессознательный слой мотивации поведения историка.

Следовательно, потребность в качественном составлении портрета историка требует разработки модели скрытых значений текста, что достигается выделением ключевых (доминантных) единиц контекста, а затем — необходимостью расшифровки регрессионных связей «весомых» понятий языка личности и осуществления психолого-лингвистической реконструкции внутреннего мира человека. Она, в свою очередь, вызывает потребность в применении таких наиболее эффективных приемов анализа личности, как контент-анализ, психоанализ, дискурс-анализ. Правомерность использования контент-анализа в различных социальных исследованиях, в том числе исторических, вытекает из того, что текст документа, являющийся реально-

стью первого порядка, есть продукт человеческой деятельности. Он несет в себе следы влияния личностных, социальных и психологических факторов в виде индикаторов или референтов. Таким образом, целью контент-анализа является постижение наиболее глубокой вне-текстовой реальности, на основе чего мы делаем выводы о реальности исторического события или явления как результата деятельности личности и социальных групп.

Рассмотрение личности историка как выражения (отражения) системы социальных отношений выдвигает на первый план проблему психологического анализа личности, позволяющего представить как сознательную, так и бессознательную стороны личностного действия индивида. При этом исследование сознательных компонентов человеческой психики происходит посредством выделения основных черт психологического типа личности, которые отражены в характере, языке общения, манере поведения, а анализ бессознательных значений — посредством деконструкции бессознательных символов, выделенных в вербальных (текстовых) и невербальных (графических) продуктах человеческой деятельности.

Суть же дискурс-анализа заключается в том, чтобы, отталкиваясь от анализа языковой формы, обнаружить те ситуационные модели, которые отобраны и представлены говорящим в каждом отдельном случае и через которые происходит осмысление способов описания реальности говорящим, его идентификация с социальным окружением. Процедура дискурсивного анализа предполагает выделение смысловых блоков (концептов) и анализ их содержания, в частности категорий.

Наиболее подходящим технологическим воплощением такой модели могут быть алгоритмы исторической информатики. При этом репрезентирующей формой исполнения модели следует считать компьютерные технологии, посредством которых открывается возможность свести воедино довольно сложный процесс составления профессионально-биографического портрета историка, создать комплексную программу реализации задействованных методов. Нами предлагается модель компьютерной среды анализа текста исторического источника TextHistory. Это программа естественно-языкового анализа текста, включая анализ обработкой информационного массива неструктурированных источников [2].

Анализ текста в программной среде производится на трех уровнях: лингвистическом, постлингвистическом и металингвистическом. На

лингвистическом уровне выполняется распознавание системой предложений, словосочетаний и слов текста. В технологическом отношении текст переводится в удобочитаемый формат с его дальнейшей обработкой.

На постлингвистическом уровне происходит морфологический, синтаксический и семантический анализ текста. При выполнении морфологического анализа система позволяет выделить основные формы употребляемых слов, при этом удаляя слова с недостаточной информативной связью (слова-связки, обслуживающие слова). Она составляет также словарь для характеристики смыслового портрета текста. При выполнении синтаксического анализа из имеющегося смыслового слоя текста выделяются взаимосвязи между отдельными словами и частями предложения. В ходе семантического анализа создается смысловая карта слов и словосочетаний, что предполагает в дальнейшем составление иерархического графа связей ключевых концептов. В результате исследователь получает список ключевых слов, список ошибок, таблицу степени связности смысловых категорий текста. Результат работы оформляется в виде таблицы и графика [1].

На металингвистическом уровне, теоретическим базисом которого служат дискурс-анализ и психоанализ, система предоставляет исследователю KWIC-список используемых в тексте метафор, идиом, слов (звуков) шумового сопровождения, эмоционально насыщенных слов, слов с различной синонимической нагрузкой. В системе предусмотрена процедура психоанализа, реализуемая путем лемматизации ключевых слов текста к словарю бессознательных символов, а также к словарю психотипологического шкалирования. По результатам исследования пользователь может определить психологический тип личности (составить психологический портрет группы) с подробной интерпретацией ее особенностей, что позволяет раскрыть бессознательные мотивы действий личности.

Компьютерная модель системного анализа текста призвана помочь провести извлечение наиболее характерных единиц языка исследуемой личности, предоставляет возможность их дальнейшей интерпретации как посредством заданных алгоритмов обработки данных (статистических, лингвистических, психологических), так и на основе практического вмешательства исследователя. Например, при создании заявленного портрета историка наибольший интерес представляет освещение в тексте научно-исторических фактов, произо-

шедших в жизни историка. Если изучаемая личность творила свои труды открыто, то важно также определить смысловой почин, не вытекающий в представлении очевидца из того или иного эпизода истории. Сохранившаяся информация в зависимости от уровня абстракции может совпадать с признанным значением слов в тексте, проецируемым социальными группами и являющимся частью их менталитета.

Интересной для нашей компьютерной модели текста историка будет и возможность проследить трансформацию научных знаний историка, его языка (дискурса), а также составление тезауруса исторических понятий, применяемых историками в рассматриваемый нами период.

Используя тексты научных трудов историка, записи его выступлений, эпистолярные источники, а также нарративные жизнеописания очевидцев, мы способны воссоздать историческую реальность, в которой жила и творила исследуемая личность. Создание понятийно-категориального языкового поля историка позволит изучить как внутренний мир человека, исполнявшего роль исследователя, так и проследить трансформацию его идей в темпоральном и пространственном смысле. Тогда традиционное нарративное описание биографии личности может быть дополнено качественно новым механизмом получения информации об изучаемом персонаже. Все достигается обращением к текстовым источникам при программном выражении результатов компьютерной модели составления биографического портрета личности профессионального историка.

Внутренний мир личности, в данном случае историка, неуловим в иллюстративно-описательном дискурсе. Несомненно, для его полноценного изучения требуется привлечение методов из социологии (контент-анализа), психологии (психоанализа) и лингвистики (дискурс-анализа). Однако чтобы они заработали, необходимо программное воплощение алгоритма синтеза возможностей с естественным вмешательством исследователя в процесс получения результатов на каждом из этапов работы над созданием нашей модели.

6.2. РАЗРАБОТКА СРЕДЫ КОМПЬЮТЕРНОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА НАРРАТИВНОГО ИСТОЧНИКА TEXTHISTORY

Эффективность применения новых методов исторического познания, в том числе таких как контент-анализ, психолингвистический анализ, дискурс-анализ, зависит от наличия компьютерных решений, основанных на возможности реализации исследовательских методик как на уровне обработки первичной информации (нормализация текста, морфологический анализ), так и на уровне аналитического обзора результатов статистически-поискового изучения текста. Отметим, что общим принципом работы компьютерных систем в данном случае является реализация компонентов компьютерного (автоматического) анализа текста.

В соответствии с уже сложившейся методологией компьютерного анализа текста к его основным элементам относятся следующие: классификация (classification, categorization); кластеризация (clustering); извлечение фактов, понятий (feature extraction); реферирование и аннотирование (summarization); ответы на запросы (question answering); тематическое индексирование (thematic indexing); поиск по ключевым словам (keyword searching) [4]. К названным выше методам отнесем компоненты компьютерного анализа текста, учитывая особенности применяемой на практике их терминологии.

Для разработки методики контент-анализа компьютерные системы должны содержать следующие компоненты обработки текста: нормализацию, стемматизацию, словарную лемматизацию (морфологический анализ), поиск, реферирование текста, категоризацию, визуализацию. Для компьютерного исполнения дискурс-анализа требуются результаты работы таких компонентов, как контент-анализ (выделение ключевых категорий и доминант текста, а также сравнение их в контексте использования), поиск дискурсивных слов, метафор, коллокаций и прочих семантических, лексико-грамматических средств построения дискурса.

К компонентам компьютерного исполнения приемов психолингвистического анализа текста относят среды, участвующие: в получении дополнительной информации об участниках и ситуации речевого взаимодействия, в частности выявление имплицитных (скрытых) содержаний речевого взаимодействия; в определении прогноза относительно особенностей восприятия адресатом того или иного вер-

бального материала, а также психологического состояния адресанта; в применении психолингвистических методик, практикуемых в дистантной (отдаленной) форме психотерапевтических исследований; в определении уровней структуры языка личности (вербально-семантического, лингво-когнитивного, мотивационного).

Отметим, что среди лингвистических программ анализа текста, найденных на рынке программного обеспечения, мы не обнаружили сред, удовлетворяющих условиям исполнения представленных нетрадиционных методов исторического исследования в одном программном продукте. Высокая стоимость лицензионных соглашений, отсутствие возможности изучения алгоритмов обработки текста делают невозможным процесс качественного использования информационных технологий изучения нарративных источников историками.

Для решения поставленной проблемы авторами совместно со студентом 5 курса БГУИР Н. В. Толкачевым была разработана модель контентного, психологического, дискурсивного анализа текста нарративного источника. На основе этой модели создана программная среда TextHistory.

Программная среда TextHistory представляет собой многофункциональную платформу применения методик компьютерного анализа текста, объединенных по трем основным группам решаемых ею задач: контент-анализ, психолингвистический анализ, дискурс-анализ.

Процесс компьютерного анализа текста начинается с создания рабочего проекта, в котором сохраняются все результаты предварительно проводимого пользователем анализа документа, а также составляется коллекция материалов исследования.

Каковы же приемы анализа текста и каким образом они реализуются в названных группах?

Приемами контент-анализа текста являются нормализация, морфологический анализ, выявление оригинальных и ключевых слов, составление категорий и определение их взаимосвязи друг с другом.

Контент-аналитический этап

Начальной стадией обработки текста является его нормализация. Текст приводится в читабельный вид, из него удаляются лишние пробелы, знаки препинания, буквы приводятся к соответствующему регистру, исправляются ошибки написания слов. Последнее решается в программе при помощи алгоритма нечеткого поиска.

Критерием выбора алгоритма нормализации текста в нашей программе является скорость выполнения обработки текста. Поэтому вместо сложноструктурированных механизмов исполнения алгоритма нормализации текста мы воспользовались лишь двумя приемами: методом N-грамм, используемым для первоначального формирования группы слов и метода Дамерау — Левенштейна для определения разности двух строк — базовой строки и одной из строк, отобранных после группировки слов [8].

На данном этапе работы программы обрабатывается коллекция документов, подключенных к проекту. Эта операция заключается в проведении над ними лексемного распознавания. Под лексемным распознаванием мы подразумеваем проведение морфологического анализа текста с целью выявления оригинальных слов, а также данных о нестандартности и особенностях присутствующих в тексте слов и выражений. Такими аномалиями являются:

- слова нелитературной формы, зачастую встречающиеся в общении («три дни» при нормативном «три дня», «ляжь» при нормативном «ляг» и др.);
- слова искаженной формы — орфографическое или фонетическое искажение («дэвушка», «това’ищи», «про-хо-ди», «низнаю»);
- цифровая запись числительного, порядкового числительного, прилагательного (полностью или частично посредством цифр) (XIII, 120-я, 60-летний);
- инициалы — сокращенная запись имени и отчества личности прописными буквами, через точку; распознается вместе с фамилией;
- сокращения — сокращенная запись (тов., гг., ч., и т. д.); сокращения, входящие в группу служебных слов, удаляются; общепринятые обозначения (ООН, США, НАТО) остаются в той же форме, а все их расшифровки (Соединенные Штаты Америки) приводятся в сокращенную форму. В группу сокращений входят также все найденные в тексте акронимы (ГУМ, ЦУМ) и бэкронимы (USSR).

Морфологический анализ осуществляется на основе имеющегося морфологического словаря, составленного А. А. Зализняком (93 392 слова) и др. Во время проведения морфологического анализа программная среда удаляет стоп-слова текста, используя предварительно составленный словарь стоп-слов (словарь может пополняться пользователем). Итогом работы процесса распознавания слов в тексте является создание массива оригинальных слов текста.

Полученный массив оригинальных слов текста обрабатывается средой на предмет нахождения и решения проблем анализа текста, связанных с наличием в нем анафорических ссылок (ссылок местоимений на объект), элементов нарушения языковых связей слов в тексте (омонимии, полисемии).

Напомним, что проблема анафорических связей в программе TextHistory решается путем замены местоимений упоминаемыми в тексте объектами. Проблема же обнаружения омонимов, полисемии в тексте решается программой путем использования словарей синонимов Н. Абрамова (52 565 слов), паронимов О. В. Вишнякова (606 пар), омонимов (1513 групп). Словари подключаются и работают как отдельные модули, а процесс обнаружения похож на процесс поиска нестандартных записей в тексте. Метод обработки слов определяется структурой самого словаря и заключается в замене обрабатываемого слова словом из словаря путем ссылки на него.

Выявленные оригинальные слова текста семантически объединяются в группы эксклюзивных слов. Затем производится подсчет лексем слов, близких по морфологии и семантике. Если в тексте есть устойчивые словосочетания (идиомы), совпадающие по значению с данными фразеологического словаря, то программа выносит их в разделы «дискурс-анализ» и «психолингвистический анализ».

Итогом операций является перечень частотно распределенных смысловых единиц текста. Так как частота этих единиц может быть достаточно большой, программа производит фильтрацию перечня значимых слов. Тем самым генерируется список ключевых слов текстового массива (одного или нескольких документов). Общую структуру алгоритма этапа можно свести к следующему:

```
/*
 * Список эксклюзивных слов "words" передается на фильтрацию в функцию
 * "doFilter", которая производит очистку списка, используя словари
 * синонимов, омонимов, паронимов и фразеологизмов.
 */
List<MeaningfulWord> meaningfulWords = meaningfulWordService.
doFilter(words);
/*
 * Задание минимальной частоты слова. Для ее определения используется
 * "Частотный словарь" составленный С. А. Шаровым. Минимальное значение
 * частоты равно единице 1.0 (или 1 ipm — вхождение на миллион слов).
 */
```

```

double frequency = 1;
/*
 * Ограничение количества ключевых слов, которые будут отображены
 * пользователю. Значение этой величины по умолчанию равно 20.
 */
int wordsCount = 20;
/*
 * Список значимых слов передается на фильтрацию с заданными
 * параметрами. Все действия сравнения и фильтрации так же выполняет
 * специальный сервис. На выходе мы получаем список ключевых слов с
 * числом их вхождений в тексте, рассчитанным z-score
 * и общим числом слов в категории.
 * Для расчета z-score также используется "Частотный словарь".
 * Переменная 'wordsTotal' содержит общее число слов текста.
 */
List<KeyWord> keyWords = keyWordService.doFilter(meaningfulWords, fre-
quency, limit, wordsTotal);
/*
 * Копирование категорий в смысловые блоки с учетом структуры данных.
 * Данный этап не производит расчеты.
 */
List<SemanticUnit> semanticUnits = semanticUnitService.generate(keyWords);
/*
 * Расчет статистических значений. Сервис работает с текущим списком
 * и не создает новый. Функция size() возвращает число значимых слов.
 * Это значение используется для определения объема понятийного
 * пространства по отношению к значимым словам. Вычисляются коэффици-
 * енты
 * сходства и корреляции между самим блоками, а так же индекс использова-
 * ния.
 */
semanticUnitService.doStatistic(semanticUnits, meaningfulWords.size());
// ... дальнейшая обработка и отображение ...

```

Как видно из приведенного алгоритма, на основе полученного списка ключевых слов программа TextHistory определяет смысловые блоки (категории) текста. Это осуществляется благодаря применению идеографического словаря. Затем посредством вычислений статистических коэффициентов парной взаимосвязи смысловых категорий программа предлагает сводную таблицу значений, по данным которой можно определить, насколько появление одной смысловой группы слов текста зависит от появления другой.

Особой возможностью программы является поиск лексем по заданному массиву текста в связке с указаниями контекста их использования как в виде конкорданса (по четыре значения слева и справа от запроса), так и в виде собственного текста анализируемого документа (если документов несколько, то с указанием метаинформации). Дополнительной возможностью программы является ручное составление тематического словаря, а также редактирование списка смысловых категорий текста.

Анализируемые исследователем тексты на первом этапе работы программы TextHistory хранятся в коллекции проекта, там же сохраняются результаты проведенных исследований. Для каждого пользователя предусмотрена своя коллекция, доступ к материалам которой может быть предоставлен только при регистрации (права доступа определяются автором проекта).

Отметим, что выбранный нами вариант разработки коллекции, когда из материалов пользователей создается электронный языковой корпус, соответствует практике подобных изобретений. Примером служат такие крупнейшие электронные ресурсы, как НКРЯ (Национальный корпус русского языка на 70 млн. слов), Компьютерный корпус текстов русских газет конца XX в. (200 тыс. слов), Хельсинкский аннотированный корпус русских текстов ХАНКО (100 тыс. слов), Корпус русских текстов на сайте университета в Лидсе (Великобритания), Русские корпуса Тюбингенского университета, Британский национальный корпус (100 млн слов). Корпусные менеджеры SARA и XAIRA и др.

Психолингвистический этап

В соответствии с ранее описанной моделью проведения психолингвистического анализа исторического текста посредством использования компьютерных систем (5 глава монографии) психолингвистический этап программы TextHistory исполнен в русле концепции целостного, структурно-функционального анализа речевых действий, разработанной российским психологом А. И. Крупновым. Его концепция предполагает анализ каждого конкретного языкового действия личности с различных сторон: операционально-динамической, мотивационной, когнитивной, продуктивно-результативной, эмоциональной и регуляторно-волевой. На данный момент в программе реализованы лишь приемы операционально-динамического, эмоционального, регуляторно-волевого анализа текста нарративных источников.

Наиболее показательна реализация операционально-динамического компонента программы. В нем использован алгоритм построения параметрического портрета текста, когда пользователю предоставляются данные об общем количестве слов в тексте, частей речи, о средней длине предложений, количестве уникальных и значимых слов, числе стоп-слов, количестве неологизмов.

Второй алгоритм, реализующий нахождение эмоциональной компоненты, выполняет поиск и подсчет в тексте эмоционально насыщенных слов (прилагательные, общеоценочные слова), фразеологизмов и метафор. Параллельно со вторым алгоритмом работает третий, отвечающий за регуляторно-волевой компонент. Он выполняет подсчет фраз, содержащих уточнения, повторы, вопросительные предложения, ссылки на других лиц.

Особым компонентом психолингвистического этапа программы TextHistory является реализация образного словаря, представляющего собой описание психолингвистического выражения слова-стимула по отношению к значимому слову текста. Слово-стимул в нашем случае — это ассоциативное продолжение мыслительного восприятия текста, услышанного или прочитанного адресатом.

Дополнительными компонентами психолингвистического этапа программы являются интен-анализ и психоанализ текста. Интен-анализ — метод выявления интенций (намерений) автора путем определения смыслового значения паттернов (языковых шаблонов), ситуативных категорий, предикатов, метафор текста. Для выявления интенции в программе используется алгоритм поиска метафор и семантических групп предикатов. Психоанализ в программе осуществляется благодаря использованию психоаналитического словаря, элементы которого автоматически сопоставляются с элементами абстрактной семантики текста, т. е. лексемами метафор, фразеологизмов, идиом, коллокаций (устойчивых словосочетаний). Найденное соответствие выделяется маркером, а также снабжается ссылкой на словарное толкование значения бессознательного символа.

Дискурс-аналитический этап

Дискурс-анализ текста программа TextHistory выполняет посредством следующих операций:

- выделение ключевых слов текста;
- определение доминанты;

- нахождение лексико-грамматических средств построения текста (анафорических ссылок, повторов, закавыченных слов, союзов);
- обнаружение дискурсивных слов (дискурс-слов);
- выделение эмоционально-оценочных слов;
- нахождение устойчивых словосочетаний (фразеологизмов, коллокаций) и метафор.

Работа с программой осуществляется в создаваемом пользователем проекте, где, как ранее описывалось, сохраняются тексты и результаты предыдущих операций. Если пользователь на этапе контент-анализа уже определил ключевые категории текста, а также их взаимосвязь, тогда результаты доступны ему и на текущем этапе. Если не определил, тогда осуществить это можно будет и на данном этапе по той же схеме действий с учетом того, что центральной задачей используемого нами подхода является определение общей ситуативной идеи (речевой актуализации дискурса) с последующим подробным анализом контекстуальной области ее актуализации. Поэтому каждое ключевое слово категории (блока) в программе снабжено ссылкой на контекст своего использования.

Критерием выделения доминанты текста, которая может быть представлена как одним, так и несколькими информативными блоками, является значение коэффициентов корреляционной связи, т. е. мер *z-score*. Представим код реализации данной операции:

```
/*
 * Применение данной функции было показано в алгоритме выше.
 */
*/
List<KeyWord> doFilter(List<MeaningfulWord> meaningfulWords, double frequency, int limit, long wordsTotal) {
List<KeyWord> kw = new ArrayList<KeyWord>();
/*
 * Фильтрация и формирование списка ключевых слов на основе
 * параметров 'frequency' и 'wordsCount'
 */
/* Для начала вычисляем разность  $X - E$ , где  $X$  — число вхождений
 * слова в тексте, а  $E$  (математическое ожидание) — величина, равная
 * числу вхождений на миллион значений, умноженному на число слов в
 * тексте.
 * summ — сумма по всем элементам  $\sum_{i=1}^n (X_i - E_i)^2$ 
 */
double summ = 0.0;
Iterator<KeyWord> iter = kw.iterator();
while(iter.hasNext()) {
```

```

summ += Math.pow(iter.next().calcXE(), 2);
}
/*
 * Теперь, зная сумму, вычисляем Z-score. Функция проходит по каждому
 * элементу и вычисляет значение Z-score по формуле.
 *  $Z = (X - E)/S$ 
 *  $S^2 = (\text{СУММ}<1->n (X_i - E_i)^2) / (n - 1)$ 
 */
iter = kw.iterator();
int count = kw.size();
while(iter.hasNext()) {
iter.next().calcZScore(summ, count);
}
// Прочие действия ...
}

```

Что же касается нахождения лексико-грамматических средств построения текста, отметим, что данная совокупность операций связана с необходимостью определения формы построения дискурса адресантом. Это позволяет исследователю понять, насколько адресант смог составить свою область языковой коммуникации (как он смог отделить социальную практику коммуникантов, т. е. фон описываемого события с другими участниками коммуникации, от дискурсивной практики, т. е. мастерства донесения информации о событии).

Отметим некоторые детали работы с программой, игнорирование которых может снизить ее ценность.

— Если на этапе контент-анализа программа TextHistory заменяла анафору упоминаемым ею объектом, то на этапе дискурс-анализа она выделяет анафорические ссылки непосредственно для изучения их пользователем.

— Закавыченные слова и слова в скобках являются элементами актуализации дискурса, когда для пояснения или акцентуации внимания адресата адресант вводит элементы пунктуационного (речевого) обозначения слов (выражений), обладающих особой значимостью в семантике текста.

— Закавыченные слова и словосочетания имеют специфическое значение, которое сам пользователь способен установить, рассматривая закавыченное слово в контексте. Этими значениями являются:

- ассоциативное сравнение;
- скрытые антонимы;

- слова с потенциальной многозначностью;
- семантические окказионализмы, экспрессивный эффект которых создается посредством ассоциаций системного характера, главным образом омонимии;
- слова, главным образом местоимения, с актуализированным, социально конкретизируемым значением;
- продуктивные модели субстантивно-атрибутивных словосочетаний, в которые расширяются смысловые связи как существительных, так и прилагательных.

В рамках программы все это реализовано таким образом, что пользователю представляется полный список заковыченных выражений с указанием количества их вхождений в контекст. При выборе какого-либо элемента из этого списка пользователь может перейти прямо в контекст, где он получит все вхождения заковыченного выражения.

Важной задачей решаемой программы на данном этапе является нахождение дискурсивных слов. Под дискурсивным словом мы понимаем особый класс языковых единиц, объединенных общим функциональным критерием, который обеспечивает логическую связь элементов текста и намечает интерпретацию адресата [1]. Согласно А. Н. Баранову, под дискурсивными словами подразумеваются «единицы, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего» [4]. С целью надежного поиска дискурсивных слов в тексте нами задействован словарь дискурс-слов, который в данном случае состоит из 24 дискурсивных слов, входящих в 9 групп, в том числе в группы единиц, связанных с идеями:

- полноты (вовсе, совсем);
- обобщения (вообще, в общем, в целом, в принципе);
- реальности (действительно, в самом деле, на самом деле, в действительности);
- неполноты (едва, еле, с трудом, чуть, немного, почти);
- минимизации (прямо, просто);
- горести (предложные конструкции с глаголами горестного чувства);
- правды (правда);
- с корнем «вид» (видимо, по-видимому, видно);
- возможности (никак, не иначе как).

Структура словарной статьи дискурс-слова имеет следующий вид:

- заглавное слово — метафорическая интерпретация значения дискурсивного слова относительно условий его использования;
- источник — указывает, какие языковые формы оказывают воздействие на формирование актуального значения заглавного слова;
- операция — компоненты смысла описываемой единицы, которая может быть прослежена во всех случаях использования словарного слова;
- семантические эффекты — фиксация семантического значения слова в модификации;
- модификация — метафорическое значение дискурс-слова в конкретном типе его употребления.

Выделение устойчивых словосочетаний и метафор в программе TextHistory осуществляется определенным образом. Для определения метафор в тексте задействован словарь глагольной сочетаемости непредметных имен русского языка, где в качестве единицы анализа выступает такое сочетание позиций слов, как «глагол-существительное», «глагол-прилагательное-существительное» и «прилагательное-существительное» [6].

Речь идет об анализе сочетаний, устроенных таким образом, чтобы в них было «главное слово» (чаще всего существительное), обозначающее «абстрактную сущность» (эмоцию, внутреннее состояние, свойство и т. п.), и второй член словосочетания (неважно, подчиненный или подчиняющий). Фактически это словосочетание состоит из двух (реже трех) элементов, один из которых обладает определенным категориальным семантическим признаком (возможность, действие, изменение и др.), определяющим его сочетаемость, а второй элемент, по крайней мере в своем исходном значении, обладает смыслом только в контексте противоположного значения данного категориального признака.

Для определения коллокаций — устойчивых словосочетаний, значение которых может иметь ограниченное число вариантов использования — применяется парное распределение слов в тексте. Это осуществляется путем составления частотных списков слов, оказавшихся слева или справа от ключевого. При этом выбираются слова, находящиеся друг от друга не более чем на 4 лексемы.

Разработанная нами программная среда TextHistory адресована в первую очередь молодым исследователям истории, которым необ-

ходим инструмент качественного анализа текста нарративного источника. Программа позволяет пользователю быстро составить смысловой портрет анализируемого им корпуса текстов, а также определить психолингвистические особенности его автора (авторов). Программа полезна и тем, кто изучает методику проведения дискурсивного анализа, и тем исследователям (а их основная часть), которые работают с нарративом. В программе, кроме инструментов обработки текста, содержится блок методической поддержки, содержащий графически-текстовое описание всех этапов работы в нем, а также материалы (статьи, монографии, пособия) научного обоснования идеи автоматизации процесса применения нетрадиционных методов исторического познания.

Литература к главе 6

К разделу 6.1 «Компьютерная модель профессионально-биографического портрета историка»

1. Пачковская, С. В. Формирование контента реферата при автоматическом реформировании научного текста: дис. ... канд. техн. наук: 05.13.11 / С. В. Пачковская. — Улан-Удэ, 2010. — 180 л.
2. Приборович, А. А. Компьютерная реализация среды контентного, психологического, дискурсивного анализа текста нарративного источника / А. А. Приборович, Н. В. Толкачев // материалы XIII конф. Асс. «История и компьютер», Москва, 21–23 сент. 2012 г.: инф. бюл. / Моск. гос. ун-т, Алтай. гос. ун-т; редкол.: Л. И. Бородкин, В. Н. Владимиров, И. М. Гарскова. — М. — Барнаул: Азбука, 2012. — № 38. — С. 96–97.
3. Рякитянский, Н. М. Теория и методология психологического портретирования личности политика: дис. ... д-ра. психол. наук: 19.00.12 / Н. М. Рякитянский. — СПб., 2004. — С. 185–186.

К разделу 6.2 «Разработка среды компьютерного анализа текста нарративного источника TextHistory»

1. Белова, В. М. Функционально-семантические особенности дискурсивных слов в жанре мемуаров / В. М. Белова // Вестн. Череповец. гос. ун-та. — 2011. — № 1. — С. 50–53.
2. Киселев, М. В. Метод кластеризации текстов, учитывающий совместную встречаемость ключевых терминов и его применения к анализу тематической структуры новостного потока, а также ее динамики / М. В. Киселев, В. С. Пивоваров, М. М. Шмулевич // Электронный архив ЦКО УрФУ [Электронный ресурс] / ЦКО УрФУ. — Екатеринбург, 2005. — Режим доступа: <http://elar.usu.ru/handle/1234.56789/1421>. — Дата доступа: 09.09.2011.

3. Ландэ, Д. В. Интернетика: Навигация в сложных сетях: модели и алгоритмы / Д. В. Ландэ, А. А. Снарский, И. В. Безсуднов. — М.: Либроком, 2009. — 264 с
4. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка [Текст] / сост. А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. — М., 1993. — С. 8.
5. Сидорцов, В. Н. Изучение личности в истории: ориентация на контент-анализ, психоанализ, дискурс-анализ / В. Н. Сидорцов, А. А. Приборович. — Минск: Изд. центр БГУ, 2011. — С. 168—171.
6. Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен русского языка / О. Л. Бирюк, В. Ю. Гусев, Е. Ю. Калинина // Нац. корпус рус. яз. / Рос. акад. наук, Ин-т им. В. В. Виноградова РАН [Электронный ресурс]. — 2008. — Режим доступа: http://dict.ruslang.ru/abstr_noun.php/. — Дата доступа: 01.06.2012.
7. Технология извлечения знаний из текста // Информационно-аналитическая система «МЕДИАЛОГИЯ» [Электронный ресурс]. — М., 2011. — Режим доступа: <http://mgl.ru>. — Дата доступа: 09.09.2011.
8. Zobel, J. Finding approximate matches in large lexicons / J. Zobel, Ph. Dart // Software — practice and experience. — 1995. — Vol. 25 (3). — P. 331—345.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В белорусской исторической науке нарративный источник является основным документом научного познания истории. От качества его представления, связанного и с пониманием обстоятельств появления текста, и с потребностями современного развития (история — политика, направленная в настоящее и будущее), зависит уровень научной работы в области исторического исследования и обучения истории, которое должно приобрести практико-ориентированный характер.

В научный исторический анализ включены не только результаты деятельности социума и его отдельных представителей, но и сама личность автора документа и его первого и последующих исследователей. Это, с одной стороны, усложняет работу историка, а с другой — приближает его к исторической истине, позволяет глубоко осмыслить прошедшее время, породившее личность, и сделать практические рекомендации по формированию личности в наше время. Такова объективная потребность, вытекающая из уроков Второй мировой войны и ставшая руководством к творчеству историков на Западе и в России, где появились биографическая и персональная истории и ни одна диссертация не обходилась без акцента на творцов истории не только как науки, но и как действительности.

Однако в нашей историографической практике последнего времени наблюдается и довольно свободное толкование событий и явлений прошедшего и случаи ошибочной оценки работ, написанных с позиций современного понимания функций и принципов исторического познания. Такую практику нельзя не подвергать научной критике с позиции современной методологии истории, междисциплинарности, интеграции наук.

Предметом научного дискурса историка, как видно из содержательной части данной монографии, является текст с его внетекстовыми параметрами. Познание текста на современном уровне требует изучения личности автора текста и личностей его исследователей, а также соответствующей подготовки исследователей. Решить эти задачи невозможно без знаний и навыков, которые дают нам, историкам, по крайней мере социология, психология, лингвистика, математика и информатика.

Обращение к междисциплинарности и полидисциплинарности — ключ к разработке модели комплексного анализа исторического тек-

ста, на основе которой можно создать соответствующую информационную среду, ранее неизвестную в Беларуси и за ее пределами. Разработка такой модели и ее информационного обеспечения сопряжена с постижением необычной для историка терминологии и с развитием его мышления. Без этого, мы убеждены, невозможно идти вперед, повысить свой профессиональный уровень, приблизиться к исторической истине, удовлетворяя современные потребности исторической науки и собственные потребности высококвалифицированного специалиста в области исторического знания.

На рис. 4 представлена модель сочетаемости нетрадиционных методов анализа текста, реализованных в программной среде Text History. В основу модели положена идея о том, что одинаковая природа и внутреннее единство объекта исследования позволяют при компьютерной обработке текста определить тесную взаимосвязь, смысловую тождественность данных, полученных в результате использования приемов контент-аналитического, психолингвистического, дискурсивного анализа содержания нарративного источника. Эта же тождественность определяет возможность использования результатов одного метода анализа текста в других методах, а также их компьютерное исполнение в одной инструментальной среде.

Не случайно к программной среде предпослана эта модель, демонстрирующая сочетание нетрадиционных методов исторического познания нарративного источника. В соответствии с моделью общим объектом для реализации контент-анализа, психолингвистического анализа и дискурс-анализа является текст, т. е. текстовая форма записи коммуникативного события и явления.

Модель представлена в форме окружности, включающей линии координат, пересекающие ее сферы, которые обозначают области применения нетрадиционных методов анализа текста нарративного источника. По координате К1 размещены основные методы, реализуемые в нашей программе. По К2, в соответствии со сферой, названы приемы анализа текста, входящие в методологию познания истории. По К3 обозначены элементы текста, задействованные в его анализе, а по К4 — исследовательские задачи, решаемые при изучении личности посредством обработки ее текста, т. е. языка.

Изучение модели осуществляется от центральной сферы «Контент-анализ» к сфере «Дискурс-анализ». Правда, на схеме модели отмечены не все исследовательские приемы и задачи, описанные в главах 5 и 6 монографии. На рисунке запечатлено самое главное, что, на наш взгляд,

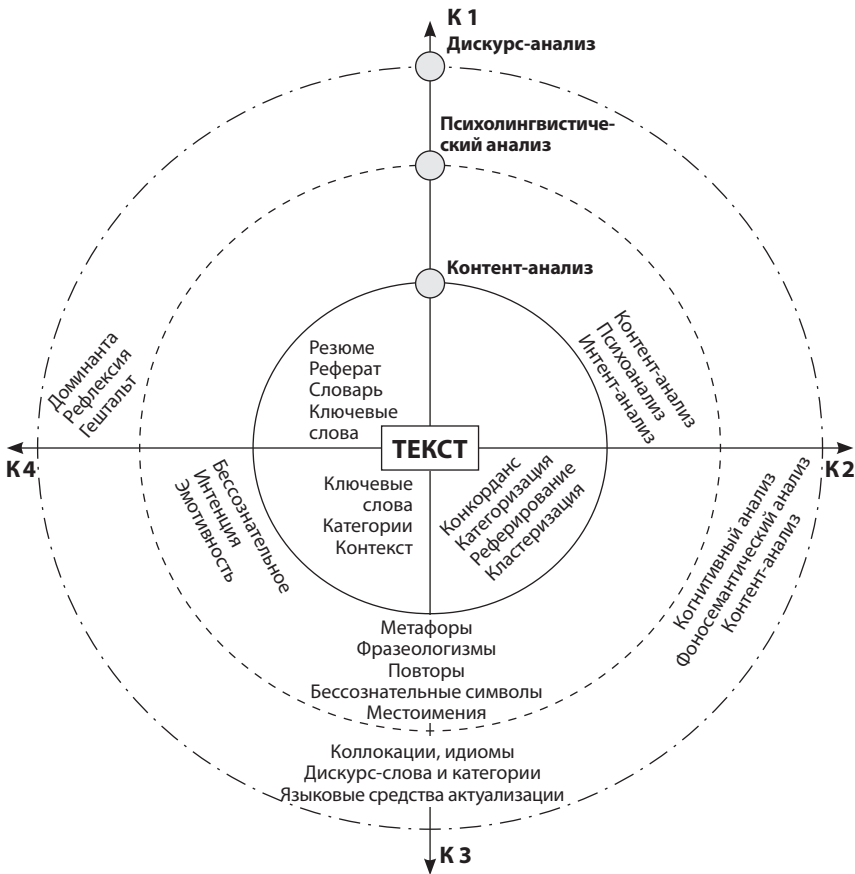

Рис. 4. Модель сочетаемости нетрадиционных методов анализа текста нарративного источника:

К 1 — нетрадиционные методы; К 2 — приемы анализа текста;
 К 3 — анализируемые элементы текста; К 4 — исследовательские задачи

отражает смысл научной идеи. Данная модель, или методологическая карта, напоминает карту памяти, описанную в ряде работ Н. И. Миницкого, в том числе в его докторской диссертации. Это наиболее простой и эффективный способ организации мыслительной деятельности исследователя в условиях постоянного нарастания информации.

Наша модель, надеемся, поможет пользователям составить алгоритм анализа собственного текста заданного нарративного источника.

Научное издание

Сидорцов Владимир Никифорович
Приборович Артем Александрович

**НАУЧНЫЙ ДИСКУРС ИСТОРИКА:
СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Ответственный за выпуск *В. С. Повколас*
Художник обложки *Л. И. Мелов*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *Е. В. Романчик*
Корректоры *Т. Н. Булатова, В. М. Иванов, Н. Б. Кучмель*

Подписано в печать 31.01.2013. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 10,11.
Тираж 200 экз. Заказ 877.

Издатель и полиграфическое исполнение:
республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
ЛИ № 02330/0494361 от 16.03.2009.
ЛП № 02330/0494178 от 03.04.2009.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.